

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2019 Том 10 № 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

Научный журнал
Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

В.Н. Денисенко, доктор
филологических наук, профессор,
РУДН, Россия

E-mail:

denissenko_vn@rudn.university

Заместитель главного редактора

Н.В. Новоспасская, кандидат
филологических наук, доцент,
РУДН, Россия

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

Ответственный секретарь

О.В. Лазарева, кандидат
филологических наук,
РУДН, Россия

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

Члены редакционной коллегии

Беднарлова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов (Прешов, Словакия)

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Республика Узбекистан)

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск, Беларусь)

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков (Витория-Гастейс, Испания)

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный Университет Штата Миссури (Джоплин, Миссури, США)

Тарасов Евгений Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Республика Казахстан)

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library CyberLeninKa.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика (Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика)* издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about/submissions#authorGuidelines>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Авторы, желающие получить номер с опубликованной статьей, оформляют подписку на два выпуска журнала; подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.university

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Е.П. Довголевская

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.university

Подписано в печать 26.02.2019. Выход в свет 28.02.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,04. Тираж 500 экз. Заказ № 20. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2019

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2019 VOLUME 10 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Denissenko

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail: denissen-

ko_vn@rudn.university

DEPUTY-EDITOR-IN CHIEF

Natalia Novospasskaya

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

novospasskaya_nv@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya Lazareva

RUDN University, Moscow, Russia

E-mail:

lazareva_ov@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov (Prešov, Slovakia)

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov (Moscow, Russia)

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World languages University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Elena Krassina, RUDN University (Moscow, Russia)

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country (Vitoria-Gasteiz, Spain)

Marina Novikova, RUDN University (Moscow, Russia)

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky (Simferopol, Russia)

Vladimir Sinyachkin, RUDN University (Moscow, Russia)

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University (Joplin, Missouri, USA)

Evgeniy Tarasov, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan)

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University, series "Theory of Language. Semiotics. Semantics" (new title "*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*") elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal "**RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics**" (4 issues a year) was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as "Reviews", "Scientific Reviews", "Scientific Chronicles".

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=148#redcol>.

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Authors are supposed to subscribe the Bulletin, if they'd like to have an issue with their article published.

E-mail: semioticj@rudn.university

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *E.P. Dvoglevskaya*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ.**ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК****Вестника Российского университета дружбы народов****Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика****Денисенко В.Н., Красина Е.А., Лазарева О.В. (Россия, Москва).**Системная типология языков: анализ и синтез в науке о языке (**Deni-
senko V.N., Krasina E.A., Lazareva O.V. (Russia, Moscow).** Systemic

typology of languages: analysis and synthesis in linguistic studies) .....

9

СИСТЕМНОСТЬ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ:**ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ДЕТЕРМИНАНТА****ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ И ЕДИНИЦ****Маслова В.А., Лавицкий А.А. (Беларусь, Витебск).** От системности
в лингвистике к синтезу с другими областями знаний .....

19

Киосе М.И. (Россия, Москва). Синтаксические характеристики окказио-
нальных не прямых номинаций в русском и английском языках: типологиче-
ский аспект .....

25

Дремов А.Ф. (Россия, Москва). Понятия простейшего и простого пред-
ложения в парадигме системной теории падежа .....

43

Валентинова О.И., Рыбаков М.А. (Россия, Москва). Активные процессы
в современном русском языке в свете детерминантного анализа .....

63

Евграфова Ю.А. (Россия, Москва). Семиотическая «матрёшка»: кодиро-
вание в гетерогенных экранных текстах (на примере кинотекста «Король
говорит!» и видеотекста «Ты один ты такой») .....

75

Киров Е.Ф. (Россия, Москва). Детерминанта языка и фонетические
явления .....

85

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТЕКСТА**Максименко О.И. (Россия, Москва).** Автоматизированный дистрибутивно-
статистический анализ как системная обработка текста .....

92

Тодорова И.Д. (Россия, Москва). Своеобразие коммуникативного ракурса
русской языковой системы с позиции системной лингвистики .....

101

ДЕТЕРМИНАНТНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

- Темиргазина З.К. (Казахстан, Павлодар).** Количество участников как фактор коммуникативной ситуации: типология ситуаций с тремя участниками 108
- Кокова А.В., Тамерьян Т.Ю. (Россия, Владикавказ).** Репрезентация фемининных принципов бизнес-менеджмента (по материалам СМИ) 121

MISCELLANEA: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ОПИСАНИЯХ ЯЗЫКА

- Alontseva N., Ermoshin Yu. (Russia, Moscow).** Problem of language redundancy on the example of a scientific text (**Алонцева Н.В., Ермошин Ю.А. (Россия, Москва).** Проблема языковой избыточности на примере научного текста) 129
- Тамерьян Т.Ю., Цаголова В.А. (Россия, Владикавказ).** Динамика метафорической вербализации образа Kanzlerin Angela Merkel 141
- Баров С.А., Егорова М.А. (Россия, Москва).** Кантонский диалект в современном Китае: проблема сохранения 152
- Джусупов М. (Узбекистан, Ташкент).** Евразийское полилингвальное пространство: презентация слова-термина «лугат» в словарях тюркских языков (казахский, узбекский) 167
- Персиянова С.Г., Ростова Е.Г. (Россия, Москва).** Формирование профессиональной (лингвокультурной) компетенции итальянских студентов-культурологов 177
- Filyasova Yu.A. (Russia, Saint Petersburg).** Effectiveness vs. efficiency: an analysis of valency and collocability in a technical context (**Филясова Ю.А. (Россия, Санкт-Петербург).** Effectiveness vs. Efficiency: анализ валентности и сочетаемости в техническом контексте) 187

НАУКА 21.0

- Голубенко Е.А. (Россия, Бронницы).** Полевая организация концептов «война» и «мир» в современной языковой картине мира 197
- Юнкова Е.П. (Россия, Москва).** Передача лингвокультурем в художественном переводе повести «Питер Пэн» 213

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

THEMATIC ISSUE OF THE RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

Denisenko V.N., Krasina E.A., Lazareva O.V. (Russia, Moscow). Systemic typology of languages: analysis and synthesis in linguistic studies 9

SYSTEMICITY IN LANGUAGE STUDIES: INTERIOR AND EXTERIOR DOMINANTS OF LINGUISTIC CATEGORIES AND UNITS

Maslova V.A., Lavitskij A.A. (Belarus, Vitebsk). From systemic linguistics to synthesis with other fields of knowledge 19

Kiose M.I. (Russia, Moscow). The syntax of novel figurative names in Russian and English: typological aspect 25

Dremov A.F. (Russia, Moscow). The concepts of the simplest and simple sentences in the paradigm of systemic theory of case 43

Valentinova O.I., Rybakov M.A. (Russia, Moscow). Active processes in modern Russian in the light of determinantal 63

Evgrafova Yu.A. (Russia, Moscow). Semiotic “stacking doll”: coding in heterogeneous screen texts (casestudy of a film text “King’s speech” and a videotext “You’re the one, you’re such a name”) 75

Kirov E.F. (Russia, Moscow). The determinant of language and phonetic phenomena 85

INTERIOR AND EXTERIOR DOMINANTS OF THE TEXT

Maksimenko O.I. (Russia, Moscow). Automatic distributive-statistic analysis as system text processing 92

Todorova I.D. (Russia, Moscow). The peculiarity of the communicative perspective Russian language system from the standpoint of systemic linguistics 101

SPEECH COMMUNICATION IN THE DETERMINANT ANGLE

- Temirgazina Z.K. (Kazakhstan, Pavlodar).** The number of participants as a communicative situation factor: a typology of situations with three participants 108
- Kokova A.V., Tamerian T.Yu. (Russia, Vladikavkaz).** The representation of the feminine principles in business management (according to the media) 121

MISCELLANEA: SYSTEMIC APPROACH IN THEORETICAL AND APPLIED DESCRIPTIONS OF LANGUAGE

- Alontseva N., Ermoshin Yu. (Russia, Moscow).** Problem of language redundancy on the example of a scientific text 129
- Tamerian T.Yu., Tsagolova V.A. (Russia, Vladikavkaz).** Dynamics of metaphorical verbalization of the image of Kanzlerin Angela Merkel 141
- Barov S.A., Egorova M.A. (Russia, Moscow).** Cantonese dialect in modern China: the problem of conservation 152
- Dzhusupov M. (Uzbekistan, Tashkent).** Eurasian multilingual area: presentation of word-term “lugat” in dictionaries of Turkic languages (Kazakh, Uzbek) 167
- Persyanova S.G., Rostova E.G. (Russia, Moscow).** Formation of professional (lingvocultural) competence of Italian students-culturologists 177
- Filyasova Yu.A. (Russia, Saint Petersburg).** Effectiveness vs. efficiency: an analysis of valency and collocability in a technical context 187

SCIENCE 21.0

- Golubenko E.A. (Russia, Bronnitsy).** Field organization of concerts “war” and “peace” in the modern linguistic world view 197
- Yunkova E.P. (Russia, Moscow).** Translation of linguoculturemes in the fiction text “Peter Pan” 213

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ. ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК Вестника Российского университета дружбы народов Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика

УДК: 81'44:005

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-9-18

СИСТЕМНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ: АНАЛИЗ И СИНТЕЗ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ

В.Н. Денисенко, Е.А. Красина, О.В. Лазарева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

ВВЕДЕНИЕ

9 ноября 2018 года кафедра общего и русского языкознания филологического факультета РУДН провела круглый стол к 90-летию проф. Г.П. Мельникова «Системная типология языков: анализ и синтез в науке о языке». На заседании прозвучали доклады и сообщения известных и молодых ученых, его учеников и последователей, развивающих теорию и методологию системных исследований современного языкознания и филологии.

В трудах Г.П. Мельникова системность языка получила глубокое и всестороннее освещение, в первую очередь речь идет о его докторской диссертации «Принципы и методы системной типологии языков» (Москва, 1989) и монографии «Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л.Г. Зубкова (Москва: Наука, 2003; опубликована посмертно).

Опираясь на синтезирующие лингвистические концепции В. фон Гумбольдта и И.А. Бодуэна де Куртенэ, проф. Г.П. Мельников ввел в научный обиход такие понятия, как внутренняя и внешняя детерминанта языка, цельно-системная типология языков, коммуникативный ракурс и целый ряд других. В его теории по-новому освещены известные категории языковой номинации, предикации и предикативности, в ином освещении предстала категория падежа в русском языке, комплекс глагольных категорий и значений и др. Одновременно была разработана методология, основанная на традиционных и новых, интегральных подходах к такому сложному и постоянно развивающемуся объекту — языку.

Участники круглого стола к 90-летию проф. Г.П. Мельникова

Языковая системология Г.П. Мельникова стала новым этапом в развитии теоретических и прикладных лингвистических исследований: она вскрыла глубокие уровни науки о языке и наметила широкие перспективы не только для описания множества различных языков мира, но и обозначила переход к аргументированному интегральному представлению человеческого языка как диалектически развивающегося общественного явления. При этом каждый отдельный мельчайший элемент языка отражает его систему в целом, и наоборот, языковая система проецируется на отдельные мельчайшие элементы языка.

Редколлегия журнала полагает, что материалы этого выпуска охватывают комплекс современных исследовательских лингвистических проблем, намечают новые горизонты изучения языков, предлагают интегративные методики и методы системной лингвистики. Эти публикации адресованы не только специалистам-филологам и лингвистам, но и широкому кругу заинтересованных читателей.

КРАТКИЙ ОБЗОР СТАТЕЙ НОМЕРА

Статьи-доклады участников круглого стола к 90-летию проф. Г.П. Мельникова сгруппированы в четыре раздела:

1. Системность в науке о языке: внутренняя и внешняя детерминанта языковых категорий и единиц.
2. Внутренняя и внешняя детерминанты текста.
3. Детерминантный аспект речевой коммуникации.
3. *Miscellanea*: системный подход в теоретических и прикладных описаниях языка.

Первый раздел «Системность в науке о языке: внутренняя и внешняя детерминанта языковых категорий и единиц» открывает статья профессора **В.А. Масловой** и доцента **А.А. Лавицкого** (Витебск, Республика Беларусь), в которой, наряду с постулированием значимости теоретического наследия Г.П. Мельникова, обсуждается принципиальный вопрос системности языка с учетом интегративного подхода к его описанию и исследованию. Особо отмечается синергетический принцип, позволяющий продемонстрировать взаимодействие внутренней и внешней детерминант языка в антропологическом, социологическом, психологическом пространстве языка и языковой картины мира.

В статье ученика проф. Г.П. Мельникова — доцента **А.Ф. Дремова** (Москва, Россия) — обсуждаются существенные вопросы системности грамматического уровня языка — категория падежа и простого (простейшего) предложения русского языка, и на этом материале формулируется остенсивное определение внутренней детерминанты русского языка. Системно категория падежа и синтаксические категории простейшего и простого предложения взаимодействуют на уровне текста, выступая главными инструментами текстовой компрессии.

В материале профессора **О.И. Валентиновой** и доцента **М.А. Рыбакова** (Москва, Россия) анализируются активные процессы, наблюдаемые в массовой русской речи на всех уровнях языковой системы. Предлагаемый авторами в рамках

системной типологии детерминантный анализ применительно к языку флективного типа позволяет обнаружить тенденции к нарушению и разрушению флективного строя на фоне активного влияния факторов внешней языковой детерминанты, тесно взаимодействующей с детерминантой внутренней. Сущность системной теории проф. Г.П. Мельникова неизбежно оказывает влияние на синтезированное знание.

Заключительная статья этого раздела написана профессором **Е.Ф. Кировым** (Москва, Россия). Здесь с точки зрения подхода детерминантного рассматриваются такие, на первый взгляд, периферийные явления, как оканье и аканье в русском языке. Однако, по мнению автора, именно системный детерминантный анализ убедительно демонстрирует социофонетическую и иконическую фоносемантическую сущности данных явлений.

Второй раздел «*Внутренняя и внешняя детерминанты текста*» обращен к тексту. Статья профессора **О.И. Максименко** (Москва, Россия) опирается на идею проф. Г.П. Мельникова о «взаимосогласованности всех статистических и динамических характеристик» текста. Понимая текст как языковое структурно-семантическое образование сложной семиотической природы, интегрирующее многообразные языковые компоненты, автор статьи раскрывает сущность дистрибутивно-статистического анализа применительно к тексту в целом и его компонентам в частности. Основными объектами оказываются распределенные в тексте лексические компоненты, осложненные контекстуальными связями в пределах заданного текстового интервала. Результаты анализа позволяют выявить так называемые лексические доминанты — детерминанты текстов различных типов, а в прикладном аспекте — перейти к построению баз данных тезаурусного типа.

Доцент **М.И. Киосе** (Москва, Россия) принимает эстафету и через призму специального статистического анализа текста рассматривает типологически значимые характеристики непрямой номинации в разноструктурных языках — английском и русском. Итоги анализа представлены в ряде таблиц и наглядно демонстрируют эффективность системного детерминантного подхода, как и тесное взаимодействие важнейших языковых категорий: номинации, предикативности и салиентности.

Доцент **Ю.Е. Евграфова** (Москва, Россия) обращается к особому типу текста — кинотексту, который гетерогенен по своей природе и интегрирует комплекс кодов языкового и аудиовизуального сообщения. Целостность и системность кинотекста — сложного семиотического образования — подтверждается синтезом информационного и семиотического подходов.

Завершает раздел статья аспиранта **А.В. Коковой** и профессора **Т.Ю. Тамерьян** (Владикавказ, Россия), отражающая прикладной аспект системного анализа. В центре внимания *автообраз* деловой женщины, синтезирующий когнитивные признаки, этнические и гендерно маркированные ценностные характеристики женщин-предпринимателей в русскоязычной картине мира Северного Кавказа. При этом определяющим приемом анализа является взаимодействие внешней и внутренней детерминант русского языка.

Третий раздел «*Детерминантный аспект речевой коммуникации*» начинается со статьи профессора **З.К. Темиргазинной** (Павлодар, Казахстан), в которой раскрывается динамика и статика коммуникативной ситуации с тремя участниками. Предлагаемая автором типология ситуаций-трилогов опирается на коммуникативный ракурс речевого общения, в котором при доминирующей роли двух участников — говорящего и слушающего — третий участник факультативен, но прагматически и контекстуально необходим.

Статья профессора **Т.Ю. Тамерьян** и преподавателя **В.А. Цаголовой** (Владикавказ, Россия) ставит своей задачей проанализировать результаты моделирования многослойной структуры образа канцлера Ангелы Меркель по материалам немецких СМИ. В качестве методологии анализа постулируется единство эмоции и когниции, внешних и внутренних параметров, важных для когнитивного и классификационного анализа. Сложность модели и ее системность определяются доминантными характеристиками внешней детерминанты немецкого языка в каждый из периодов канцлерства. В статье **И.Д. Годоровой** (София, Болгария), аспиранта РУДН, описывается своеобразие коммуникативного ракурса русского языка на примере так называемых «несобытийных предложений», по Г.П. Мельникову.

Наконец, раздел четвертый «*Miscellanea: системный подход в теоретических и прикладных описаниях языка*» объединяет несколько теоретико-прикладных исследований, проведенных с опорой на принцип системности языка.

В статье доцентов **Н.В. Алонцевой** и **Ю.А. Ермошина** (Москва, Россия) на материале научного текста рассматривается избыточность как лингвистическая проблема. Статья доцентов **С.А. Барова** (Москва, Россия) и **М.А. Егоровой** (Москва, Россия) посвящена проблеме сохранения в современном Китае кантонского диалекта (языка), который, являясь самым крупным по численности носителей среди всех китайских языков, последовательно вытесняется из системы образования и из делового общения. Авторы анализируют лингвистическую историю Китая, роль диалектов в системе китайских языков и историко-политическое значение единой письменной нормы.

В статье профессора **Маханбета Джусупова** (Узбекистан, Ташкент) исследуется представленность в толковых словарях казахского и узбекского языков заимствованной из арабского языка лексемы *словарь*.

В статье доцентов **С.Г. Персияновой** (Москва, Россия) и **Е.Г. Ростовской** (Москва, Россия) рассматривается проблема формирования профессиональной (лингвокультурной) компетенции итальянских студентов-культурологов, специализирующихся на изучении русской культуры в ее синхроническом и диахроническом рассмотрении. Авторами предлагается описание и анализ программы, реализуемой Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина совместно с Миланским государственным университетом.

Данный раздел заканчивается статьей доцента **Ю.А. Филясовой** (Санкт-Петербург, Россия), в которой представлены результаты лексико-синтаксического анализа валентности и сочетаемости английских слов, относящихся к одной

семантической группе: *effectiveness* и *efficiency*. Результаты анализа показывают, что *effectiveness* имеет более широкое семантическое поле (что объясняет более высокую частоту встречаемости), в то время как *efficiency* в большей степени указывает на процесс и имеет дополнительное техническое значение.

В разделе *Наука 21.0* в статье младшего научного сотрудника **Е.А. Голубенко** (Бронницы, Россия) рассмотрены основные результаты сопоставительного исследования концептов «война» и «мир» и их репрезентация в языковой картине мира русского, английского и японского языков. Итогом изучения данных концептов служит моделирование их полевой организации в виде словесного и графического представлений, что раскрывает взаимосвязь языка с существующей реальностью, а также выявляет национально-специфические характеристики языкового сознания этноса.

В статье аспиранта РУДН **Е.П. Юнковой** (Москва, Россия) исследуется перевод художественного текста с английского на русский язык на предмет передачи лингвокультурем. Анализируя варианты перевода повести «Питер Пэн» с английского языка на русский, автор подтверждает тезис о принадлежности лингвокультуры к безэквивалентным единицам.

Обобщая направленность и содержание публикуемых в этом выпуске журнала статей и результатов обсуждения материалов на круглом столе к 90-летию проф. Г.П. Мельникова, отметим, что итогом обсуждения актуальных для современной лингвистики и филологии вопросов становится объективность системного подхода и интегративной методологии исследований.

УДК: 81'44:005

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-9-18

SYSTEMIC TYPOLOGY OF LANGUAGES: ANALYSIS AND SYNTHESIS IN LINGUISTIC STUDIES

Vladimir N. Denisenko, Elena A. Krasina, Olessya V. Lazareva

Peoples' Friendship University (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

INTRODUCTION

On November, 9, 2018, the department of General and Russian Linguistics of the RUDN Philological faculty organized the panel discussion “Systemic typology of languages: analysis and synthesis in linguistic studies” devoted to the 90th anniversary of Prof. G.P. Mel'nikov. In the course of the conference, prominent scholars, young researchers, and Prof. Mel'nikov's followers made reports on developing theory and methodology for systemic studies in modern philology and linguistics.

The works by Prof. G.P. Mel'nikov clearly and thoroughly expose and explain the systemicity of the language, firstly, we would like to mention his Dr. of Philology

degree thesis “Principles and methods of systemic typology of languages” (Moscow, 1989) and monography “Systemic typology of Languages: Principles, methods, models” / Ed. L.G. Zubkova (Moscow: Nauka, 2003; published postmortem). Based on synthetic linguistic concepts of W. von Humboldt and I.A. Baudouin de Courtenay, in his linguistic studies Prof. G.P. Mel’nikov introduced such notions as interior and exterior (inner and outer) forms, wholly systemic typology of languages, communicative project view, and others. His theory reveals anew well-known categories of linguistic nomination, predication and predicates; new angle was assigned to describe the category of case in Russian, a complex of verbal categories and meanings, etc. Simultaneously, there was elaborated a methodology based on both traditional and new integrative approaches to such a complex and permanently progressing object as language.

G.P. Mel’nikov’s language systemology started a new stage in the progress of theoretical and applied linguistic research: it exposed the deepest layers of linguistic studies and outlined large perspectives not only to describe the multitude of world languages, but also to mark a transfer to argumentative integrative conception of the human language as a dialectically on-going social phenomenon. Besides, each separate atomic language element reflects its system as a whole, and, vice versa, language system projects itself upon its tiniest elementary components.

The Editorial Board assumes the materials of this issue cover a large complex of topics of modern linguistics, project new horizons to study languages, outline integrative methods of systemic linguistics. The publications are addressed both to philologists and linguists and a large range of readers interested in language studies.

A BRIEF REVIEW OF THE ARTICLES OF THE ISSUE

Articles and reports of the participants of the panel discussion devoted to the 90th anniversary of Prof. G.P. Mel’nikov are grouped in four sections:

1. Systemicity in language studies: interior and exterior dominants of linguistic categories and units.
2. Interior and exterior dominants of the text.
3. Speech communication in the determinant angle.
4. Miscellanea: systemic approach in theoretical and applied descriptions of the language.

The first section “Systemicity in language studies: interior and exterior dominants of linguistic categories and units” begins with the article by Prof. **V.A. Maslova** and Ass.-prof. **A.A. Lavitskij** (Vitebsk, Republic of Belarus) in which in parallel with stating the significance of Prof. Mel’nikov’s theoretical legacy, the authors tackle the principle issue of language systemicity involving integrative angle of its description and research. The synergic principle is treated as a specific means to demonstrate the interaction of interior and exterior dominants of language within anthropologic, sociologic, psychologic linguistic space and linguistic world view. The article written by Ass.-prof. **A.F. Dremov** (Moscow, Russia), the follower of Prof. Mel’nikov, discusses essential issues of grammatical systemicity — the categories of case and simple (the simplest) sentence which enables the wording of ostensive definition of the interior determinant of the Russian

language. Those categories interoperate at the text level as the main means of textual compression. The publication of Prof. **O.I. Valentinova** and Ass.-prof. **M.A. Rybakov** (Moscow, Russia) observes active processes emerging in modern Russian mass speech at different layers of the language system. The systemic typological determinant analysis introduced by the authors in the context of inflexional language helps to reveal the trend violating and destructing the inflexional mode against active influence of the exterior determinant factors interoperating with interior determinant. In essence, the systemic theory of Prof. Mel'nikov forms the core of the synthesized cognition. The final article of the section written by Prof. **E.F. Kirov** (Moscow, Russia) regards from the point of view of determinant approach at the first sight peripheral phenomena as *okanje* and *akanje* in Russian. Still, in the author's opinion, it is systemic determinant analysis that convincingly proves socio-phonetic and iconic phono-semantic essence of those phenomena.

The second section "Interior and exterior dominants of the text" is devoted to text analysis. The article by Prof. **O.I. Maksimenko** (Moscow, Russia) proceeds from Prof. Mel'nikov's idea of "inter-coordination of all static and dynamic characteristics" applied in texts. Understanding a text as a linguistic structural and systemic formation of a complex semiotic origin which integrates various linguistic components the author exposes the essence of distributive-and-statistical analysis (DSA) of the text as a whole and its components, in particular. The main objects of the analysis are distributed in the text lexical elements burdened with contextual correlations within a certain textual interval. The results of the analysis help to reveal the so-called lexical dominants — textual determinants of different origins, which in practice help to get down to composing thesaurus data bases. Dr. of Philology **M.I. Kiose** (Moscow, Russia) picks up the slack and through the prism of special statistic text analysis treats typologically significant features of indirect nomination in structurally different languages — English and Russian. The results of the analysis are accumulated in a number of tables and vividly show the effect of systemic determinant approach as well as the closest interaction of the most important categories of nomination, predication and salience. Ass.-prof. **Yu.A. Evgrafova** (Moscow, Russia) analyses a specific type of text — cinema or film text heterogeneous by nature. It integrates both linguistic and audio-visual complexes of codes and makes up a specific systemic semiologic formation synthesizing both semiotic and informational means. The final article of the sector written by PhD student **A.V. Kokova** and Prof. **T.Yu. Tameryan** (Vladikavkaz, Russia) is devoted to the applied aspect of systemic analysis. The core of research is the *autoimage* of a business woman associating cognitive aspects, ethnic and gender-marked axiological features of business women within the Russian linguistic worldview in the Northern Caucasus area. The interaction of interior and exterior dominants of the Russian language are of prime importance as the means of analysis.

The third section "Speech communication in the determinant angle" starts with the article by Prof. **Z.K. Temirgazina** (Pavlodar, Kazakhstan). It describes the statics and dynamics of communicative situation with three communicants. The typology of those 'trilogue' situations proposed by the author is based on the communicative

angle of speech communication while the two communicants — speaker and listener are obligatory and the third one is optional, but absolutely necessary contextually and pragmatically. The article by Prof. **T.Yu. Tameryan** and **university teacher of German V.A. Tsagolova** (Vladikavkaz, Russia) shows the results of modelling the multilayered structure of the image of German Chancellor Angela Merkel as the object of German media sources' attention. The methodology of the analysis combines emotion and cognition, exterior and interior parameters significant for cognitive analysis and classification. The complexity of the model and its systemicity are determined by dominant characteristics of exterior and interior determinants of the German language in each period of the Chancellor's government. The article by RUDN University PhD student **I.D. Todorova** (Moscow, Russia) discusses the peculiarities of communicative peculiarities of the so-called “non-eventful” Russian sentences, according to G.P. Mel'nikov interior determinant method.

The last section “Miscellanea: systemic approach in theoretical and applied descriptions of language” includes theoretical and applied research carried out on systemic analysis principles.

The article by associate professors **N.V. Alontseva** and **Yu.A. Ermoshin** (Moscow, Russia) considers redundancy as a linguistic problem based on a scientific text. Associate professors **S.A. Barova** (Moscow, Russia) and **M.A. Yegorova** (Moscow, Russia) devote their research to the problem of preserving Cantonese dialect (language) in modern China, which, being the largest in number of native speakers among all Chinese languages, is consistently forced out of the educational system and business communication. The authors analyze the linguistic history of China, the role of dialects in the system of Chinese languages, and the historical and political significance of a single written standard. The article by Professor **Makhanbet Dzhusupov** (Uzbekistan, Tashkent) examines the representation of borrowed from the Arabic language lexeme *dictionary* in the dictionaries the Kazakh and Uzbek languages. The research by associate professors **S.G. Persianova** (Moscow, Russia) and **E.G. Rostova** (Moscow, Russia) investigates the problem of forming the professional (linguocultural) competence of Italian cultural students who specialize in the study of Russian culture in its synchronic and diachronic consideration. The authors offer a description and analysis of the program implemented by The Pushkin State Russian Language Institute together with the University of Milan. This section ends with the article by associate professor **Yu.A. Filasova** (St. Petersburg, Russia), which presents the results of the lexical and syntactic analysis of the valence and compatibility of English words belonging to the same semantic group: *effectiveness* and *efficiency*. The results of the analysis show that *effectiveness* has a wider semantic field (which explains the higher frequency of occurrence), while *efficiency* to a greater degree indicates a process and has an additional technical value.

The section *Science 21.0* introduces an article by the junior research scientist **E.A. Golubenko** (Bronnitsy, Russia) that reviews the main results of a comparative study of the concepts “war” and “peace” and their representation in the linguistic world view of the Russian, English, and Japanese languages. The result of the study of these

concepts is the modeling of their field organization in the form of verbal and graphic representations, which reveals the relationship of the language with the existing reality, and brings to light national-specific characteristics of the ethnos language consciousness. The article by the RUDN graduate student **E.P. Yunkova** (Moscow, Russia) examines the translation of a literary text from English into Russian and the interpretation of linguoculturemes. Analyzing different versions of translation of the story “Peter Pan” from English to Russian, the author confirms the thesis that a linguocultureme belongs to non-equivalent units.

Generalizing the content of the articles presented in this journal issue and discussing the materials of the panel discussion devoted to the 90th anniversary of Prof. G.P. Mel’nikov, the Editorial Board has to state that the main result of the discussion is the proof of the objectivity of systemic approach and integrative methodology in modern philology and linguistics.

СИСТЕМНОСТЬ В НАУКЕ О ЯЗЫКЕ: ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ДЕТЕРМИНАНТА ЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ И ЕДИНИЦ

УДК: 81:005

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-19-24

ОТ СИСТЕМНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ К СИНТЕЗУ С ДРУГИМИ ОБЛАСТЯМИ ЗНАНИЙ

В.А. Маслова, А.А. Лавицкий

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
пр-т Московский, 33, Витебск, Беларусь, 210038

В статье показано, что научное наследие Г.П. Мельникова не потеряло своей актуальности и в XXI столетии. Будучи крупным ученым XX века, он не только углубил понятие системности языка, представив эволюционный подход к проблеме, но и предвосхитил холистическое видение мира, интегративный подход и необходимость расширения методологического инструментария в исследовании языка. Подтверждением этому служат идеи, заложенные в работы лингвиста и обнаруживающиеся при подробном рассмотрении перспективных направлений современного языкознания, ориентированных на включение в предметную область исследовательского интереса антропологических, социологических и психологических аспектов языкового пространства и языковой картины мира. Труды Г.П. Мельникова в определенной степени дополняют активно развивающиеся направления интегративности, теории трансфера, синергетики и др.

Ключевые слова: Г.П. Мельников, системность языка, детерминант, синергетика, триангуляция, интегративность, теории трансфера

ВВЕДЕНИЕ

Г.П. Мельников — выдающийся ученый XX века, который после Ф. де Соссюра, наряду с В.В. Виноградовым, Ю.С. Степановым, Е.С. Кубряковой и др., внес значительный вклад в развитие идеи системности в лингвистике. Традиционно система языка — это совокупность его единиц и отношений между ними: «Система — это любое сложное единство, в котором могут быть выделены составные части — элементы, а также и схема связей или отношений между элементами — структура» [1. С. 183].

Выделяя важнейшие характеристики системы, Г.П. Мельников сформулировал их так, обогатив при этом сосюрсовское понимание с учетом динамических проявлений: «Язык относится к классу таких объектов, в которых системность, внутренняя организованность, взаимосогласованность всех статических и динами-

ческих характеристик представлена в своих *высших проявлениях* [2. С. 33]. Динамика, дополняющая статику, предвидение пути развития системы — эти мысли оказались методологически привлекательны для поколений лингвистов.

В трудах Г.П. Мельникова вводится понятие детерминанта, которое в то время в общей теории систем только начинает укрепляться. Именно Геннадий Прокопьевич пишет, что понятие детерминанта было уже у Гумбольдта, когда тот говорил о «духе языка». Он понимает под этим термином специфический способ функционирования системы языка: «Детерминанта — это и важнейшая, определяющая характеристика системы, и показатель того, что все в системе не случайно, предопределено, взаимно согласовано, системно взаимосвязано» [1. С. 185]. Таким образом, детерминанта осовременивает понятие системы языка, позволяет наметить новые подходы к его исследованию.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ЯВЛЕНИЯМ ЯЗЫКА

Во второй половине XX века стало ясно, что вариант самодостаточного и закрытого развития науки уже не приносит новых результатов. Пересечение интересов разных наук в одном объекте и работы с междисциплинарным осмыслением явлений языка — тенденция нашего времени. Становится понятным, что многосторонний подход, предполагающий наложение друг на друга альтернативных моделей объекта, дает возможность создать его объемную картину.

Под влиянием работ Г.П. Мельникова происходит эволюция понимания системного подхода к явлениям языка, толчком к которой стал общий поворот всех наук к холистическим взглядам, то есть признанию примата целого над частями, и пониманию всеобщей связи явлений в мире.

Еще ранее американский лингвист Э. Сепир писал следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют — и обвиняют справедливо — в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [3. С. 237—238].

Одним из первых это понял Г.П. Мельников. Если традиционно системность объяснялась тем, что в языковых единицах «сообщение о мире объективно, безотносительно к ситуации и участникам речевого акта» [4. С. 452], то, по Мельникову, язык — это адаптивная (самонастраивающаяся система), а потому взаимодействует с окружающей средой — ноосферой. И такое понимание оставляет люфт для изучения внешних связей.

Постепенно синкретизм становится ведущей мировоззренческой идеей всякого научного знания, что привело к объединению естественных и гуманитарных наук, математических и гуманитарных наук. Появились **кибернетика** (наука об управлении и связи), **когнитивистика** (объединившая в себе около 10 различ-

ных научных дисциплин), синергетика и другие интергрированные области знания. Рассмотрим их подробнее.

Синергетика (от греч. «синергена» — содействие, сотрудничество) — мощное научное направление, объединяющее теорию сложных систем, теорию хаоса, теорию катастроф, теорию самоорганизации и т.д. Сейчас синергетика — это и методология, и подход, и научное направление, заключающееся в абсолютном принятии принципа целостности и системности.

Триангуляция появилась ранее, но в гуманитарные исследования (психолингвистические, лингвокультурологические) вошла недавно. О ней в России впервые заговорил Е.Ф. Тарасов, потом его ученики (В.П. Синячкин, А. Палкин и др.) [5]. Триангуляционный подход в науках гуманитарного цикла (и в лингвистике в частности) подразумевает наличие разных векторов решения некоторой научной задачи в рамках одного исследования. В.А. Янчук назвал это узаконенной эклектикой, к которой было негативное отношение в советское время. Между тем эклектизм как таковой характерен для человека в ходе накопления им жизненного опыта, поэтому данное явление не следует отвергать безоговорочно.

Почти одновременно с триангуляционным подходом возникло еще одно направление методологических поисков универсального описания — **теория тотальности** (90-е годы XX века). Ее представители считают, что и системное, и синергетическое языкознание — взаимодополняющие сущности. Концепция тотальности предполагает анализ трансформирующихся целостностей, которые, разворачиваясь в себе, остаются идентичными самим себе. В рамках этого направления разработан инструментарий для анализа разного рода переходных процессов, нечетких понятий, которыми, как известно, оперирует наш мозг.

Еще одно новое направление — **теория трансфера**. Термин *трансфер* пришел в лингвистику из психологии еще в 1905 году от З. Фрейда. Польско-американский лингвист У. Вайнрайх использовал его в своей работе «Языковые контакты» (1953). В России в последние годы появилось несколько работ: «Культурные трансферы: проблемы кодов» (коллективная монография под ред. С.Г. Проскурина (2015)); «Лингвистика и семиотика культурных трансферов. Методы, принципы, технологии» (2016) и др.

Интегративность как важная мировоззренческая тенденция выражается, во-первых, в том, что знания, полученные в разных областях науки, не игнорируются, а, наоборот, активно используются при решении своих задач; а, во-вторых, — интегративность проявляется также в широте исследовательской проблематики, которая детерминирована сложностью таких феноменов, как язык, социум, культура, сознание. Специализация исследований при интегративном подходе идет, говоря словами В.И. Вернадского, «не по наукам, а по проблемам». Снятие информационных барьеров между науками и направлениями одной науки дает мощный импульс для развития исследований.

Такой подход обеспечивает многоаспектность при решении конкретной, одной проблемы и одновременно способствует получению иной, часто неожиданной информации, позволяющей решить дополнительные задачи.

Как известно, понимание системы связано с оппозитивностью как важнейшим принципом мышления, культуры и языка, исследование которой берет начало в трудах Пифагора и Гераклита, а затем В. Гумбольдтом и Ф. де Соссюром переносится на язык. «В языке нет ничего, кроме оппозиций», — писал Ф. де Соссюр. Стронник синергетического подхода Р.Г. Пиотровский также выделяет ряд оппозиций (антиномий):

- 1) системы языка и системы речи;
- 2) языка коллектива и идиолекта;
- 3) языка в целом и его разновидностей и стилей и т.д.

Но теперь мы знаем, насколько важен синтез этих оппозиций. Как он происходит? Как оппозиции переходят в дополнительность (см. «принцип дополнительности» Н. Бора)?

Известно, что есть оппозиции типа *внутреннего — внешнего, высокого — низкого, мужского — женского, далекого — близкого* и т.д. Это простые оппозиции, в которых каждый ее член равноправен, то есть равен другому. Но есть и иные оппозиции: фон — фигура, материал — форма. Так, понятие фигуры предполагает наличие фона, но не наоборот: фон может существовать и без фигуры. Это сложные оппозиции, при исследовании которых необходим интегративный (синергетический) подход. Такова оппозиция «значение — смысл». Смысл в синергетике рассматривается «как возникновение нового качества системы, или, иначе говоря, как самопорождение смысла» [6. С. 34]. Поэтому одно и то же слово, помещенное в разные контексты (системы), может получить самые различные смыслы, которые порождаются данными поэтическими контекстами. Так, *метель* в творчестве В. Жуковского — темная сила, вызывающая предчувствие чего-то плохого:

*Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями.*

А.С. Пушкин, который был склонен к мистическому восприятию природы, воспринимал метель как длительный и разрушительный процесс, как действие грозной, враждебной стихии, властной над человеком, но умной, которой известна подлинная судьба человека. Поэтому метель становится пространством, где разворачиваются события, меняющие судьбы героев. У А. Блока *метель* тоже темное и холодное начало, противопоставленное царству света. У Марины Цветаевой метель — амбивалентна, она Богородица, совмещающая в себе два начала — земное и небесное: *И метет, метет метлою / Богородица-метель*. Чаще в ее творчестве *метель* — носитель духовного начала и не имеет негативных коннотаций, даже когда она представлена как активная природная стихия: *Страница клюкастая / Метель в избу ломится*.

Можно сказать, что метель вводит мир и человека в состояние хаоса, она открывает жизнь воздействию чего-то третьего — в данном случае судьбы. Все

возникшие у разных авторов смыслы равно возможны, но у каждого реализован только один, реже — два (как у М. Цветаевой).

Как видим, основой для синтеза стало широкое понимание языковой системы как открытого и нежесткого феномена, разрабатываемого Г.П. Мельниковым, который в свое развернутое понимание системы вводит наличие ярко проявляющихся качественных скачков в свойствах объекта: «Именно такие объекты, объекты, имеющие ярко выраженную меру, оптимально адаптированные, совершенные, мы и будем называть *системами*» [2. С. 56].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на современном этапе развития лингвистики наибольшую актуальность приобретают не узко специализированные научные исследования, а работы с междисциплинарным осмыслением явлений языка и интеграцией их результатов в единое целое, что способствует решению сложных научных и практических задач.

Такой (холистический) поворот в языкознании — это не революционная теория, а поход, плавно вытекающий из систематики. Так, Г.П. Мельников писал о прогностических возможностях системной лингвистики и предлагал глобальное рассмотрение языковых фактов в рамках подсистемы, системы и надсистемы, что, в конечном счете, перенесет акцент на прогностическую функцию системы, т.к. позволит обнаружить устойчивые факторы внешних и внутренних детерминант языка.

Современная лингвистика стремится к интеграции с целым рядом наук — психологией, антропологией, культурологией, социологией, микробиологией, генетикой, квантовой физикой и другими науками, изучающими мир, человека и его язык.

© Маслова В.А., Лавицкий А.А.
Дата поступления: 25.10.2018
Дата приема в печать: 26.11.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1973. С. 183—204.
2. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Советское радио, 1978.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание — перспективы исследования // Языковое сознание: содержание и функционирование. М.: Институт языкознания РАН, 2000. С. 2—3.
6. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным явлениям. М.: Мир, 1991.

УДК: 81:005

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-19-24

FROM SYSTEMIC LINGUISTICS TO SYNTHESIS WITH OTHER FIELDS OF KNOWLEDGE

Valentina A. Maslova, Anton A. Lavitski

P.M. Masherov Vitebsk State University

33, Moskovskiy ave., Vitebsk, 210038, Belarus

Abstract. The article shows that G.P. Melnikov's scientific heritage is still of great importance in the 21st century. As a prominent thinker of the 20th century he both deepened the concept of the systematic nature of the language by creating an evolutionary approach to the problem and laid the foundation for the holistic picture of the world, the development of integrative approach and made it clear that the range of research tools had to be widened. His works support the ideas revealed when the potent directions of modern linguistics are considered in detail in terms of including anthropological, sociological and psychological aspects of language space and language picture of the world into research. To a certain extent G.P. Melnikov's works supplement the developing theories of integrativeness and transfer, synergies and other.

Key words: G.P. Melnikov, the systematic nature of the language, determinant, synergies, triangulation, integrativeness, transfer theories

REFERENCES

1. Melnikov, G.P. (1973). Language as a system and linguistic universals. *Systematic research. Annual*. Moscow: Nauka. pp. 183—204. (In Russ.).
2. Melnikov, G.P. (1978). Systemology and language aspects of cybernetics. Moscow: Sovetskoe radio. (In Russ.).
3. Sepir, E. (1993). Selected works on linguistics and culturology. Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Linguistic encyclopedic dictionary (1990). M.: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.).
5. Tarasov, E.F. (2000). Linguistic consciousness — perspectives of research. Linguistic consciousness: content and functioning. Moscow: Institut jazykoznanija RAN. pp. 2—3. (In Russ.).
6. Haken, H. (1991) Information and self-organization: microscopic approach to complex phenomena. Moscow: Mir. (In Russ.).

Для цитирования:

Маслова В.А., Лавицкий А.А. От системности в лингвистике к синтезу с другими областями знаний // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 19—24. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-19-24.

For citation:

Maslova, V.A. & Lavitskij, A.A. (2019). From systemic linguistics to synthesis with other fields of knowledge. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 19—24. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-19-24.

Сведения об авторах:

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова; e-mail: mvavit@tut.by.

Лавицкий Антон Алексеевич, заведующий кафедрой германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент; e-mail: anton_lavitski@mail.ru.

Information about the authors:

Valentina A. Maslova, Dr. habil., Professor, Professor of the Department of Germanic philology of P.M. Masherov Vitebsk State University; e-mail: mvavit@tut.by.

Anton A. Lavitskij, Head of the Department of Germanic philology of P.M. Masherov Vitebsk State University, PhD (Philology), assistant professor; e-mail: anton_lavitski@mail.ru.

УДК: [811.161.1:811.111]'367:81'44
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-25-42

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ НЕПРЯМЫХ НОМИНАЦИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.И. Кюсе

Московский государственный лингвистический университет,
ул. Остоженка, 38, г. Москва, Россия, 119034

Исследование посвящено изучению особенностей синтаксического оформления окказиональной непрямой номинации в тексте в разноструктурных языках, русском и английском. Полученные данные позволяют уточнить роль предикативности в реализации салиентных единиц, семантика которых связана с образностью и имплицитностью; при этом обнаруженные типологические различия указывают на особые способы и средства синхронизации предикативности и салиентности в сопоставляемых языках. Актуальность исследования обуславливается необходимостью решения проблемы успешного распознавания референции текстовых образных единиц, что во многом связано именно с привлечением к ним дополнительного внимания читателя. На первом этапе проведенный статистический анализ позволил обнаружить некоторые типологические характеристики рассматриваемых номинаций, что проявляется в частотности тех или иных синтаксических позиций их оформления. На втором этапе с помощью анализа корреляций по 54 и 56 параметрам для русского и английского языков выявлены лексические, синтаксические и нарративные параметры оформления окказиональной непрямой номинации, синхронизированные с синтаксическими позициями номинации, а именно с позициями ядра субъекта и предиката. К числу параметров, демонстрирующих типологически значимые различия в оформлении окказиональной непрямой номинации в субъекте предложения в английском языке по отношению к русскому языку, отнесем: 1) использование субстантивного атрибута в препозиции, 2) положение в последнем слове предложения с участием инверсии с предикатом в препозиции. Для позиции в предикате характерно: 1) использование морфологически мотивированных не прямых номинаций, 2) наличие выраженной экстероцепции в номинации, 3) проявление характеризующего фокуса (т.е. использование метафоры в отличие от метонимии), 4) неагентивность референта в предикате, 5) сниженная орфографическая маркированность номинативного предиката.

Ключевые слова: окказиональная не прямая номинация, синтаксические позиции, салиентность, параметризация, русский и английский языки

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: НОМИНАТИВНОСТЬ — ПРЕДИКАТИВНОСТЬ — САЛИЕНТНОСТЬ

Проблема оформления окказиональной непрямой номинации в тексте в отечественной лексической и синтаксической семантике традиционно рассматривалась в аспекте номинативности и предикативности. При этом исследование номинативности и предикативности «шло по пути» постепенного привлечения к анализу семантики синтаксиса лексической семантики членов группы подде-

жащего и сказуемого (синтаксического субъекта и предиката) и концептуальной семантики слов, высказываний и текстового фрагмента в целом. Так, на смену логическим критериям разграничения номинации и предикации (см. положения работ Н.И. Греча, И.И. Давыдова, П. М. Перевлесского и др.) пришли психологические критерии (Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, Д.Н. Овсянко-Куликовский, Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, С.И. Бернштейн, Л.С. Выготский и др.), логико-семантические критерии (Ю.Д. Апресян, Я.Г. Тестелец, В.А. Плунгян, Е.В. Падучева, И.А. Мельчук и др.), функциональные и коммуникативные критерии (А.В. Бондарко, Г.А. Золотова, С.Г. Ильенко, А. Мустайоки и др.), когнитивные критерии (Р. Лэнкер, Л. Талми, Е.В. Рахилина и др.).

В современной лингвистике во многих подходах, в особенности когнитивных, предикативность часто рассматривается в рамках отношений семантических компонентов, между которыми усматривается связь типа «фон — фокус», или «невыделенное — выделенное (салиентное)». В этом смысле предикативность является одним из способов реализации механизма фокусирования наряду с другими способами, такими как прагматическая салиентность, лексическая салиентность (например, с помощью использования имен собственных, имен с конкретной референцией, стилистически маркированных слов, неопределенного артикля), синтаксическая салиентность (например, при помощи рематизации, инвертирования вводной конструкции в препозиции, вынесения субъекта предложения в постпозицию по отношению к предикату, агентивности конструкции). Возможность измерения языковых проявлений любого уровня с помощью единого инструмента и терминологии — терминологии фокусирования и дефокусирования — мы считаем важной вехой развития лингвистического описания, так это позволило рассматривать на единых основаниях манифестации нескольких уровней языка. В когнитивной лингвистике такой подход отражен, прежде всего, в концепциях прототипической организации категорий [1] и концепции динамики сил [2], в том числе применительно к дискурсивному анализу [3].

САЛИЕНТНОСТЬ ОККАЗИОНАЛЬНОГО НЕПРЯМОГО НАИМЕНОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ОПИСАНИЯ

Вопрос о корреляции синтаксических и лексико-семантических фокусов применительно к неидентифицирующим, в нашем случае, непрямым номинативным проявлениям, неоднократно становился предметом обсуждения. Исследователи обращают внимание на разные семантические особенности номинаций, которые могут повлиять на выбор синтаксической позиции для их оформления; чаще всего в качестве таких номинативных единиц рассматривались отглагольные или атрибутивные номинации как демонстрирующие внутреннюю предикативность [4—6]. Зависимость тема-рематического распределения (и типа синтаксического фокуса предложения) от типа референциальной отнесенности единицы получила описание во многих синтаксических исследованиях, например, в концепции «отслеживания референтов» [7], а также в концепции «иерархии данности» [8].

В данных концепциях постулируется факт градуальности салиентности языковой единицы в зависимости от синтаксической данности и референциальной данности; в результате разграничиваются референт в фокусе, активированный референт, знакомый референт, уникальный референт, конкретный референт, неконкретный референт.

Схожие типологии зависимостей референциальной отнесенности и синтаксического статуса референта мы находим и в отечественных синтаксических концепциях референциального статуса Е.В. Падучевой, С.А. Крылова, Н.Д. Арутюновой, где именно на основе синтаксической позиции языковой единицы разграничиваются референтные и нереферентные группы. Связь между определенностью («индивидуализированностью») имени и ее положением в субъекте или предикате предложения констатировал П. Адамец, отмечая, что «компоненты с высокой степенью индивидуализированности гораздо менее часто объединяются с глаголами в комплексное ядро, чем существительные с низкой степенью индивидуализированности» [9. С. 33]. Так, номинативные группы *брат в плаще* и *этот дом у реки* будут чаще обнаруживаться в составе предикативной группы, чем *мужчина в плаще* и *дом у реки*.

Признак определенности — неопределенности рассматривается как основной при разграничении синтаксической семантики номинаций и в работах Д.Н. Шмелева в развиваемой им вслед за А.А. Шахматовым теории полупредикативности [10]. Интерес представляют и концепции, в которых постулируется градуальный характер синтаксической салиентности применительно к именным (номинативным) группам, например, при изучении повышающей и понижающей актантной деривации [11], возможностей синтаксического оформления субстантивной номинации [12]. Во многих концепциях при рассмотрении различающейся роли номинаций в составе предложения отмечается возможность их внутренней предикативности, «внутреннего синтаксиса» [13—15]. Так, в философии языка Г.П. Мельникова предпринимается попытка интеграции логических, психологических и коммуникативных аспектов предикативности, например, путем адаптации структуры суждения (в терминологии Г.П. Мельникова, предиканда и предикатора как двух психических образов или двух элементов знания в сознании субъекта) к логической и коммуникативной предикации, к коммуникативной и номинативной теме и реме, к цепочечной предикации в морфологическом словообразовании. Идея о расширении понятия предикативности развивается и в работах Е.С. Кубряковой о соотношении ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака при «синтактикоподобном» словообразовании.

Однако интеграция непрямого текстового наименования в общую теорию салиентности с учетом возможностей разноуровневой репрезентации последней нуждается в отдельном описании, так как, с одной стороны, речь должна идти о «внутренней предикативности» непрямой номинации (введение характеризующего или классифицирующего содержания), с другой стороны, эта «внутренняя предикативность» оформляется внешней, синтаксической и текстовой, салиентностью.

Так, как показывает текстовый анализ, окказиональные непрямые номинации (т.е. такие, референциальная отнесенность которых не может быть установлена при обращении к анализу словарных дефиниций лексемы или ее корпусных значений) могут использоваться в разных синтаксических позициях, при этом во всех случаях эти позиции отличаются рематичностью. Так, в примере¹ (1) непрямые номинации находятся в реме предложений², занимая позиции ядра группы предиката и номинативной группы однокомпонентного предложения:

- (1) *Сальери — воин, а Моцарт — дитя вечной жизни. Алхимия эзотерического бунта и дар... Жрец, что забирает власть над собой у Бога, и Дух, воплощающийся под воздействием ретроспективной магии. Кристалл и пирамида. Страсть и гармония.*

В примере (2) непрягая номинация находится в комплексной реме предложения:

- (2) *Я боялся, что едва он узнает, где мои родители, как тотчас в его веселых глазах заплещется, как это бывало с другими, холодное бесстрастное море.*

Гораздо реже встречаются примеры использования непрямы окказиональных номинаций в теме-новом предложения, как в (3):

- (3) *И когда лишь рот открыл (как в песне блатной: «Ко мне нагрнула кузина из Одессы»), сама «кузина», в его рубахе на голое тело, едва прикрывавшей... да ни черта не прикрывавшей! — вылетела из квартиры, сверзлась по лестнице, как школьник на переменке, и стояла-перетаптывалась на нижней ступени.*

Будучи формально синтаксической темой, номинативная группа *сама кузина* семантической темой не является — здесь актуализируется новая характеризующая информация, поэтому мы полагаем, что такие проявления правильнее отнести к теме-новому.

Примеры с непрягой номинацией — темой встречаются только в ситуациях, когда ее непрягой характер уже является конвенциональным либо в языке, либо в рамках текста, в котором она функционирует. Так, в примере (4) номинативная группа *papa Ваня*, референтом которой является слон, определяется как конвенциональная в данном тексте — ее статус однозначно распознается в структуре текстовой ситуации:

- (4) [О слоне] *Конечно, papa Ваня служил по договору в городской пожарной команде, но его вызывали крайне редко — только когда иланги протекали и без хобота не обойтись.*

В остальных случаях, занимая позицию синтаксического субъекта или зависимых членов группы субъекта или предиката, непрягая окказиональная номинация никогда не оказывается темой, что обуславливается ее фокусной семантической ролью — в ее семантике всегда присутствует компонент, по-новому характеризующий или классифицирующий текстовый референт.

¹ Здесь и далее русскоязычные примеры приведены по Национальному корпусу русского языка.

² При описании типов тема-рематических отношений мы опираемся на типологию И.И. Ковтуновой [16].

Такая же ситуация, конечно, наблюдается и в английском языке: не прямые окказиональные номинации и номинативные группы тяготеют к рематической позиции (пример 5), позиции комплексной ремы (пример 6) или темы-нового (пример 7):

- (5) *His father in Paraguay would lack even the internal doors <...> not against robbers but against the police, **the military and the official assassins*** (G. Greene).
- (6) *All four are gone. **The three sénéchaux and the Grand Master himself*** (D. Brown).
- (7) *...some nice young woman managed to persuade the little fellow that she must look after him <...> Naturally, **the vultures** started gathering at once* (R. Dahl).

В примере (5) не прямая номинация хотя и не находится в реме первого порядка, занимая позицию приложения, однако это тем не менее синтаксически фокусная позиция. В примере (6) однокомпонентное предложение соотносится с темой предшествующего предложения, поэтому считать его ремой неверно, перед нами комплексная рема (тема — рема). В предложении (7) номинация *the vultures* находится в позиции субъекта предложения, кореферентная ей прямая номинативная группа *some nice young woman* (хотя и отличающаяся большей неопределенностью референциального статуса) уже определяется в препозиции, поэтому предложение *The vultures started gathering at once* не является комплексной ремой.

Представляется интересным установить, как синтаксические показатели оформления окказиональной не прямой номинации проявляются в разноструктурных языках (на примере русского и английского языков) и какие отличительные проявления они демонстрируют в синхронизации с разными синтаксическими позициями таких номинаций.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ НЕПРЯМОЙ НОМИНАЦИИ И НОМИНАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Синтаксические возможности оформления не прямой окказиональной номинации демонстрируют большую вариативность, несмотря на кажущуюся очевидность превалирования позиции ядра предиката для таких проявлений. Как мы показали выше, даже кореферентная позиция окказиональной не прямой номинации (например, в ядре синтаксического субъекта) не является синтаксической темой, в любом случае это салиентная позиция. Важным поэтому является вопрос о способах оформления разных синтаксических позиций с участием окказиональной не прямой номинации таким образом, что все они являются салиентными. Более того, сопоставление особенностей фокусирования рассматриваемых единиц в контекстах с исходно ослабленной и выраженной предикативностью (в нашем случае речь идет о кореферентных и неререферентных использованиях не прямых номинаций) в разных языках позволяет уточнить типологические данные о строении и функционировании лексических и синтаксических категорий.

Материалом исследования стали современные художественные тексты русского и английского языков. Русскоязычные примеры отбирались по Национальному корпусу русского языка в подкорпусе художественных текстов с дополни-

тельной пометой времени издания после 1950 года. На странице поиска вводные слова были не заданы, однако в качестве параметров поиска использовалось имя существительное, параметр расстояния был снят. Из 845 документов, 589 859 вхождений обработано 219 документов (это составило 120 тысяч предложений, из которых детальному анализу подверглось более 25 тысяч), из них путем обращения к тексту одного автора только однократно на странице, выборке только одного примера со страницы было отобрано сто примеров для последующего анализа особенностей оформления разных синтаксических положений номинации. Англоязычные примеры отбирались вручную по произведениям современной прозаической литературы ввиду того, что из-за феномена конверсии корпусный поиск даже по маркеру существительного дает много «лишних» результатов и анализ в этом случае неизменно сводится к той же сплошной выборке. Было также отобрано сто примеров использования окказиональной не прямой номинации. Приведем в таблице сводные данные по частотности использования номинаций в разных синтаксических позициях в русском и английском языке.

Таблица 1

Частотность встречаемости окказиональной не прямой номинации в разных синтаксических положениях

Язык и синтаксические позиции номинации	Ядро предиката	Ядро субъекта	Однокомпонентное предложение	Приложение	Зависимые члены предиката	Обращение
Русский язык	25	12	28	9	22	4
Английский язык	33	16	13	17	20	1

Table 1

Syntactic frequency of novel figurative nominals

Language and syntactic position	Predicate nucleus	Subject nucleus	Mononuclear sentence	Apposition	Predicate group dependent members	Vocative
Russian	25	12	28	9	22	4
English	33	16	13	17	20	1

Продемонстрируем на некоторых примерах способы синтаксической реализации номинаций.

В (8а) и (8б) окказиональная не прямая конструкция обнаруживается в субъекте предложения:

(8а) *Старший вагона, сержант Оноприйчук, забайкальский сибиряка, как он себя называл, переселенец тридцатых годов с Украины в дальний край, был вял, истомлен, непривычно малоразговорчив.*

(8б) *I found him and Bill gave him some drinks and what do you think he went off with Miss P. and we didn't see either of them again it only shows into what degradation **the Demon Drink** can drag you him I mean (E. Waugh).*

Непрямой статус конструкции в (8а) достигается интеграцией областей знания НЕЙТРАЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ и ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБРАЩЕНИЕ; в (8б) это ПРЕДМЕТНОСТЬ И АНТРОПОМОРФНОСТЬ.

В (9) приведены примеры использования непрямой номинации в ядре предиката (в (9а) без использования глагола-связки в препозиции, в (9б) и (9в) с его использованием):

- (9а) *Редкую заблудшую дуру-коровёнку Сухопаный брал сразу. Исчезали шавки и шарики, но и волков развелось много. Десять лет не видали волчьего следа, и вдруг волк объявился. И много сразу — не одиночные, стаей. Шавки и шарики — **волчья**, видимо, **совесть**, а вот Николай Могилев — неизвестно чья. Мертвого, с разодранным горлом, с перебитым хребтом нашли его грибки.*
- (9б) *В конце каждого тома помещались разборные фигуры розовощекого мужчины с черными усиками и благообразной, но сильно беременной дамы с распахивающейся для ознакомления с плодом маткой. Вероятно, именно из-за этой фигуры, которая — никуда не денешься! — была **голой бабой**, он и скрывал от домашних свои исследования, боясь быть уличенным в нехорошем, присутствующем поблизости...*
- (9в) *I'm broke. My gov'nor's broke. My aunt Vera is broke. It's **a ruddy epidemic** (P.G. Wodehouse).*

В (9а) наблюдается интеграция вложенных областей знания ЖИВОТНЫЕ и ЛЮДИ через сближение компонентов данных областей ИНСТИНКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖИВОТНОГО как ОСОЗНАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. Конструкция *голая баба* является не прямой из-за присутствующего рассогласования областей знания НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА и БЫТОВАЯ КАРТИНА МИРА. В (9в) СОБЫТИЕ представлено как БОЛЕЗНЬ через соотнесенность компонентов ЗВЕНЬЯ ЦЕПИ СОБЫТИЯ и ЭТАПЫ БОЛЕЗНИ.

В (10) приведен пример использования номинативной конструкции в зависимом члене предиката, прямом дополнении в постпозиции к переходному глаголу:

- (10) *Начмед хозяйничал в лазарете, как у себя дома, и нельзя было ступить шагу без его домовитых попреков с понуканиями. Наверное, не родилось женищины, что могла бы осилить **это злое бабство**, отчего Институты, сколько ни вылезал из кожи вон, стараясь нравиться и девушкам, и женищинам, прозябал бесплодным холостяком.*

Номинативная конструкция *это злое бабство* является не прямой, так как она относится к референту мужского пола и конструирование происходит при интеграции областей знания МУЖСКОЕ и ЖЕНСКОЕ.

В (11) конструкция в зависимом члене группы предиката *this garbage heap* является не прямой окказиональной, означивая референт «окрестности» и фокусируя характеристику отрицательного отношения говорящего к данному месту:

- (11) *I know the neighbourhood. I even know the tricks that could make me king of **this garbage heap** (M. Spillane).*

Далее рассмотрим синтаксические проявления не прямых номинаций в приложении и однокомпонентных предложениях.

Прежде всего отметим, что сами приложения также являются либо членами группы субъекта, либо предиката. В русскоязычных примерах это 5 и 4 примера; в англоязычных — это 10 и 7 примеров соответственно.

В (12а) и (12б) приведены примеры использования непрямой номинативной конструкции в приложении:

(12а) *«Вы не знаете этих русских, они не сдадутся...», или: «...он вам все равно ничего не скажет, **этот Иван...**».*

(12б) *She could see him now — **the tallish narrow figure in khaki slacks and dark-green sweater** (R. Dahl).*

Сравнительно более высокое количество использований непрямых номинаций в приложениях в англоязычном материале может свидетельствовать в пользу того, что такой прием, с одной стороны, отвечает прагматическим установкам фокусирования информации окказиональной непрямой номинации, с другой стороны, это удобная по некоторым причинам конструкция именно для английского языка. В действительности, возможный (вместо приложения) субститутивный вариант введения непрямой номинации в составе зависимых членов двусоставного предложения (ср. *She could see the tallish narrow figure in khaki slacks and dark-green sweater*) без прямого означивания референта в препозиции затруднит его распознавание читателем. Отказ от введения дополнительного двусоставного предложения *He was (seemed) a tallish narrow figure in khaki slacks and dark-green sweater* может быть объяснен стремлением к монорематичности вместо более нормативной темарематической структуры предложения, что делает такую конструкцию более салиентной.

Таким образом, приложение для оформления окказиональной непрямой номинации в английском языке оказывается оптимальным средством в плане салиентности и рематичности, референциальной ясности и компрессии информации. В русском языке помимо приложений такую роль более успешно играют однокомпонентные предложения, которые составляют большую часть всех обнаруженных примеров использования окказиональных непрямых номинаций и номинативных комплексов.

Так, в (13) в однокомпонентных предложениях обнаруживаются как отдельная непрякая номинация, так и номинативные конструкции:

(13) *Как меня все достали. В школе одни дебилы. Что учителя, что одноклассники. **Гидроцефалы. Фракийские племена. Буйный расцвет дебилизма.***

Дополнительно отметим, что выявленное преобладание в русском языке однокомпонентных предложений частично обусловливается большим количеством возможностей для их оформления. Из 28 однокомпонентных предложений 6 предложений не являются номинативными (назывными) предложениями без глагольсвязки; это неопределенно-личные предложения (14а) и безличные предложения (14б):

(14а) *Кто его знает, может, она и ввела в обиход это выражение, но у нас в городе до сих пор про всякую долгую болтовню говорят **«ляй-ляй-конференция».***

(14б) *Тогда было много таких историй, и общих взрывов, и убийств **отдельных высоких птиц.***

Как известно, для оформления назывных и неопределенно-личных предложений английский язык во многих случаях использует двусоставные конструкции, например, *It's...* в (15) при оформлении не прямой конструкции *your circus*:

(15) [О Лувре]: *This is the entrance <...> Langdon heaved a sigh and climbed out. It's your circus* (D. Brown).

Однако в отмеченных 13 случаях эта закономерность нарушена, что свидетельствует о том, что для оформления «внутренней предикативности» не прямых конструкций даже в языке с достаточно традиционным тема-рематическим построением предложения приобретают большую актуальность монорематические конструкции. Так, в (16) не прямая номинация *the Discipline*, означающая референт «орудие для самоистязаний», используется в монорематическом номинативном предложении, будучи кореферентной прямому дополнению группы предиката в предшествующем предложении:

(16) *Silas turned his attention now to a heavy knotted rope <...> The Discipline* (D. Brown).

При этом в любом случае количество однокомпонентных назывных предложений без глагола-связки или конструкции *Эмо ... / It ...* в русском языке почти в два раза превышает подобные использования в английском языке.

Также отметим, что обращений среди использованных единиц очень мало в обоих языках, что обуславливается, прежде всего, их прогностически низкой распознаваемостью, так как для обращения характерна идентифицирующая функция, а не характеризующая (что типично для непрямого наименования).

Таким образом, обнаруживаются некоторые типологические расхождения в синтаксическом оформлении окказиональных не прямых номинативных конструкций в сопоставляемых языках. Однако для анализа возможностей оформления необходим более детальный параметрический анализ синхронизации перечисленных позиций и параметров оформления номинации. Далее с помощью результатов статистического анализа, опираясь на полученные данные коэффициентов корреляции Пирсона, мы продемонстрируем значимые расхождения в их оформлении применительно к позициям ядра субъекта и ядра предиката.

СИНХРОНИЗАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ САЛИЕНТНОСТИ И ПОЛОЖЕНИЙ НОМИНАЦИИ В ЯДРЕ СУБЪЕКТА И ПРЕДИКАТА

Для составления исходного списка тестируемых параметров салиентности мы воспользовались списками показателей фокусирования и дефокусирования, приведенными, прежде всего, в работах О.К. Ирисхановой для разных языковых уровней. Например, для лексического уровня такими показателями являются использование имен собственных, неопределенного артикля, именительного падежа; для синтаксического — начало и конец предложения, инверсия, использование в односоставном предложении и др. [3]. Для дискурсивного уровня исследователь называет следующие показатели: наращивание динамики референтного события через средства фиктивного движения или фиктивного изменения, детализацию,

смену перспективы, придание большего «драматизма» через оценочную лексику, риторические вопросы, образные выражения, компрессию фрагмента дискурса через эллипсис, обобщающие фразы и др. [17. С. 201—202]. Мы также опирались на показатели кореферентности, выявленные в отечественных и зарубежных работах в отношении русского и английского языков, в первую очередь в отношении расстояния между кореферентными номинациями, наличия/отсутствия дейктических местоимений в препозиции, типа предиката и связки, типа модальности предложения [18—22; 16; 23—27].

При этом тестируемый список параметров для исследуемого типа номинаций был составлен уже в процессе анализа в ходе сопоставления проявлений прямых и непрямых номинаций, в результате чего были отобраны именно особые показатели, связанные с реализацией окказиональных непрямых номинаций. В итоге по сто русскоязычных и англоязычных примеров были обработаны по 54 и 56 параметрам (для англоязычного материала были дополнительно оценены использования артиклей), соответственно, среди которых были: 1) когнитивные параметры (наличие внутреннего и внешнего рассогласования, указатели экстероцепции в препозиции или в самой номинативной группе, тип референта, тип фокуса и др.); 2) лексические параметры (кратность введения номинации, тип атрибута в препозиции, мотивированность и др.); 3) синтаксические параметры (положение в предложении, расстояние между прямой и непрямой номинацией в словах и пропозициях, наличие инверсии, наличие предиката в препозиции, тип предиката и др.); 4) дискурсивные (маркирование, смена адресанта, текстовая роль, введение микрособытия и др.).

Далее по всей выборке были определены показатели частотности и индексы корреляции всех показаний параметров с проявлениями референтного и нереферентного статуса непрямой окказиональной номинации. Как мы упоминали выше, в качестве ядра референтной позиции мы рассматривали положение номинации в ядре субъекта, а нереферентной — в ядре предиката. То есть относительно каждого параметра корреляция определялась дважды. Статистические результаты по всем параметрам в русском языке были представлены ранее в [28; 29], в настоящей работе остановимся на типологически значимых результатах, демонстрирующих вариативность в сопоставляемых языках, русском и английском. Ниже в таблице 2 приведены результаты по коэффициентам корреляции для позиций номинации в ядре субъекта и предиката, которые обнаруживают такие расхождения. При том что статистически значимым показателем корреляции считается 0,7 и выше, в нашем случае такие показатели себя не проявили, что было достаточно очевидно; однако некоторые показатели свидетельствовали о более жесткой зависимости положений непрямой номинации и средств ее оформления. Было принято решение показатели, превышающие 0,2, условно считать относительно более жесткими (связанными с синтаксическими позициями) при оформлении окказиональных непрямых номинаций; в таблице они отмечены как более значимые.

Коэффициенты корреляции для параметров окказиональных не прямых номинаций в позиции ядра субъекта и предиката в русском и английском языках

Лексические показатели	Русский язык		Английский язык	
	Положение в ядре субъекта	Положение в ядре предиката	Положение в ядре субъекта	Положение в ядре предиката
Артикль the/this			0,1622846	-0,367573
Артикль a/one			-0,187251	0,4882954
Морфологическая мотивировка	-0,042407334	-0,045834925	0,1622846	0,2946966
Субстантивный атрибут в препозиции	0,030055654	-0,1028689	0,2200566	0,0136386
Внутреннее рассогласование	0,001663778	-0,219237129	0,353553391	-0,153093
Внешнее рассогласование	-0,11836983	0,123791013	0,166389581	-0,182524
Экстероцепция в препозиции / в номинации	0,0326422	-0,159877529	-0,03481553	-0,242884
Визуальный модус	0,02819804	-0,142910525	0,198029509	-0,201868
Моторно-двигательный модус	-0,063757671	0,036369648	-0,04950738	-0,157207
Конкретный тип референта	-0,11362336	-0,11362336	0,13937367	-0,1548998
Референт-человек	0,187744912	-0,146204623	0,277350098	-0,071724
Характеризующий фокус	0,094216259	-0,03860507	-0,03683547	0,3491328
Синтаксические показатели				
Первое слово предложения	-0,030055654	-0,36004115	0,169070778	-0,283965
Последнее слово предложения	-0,208231683	-0,089087081	-0,32357511	0,1134241
Предикат в препозиции	-0,075941762	0,034294911	-0,38063323	0,2162142
Последнее слово придаточного предложения	-0,08401084	0,171594462	-0,23294541	-0,062442
Уменьшение расстояния в словах (> 10,53 и 9,49)	-0,073797128	0,221273368	-0,141421356	0,314691
Уменьшение расстояния в пропозициях (> 1,63 и 1,21)	-0,101228882	0,240837079	-0,073127242	0,230451
Нарративные показатели				
Введение нового микрособытия	0,436579566	-0,245255736	0,4133333	-0,19245
Текстовая роль агенса	0,390811335	-0,10609829	0,5039526	-0,270499
Графическое маркирование	0,105663451	-0,224658377	0,1443376	-0,258681
Орфографическое маркирование	0,1804455	-0,215979849	0,232621053	-0,371014

Table 2

**Salience parameters correlation in subject and predicate novel figurative nominals
in Russian and English**

Lexical parameters	Russian		English	
	Subject nucleus	Predicate nucleus	Subject nucleus	Predicate nucleus
Article the/this			0,1622846	-0,367573
Article a/one			-0,187251	0,4882954
Morphological markedness	-0,042407334	-0,045834925	0,1622846	0,2946966
Substantiated attribute in pre-position	0,030055654	-0,1028689	0,2200566	0,0136386
Inner disanalogy	0,001663778	-0,219237129	0,353553391	-0,153093
Outer disanalogy	-0,11836983	0,123791013	0,166389581	-0,182524
Exteroception in pre-position / in indirect name	0,0326422	-0,159877529	-0,03481553	-0,242884
Visual modality	0,02819804	-0,142910525	0,198029509	-0,201868
Motoric modality	-0,063757671	0,036369648	-0,04950738	-0,157207
Concrete referent	-0,11362336	-0,11362336	0,13937367	-0,1548998
Anthropomorphic referent	0,187744912	-0,146204623	0,277350098	-0,071724
Characterizing focus	0,094216259	-0,03860507	-0,03683547	0,3491328
Syntactic parameters				
Sentence initial	-0,030055654	-0,36004115	0,169070778	-0,283965
Sentence final	-0,208231683	-0,089087081	-0,32357511	0,1134241
Predicate in pre-position	-0,075941762	0,034294911	-0,38063323	0,2162142
Subordinate clause final	-0,08401084	0,171594462	-0,23294541	-0,062442
Co-reference word distance non-exceeding 10,53 (in Russian) and 9,49 (in English)	-0,073797128	0,221273368	-0,141421356	0,314691
Co-reference propositional distance non-exceeding 1,63 (in Russian) and 1,21 (in English)	-0,101228882	0,240837079	-0,073127242	0,230451
Narrative parameters				
New micro-event introduction	0,436579566	-0,245255736	0,4133333	-0,19245
Agentive event role	0,390811335	-0,10609829	0,5039526	-0,270499
Graphic marking	0,105663451	-0,224658377	0,1443376	-0,258681
Orthographic marking	0,1804455	-0,215979849	0,232621053	-0,371014

Отметим ожидаемо более высокое количество связанных параметров в английском языке, чем в русском (21 и 10), что обусловлено морфологической структурой языка и дополнительно свидетельствует в пользу целесообразности и значимости применяемого метода анализа как способного раскрыть типологические особенности сопоставляемых разноструктурных языков.

К числу параметров, демонстрирующих типологически значимые различия в оформлении окказиональной непрямой номинации в субъекте предложения в английском языке по отношению к русскому языку, отнесем: 1) использование

субстантивного атрибута в препозиции, 2) положение в последнем слове предложения с участием инверсии с предикатом в препозиции. Для позиции в предикате характерно: 1) использование морфологически мотивированных непрямых номинаций, 2) наличие выраженной экстероцепции в номинации, 3) проявление характеризующего фокуса (т.е. использование метафоры), 4) неагентивность референта в предикате, 5) сниженную орфографическую маркированность номинативного предиката.

Рассмотрим подробнее некоторые из отмеченных параметров.

В отношении позиции субъекта наличие субстантивного атрибута в препозиции очевидно помогает распознать референцию окказиональных непрямых номинаций, как в (17):

(17) *Margie didn't want Sara on her team. Margie called out, "Here comes **the human garbage pail!**"* (A. Faber, E. Mazlish)

При этом для субъекта типична позиция в постпозиции к предикату, что из тема-рематической структуры предложения позволяет сделать монорематическую и обеспечить большую салиентность непрямой номинации.

Для позиции предиката характерно сохранение мотивированности формы, часто исходно глагольной, как в (18):

(18) *Doctor's Saavedra's book proved **a good sedative*** (G. Greene).

Салиентность повышается в случае экспликации канала экстероцепции, например, в (19), где в препозиции есть показатель визуальной модальности:

(19) *His eyes stopped short on an unexpected object lying on the floor <...> "Is that... **a Caravaggio on the floor?**"* (D. Brown).

Для позиции предиката в большинстве случаев характерна роль экспериментера, как в (20):

(20) *Where was she now, Samantha? <...> She is **a nympho bird** all right, I told myself* (R. Dahl).

Особый интерес вызывает типологически значимое различие в использовании метафор (характеризующий фокус) и метонимий (классифицирующий фокус) в русском и английском языке.

Вопреки господствующему в лексической и синтаксической семантике мнению о том, что в позиции предиката используются преимущественно метафоры, т.е. номинации с характеризующим фокусом (см., например, в [Арутюнова 1978, 1990]), анализ корреляций типов фокусов и позиций номинации не подтверждает это мнение на материале русского языка.

Так, в (21) использование метафоры для означивания образа с характеризующим фокусом в субъекте становится возможным благодаря инверсии субъекта и предиката и рематизации субъекта, что позволяет сделать более распознаваемым сложный для интерпретации фокус:

(21) *Леон вздохнул, расплылся в улыбке блаженного кретина, развел руками и сказал: — Исадора... это моя любовь. И та уважительно и сердечно отозвалась: — Поздравляю, месье Леон! — словно перед ней стояли не **два обезумевших кролика**, а почтенный свадебный кортеж.*

Во многих случаях в комплексной реме с участием субъекта в постпозиции к предикату участвует номинация, означающая смешанный характеризующий и классифицирующий фокус (метафтонимия), как в (22), где номинации *Восток и Запад* означают одновременно результат метафорического конструирования (модель ЧЕЛОВЕК — КУЛЬТУРА) и метонимического конструирования (модель ЧЕЛОВЕК — НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА) образа.

- (22) — *Я понял, в чем дело, — сказал он, — у вас иерархическое кавказское сознание. А у меня европейское. Для вас очевидно: раз вы старше меня, я должен был уступить вам деревянную кровать. А у меня, как у человека европейского сознания, главное — равенство шансов. Вот где столкнулись **Восток и Запад!***

В отличие от русского языка, в английском языке метафора действительно тяготеет к позиции предиката в связи с более ограниченными возможностями инверсии субъекта и предиката, как в (23), что проявляется в более высоком коэффициенте корреляции:

- (23) *Sophie Neveu's odd interruption, though unfortunate, had been only a **minor wrinkle*** (D. Brown).

В то же время для позиции субъекта в препозиции к предикату более типично использование метонимии, как в (24):

- (24) *The gun came up and **Nat's face** said it was the right time and the right place* (M. Spillane).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, нам удалось продемонстрировать, что оформление окказиональной номинации имеет свои особенности в сопоставляемых разнотипных языках, русском и английском, которые связаны не только с типологическими характеристиками номинативных или предикативных групп в целом, но и с особыми характеристиками, обусловленными концептуальной семантикой окказионального непрямого наименования. Их актуализация вызвана необходимостью выдвижения фокуса непрямого наименования, что достигается салиентностью всей номинативной конструкции; при этом разные типы фокуса будут оформляться по-разному, что очевидно нацелено на облегчение их последующей интерпретации и распознавания читателем. Типологические различия касаются как самих синтаксических позиций, участвующих в оформлении окказиональных не прямых номинаций, так и отдельных параметров (лексических, синтаксических, нарративных), которые синхронизируются с рассмотренными позициями синтаксического субъекта и предиката в русском и английском языках.

© Киосе М.И.

Дата поступления: 09.10.2018

Дата приема в печать: 26.11.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Rosch E.* Principles of categorization // *Cognition and categorization*. Hillsdale, NY: Lawrence Erlbaum Publishers, 1978. P. 27—48.
2. *Talmy L.* Toward a cognitive semantics. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2000. Vol. 1. Concept structuring systems.
3. *Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
4. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономасиологическом освещении. М.: URSS, 2008 (1978).
5. *Ирисханова О.К.* О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: Издательство ВТНТИ, 2004.
6. *Арутюнова Н.Д.* Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка). М.: Языки славянских культур, 2007.
7. *Foley W.A., Van Valin R.D.Jr.* Functional syntax and universal grammar. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1984.
8. *Gundel J.K., Hedberg N., Zacharski R.* Cognitive Status and the form of referring expressions in discourse // *Language*, 1993. Vol. 69. P. 274—307.
9. *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. Praha: Academia, 1966.
10. *Шмелев Д.Н.* Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002.
11. *Храковский В.С.* Повышающая актантная деривация // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: сб. статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 44—53.
12. *Буров А.А.* Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Ставрополь, Пятигорск: Издательство Ставропольского государственного университета, 2012.
13. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
14. *Мельников Г.П.* Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. М., 2003. no 4. С. 5—14.
15. *Сигал К.Я.* Проблемы теории синтаксиса. М.: ИД Ключ-С, 2012.
16. *Ковтунова И.И.* Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. М., 1979. С. 262—275.
17. *Ирисханова О.К.* К вопросу об измерении динамики нарратива // Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова. М.: Культурная революция, 2018. С. 192—215.
18. *Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974.
19. *Падучева Е.В.* О денотативном статусе именных групп в предложении // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 519, 1980. С. 48—81.
20. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. логико-семантические проблемы. М.: Едиториал УРСС, 2005 (1976).
21. *Арутюнова Н.Д.* Синтаксические функции метафоры // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1978. Т. 37. С. 251—262.
22. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс [Вступ. статья] // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5—32.
23. *Доннеллан К.С.* Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. 13. С. 134—160.
24. *Шмелев А.Д.* О референции агентивных существительных // Филологические науки, 1983. Вып. 4. С. 39—46.
25. *Крылов С.А.* Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. Вып. 23, 1984. С. 124—154.
26. *Шатуновский И.Б.* Семантика предложения и нереферентные слова (Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

27. Kibrik A.A. Cognitive inferences from discourse observations: reference and working memory // *Discourse studies in cognitive linguistics. Proceedings of the 5th International cognitive linguistics conference* / Eds. K. van Hoek, A. A. Kibrik, L. Noordman, 1999. P. 29—52.
28. Киосе М.И. Факторы успешной интерпретации кореферентных не прямых номинаций: когнитивный анализ — статистика — эксперимент // *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2018а. Вып. 3. С. 16—26.
29. Киосе М. И. «Удачная интерпретация» текстовой образности // *Образы языка и зигзаги дискурса: сб. науч. ст. к 70-летию В.З. Демьянкова*. М.: Культурная революция, 2018б. С. 290—315.

УДК: [811.161.1:811.111]'367:81'44

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-25-42

THE SYNTAX OF NOVEL FIGURATIVE NAMES IN RUSSIAN AND ENGLISH: TYPOLOGICAL ASPECT

Maria I. Kiose

Moscow state Linguistic University
38, Ostozhenka str., Moscow, Russia, 119034

Abstract. The study reveals the syntactic features of novel figurative names and nominal constructions in texts in application to typologically different Russian and English languages. The data obtained helped to clarify the role of predication in salience enhancement, which encompasses novel figurative names construal. We conducted the two-staged contrastive analysis, which allowed to detect several specific parameters and synchronization means demonstrating the typological diversity of the two languages. As it is the salience that serves as one of the basic factors of successful reference identification in terms of implicitness and figurativeness, the research results will play a role in explaining why indirect names are interpreted differently. At the first stage we applied the statistical analysis to detect typologically relevant characteristics of syntactic positioning in terms of novel figurative names and nominal constructions. At the second stage we developed the procedure of 54 and 56 parameter correlation analysis to synchronize the lexical, syntactic and narrative parameters with figurative names in subject and predicate positions. These correlations revealed a group of parameters activated in the English language and restricted in Russian. The subject salience parameters involve the use of substantiated attribute in pre-position, sentence final position with predicate in pre-position. The predicate salience parameters were hybrid morphological character of predicate indirect names, explicit exteroception in pre-position or in the name itself, characterizing focus of indirect names (metaphoric transfer). At the same type due to syntactically salient predicate position such indirect names could allow non-agentive event role and orthographic non-markedness.

Key words: novel figurative name, syntactic positions, salience, parametrization, Russian and English languages

REFERENCES

1. Rosch, E. (1978). Principles of categorization. *Cognition and categorization*. Hillsdale, NY: Lawrence Erlbaum Publishers. pp. 27—48.
2. Talmy, L. (2000). Toward a cognitive semantics. *Concept structuring systems, 1*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
3. Iriskhanova, O.K. (2014). Focus games in language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow: Languages of Slavonic culture. (In Russ.).

4. Kubryakova, E.S. (2008; 1978). Parts of speech in onomasiological exposure. Moscow: URSS. (In Russ.).
5. Iriskhanova O.K. (2004). On the linguo-creative human activity: deverbative nouns. Moscow: VTII Publishing House. (In Russ.).
6. Arutunova, N.D. (2007). Morphological issues of word-derivation (in Spanish). Moscow: Languages of Slavonic culture. (In Russ.).
7. Foley, W.A. & Van Valin R.D., Jr. (1984). Functional syntax and universal grammar. Cambridge, England: Cambridge University Press.
8. Gundel, J.K., Hedberg, N. & Zacharski, R. (1993). Cognitive Status and the form of referring expressions in discourse, *Language*, 69. pp. 274—307.
9. Adameč, P. (1966). Word order in modern Russian. Praha: Academia. (In Russ.).
10. Shmelev, A.D. (2002). Selected works on the Russian language. Moscow: Languages of Slavonic culture. (In Russ.).
11. Khrakovskij, V.S. (2010). Upgrade actants' derivation. In *Language and culture space: Sound, sign, sense: collected articles in honor of V.A. Vinogradov's 70th anniversary*. Moscow: Languages of Slavonic culture. pp. 44—53. (In Russ.).
12. Burov, A.A. (2012). Substantive syntactical nomination in Russian. Stavropol', Pyatigorsk: Stavropol' State University Publishing House. (In Russ.).
13. Kubryakova, E.S. (1981). Types of linguistic meanings. Semantics of a derived word. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Mel'nikov, G.P. (2003). Systemic linguistics and semiotic basis to solve semantic issues // *Vestnik PUDN. Series Linguistics*, 4, 5—14. (In Russ.).
15. Sigal, K.Ya. (2012). Syntactic theory issues. Moscow: Kluch-S Publishing House. (In Russ.).
16. Kovtunova, I.I. (1979). Structure of a literary text and new information In *Textual syntax*. Moscow. pp. 262—275. (In Russ.).
17. Iriskhanova, O.K. (2018). On the topic of the dynamics to measure narrative In *Language images and discourse curve. Collected scientific-research articles in honour of V.Z. Demyankov's 70th anniversary*. Moscow: Cultural revolution. pp. 192—215. (In Russ.).
18. Paducheva, E.V. (1974). On semantics of syntax. Moscow: Nauka. (In Russ.).
19. Paducheva, E.V. (1980). On the denotative status of nominal groups of sentences, *Scholarly notes of the Tartu University*, 519, 48—81. (In Russ.).
20. Arutunova, N.D. (2005; 1976). Sentence and its meaning: logic and semantic issues. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
21. Arutunova, N.D. (1978). Syntactical functions of a metaphor. *Izvestiya AN SSSR. Series literature and language*, 37, 251—262. (In Russ.).
22. Arutunova, N.D. (1990). Metaphor and discourse [Introduction]. In *Theory of metaphor*. Moscow: Progress. pp. 5—32. (In Russ.).
23. Donnellan, K.S. (1982). Reference and definite descriptions. In *Novoye v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow: Progress. Vol. 13. pp. 134—160. (In Russ.).
24. Shmelev, A.D. (1983). On the reference of agent nouns. *Filologicheskiye nauki*, 4, 39—46. (In Russ.).
25. Krylov, S.A. (1984). Determination of nouns in Russian: theoretical issues, *Semiotics and Informatics*, 23, 124—154. (In Russ.).
26. Shatunovskij, I.B. (1996). Semantics of a sentence and non-referential words (Meaning. Communicative perspective. Pragmatics). Moscow: Studies of “Languages of the Russian culture”. (In Russ.).
27. Kibrik, A.A. (1999). Cognitive inferences from discourse observations: reference and working memory. *Discourse studies in cognitive linguistics. Proceedings of the 5th International cognitive linguistics conference*, / K. van Hoek, A.A. Kibrik, L. Noordman (Eds.). pp. 29—52.

28. Kiose, M.I. (2018). Factors of effective interpretation of indirect co-referential nominations: cognitive analysis — statistics — experiment, *Issues of cognitive linguistics*, 3, 16—26. (In Russ.).
29. Kiose, M.I. (2018). "Effective interpretation" of textual imagery. In *Language images and discourse curve. Collected scientific-research articles in honour of V.Z. Demyankov's 70th anniversary*. Moscow: Cultural revolution. pp. 290—315.

Для цитирования:

Киосе М.И. Синтаксические характеристики окказиональных не прямых номинаций в русском и английском языках: типологический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 25—42. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-25-42.

For citation:

Kiose, M.I. (2019). The syntax of novel figurative names in Russian and English: typological aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 25—42. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-25-42.

Сведения об авторе:

Киосе Мария Ивановна, доктор филологических наук, доцент, ведущий сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса Московского государственного лингвистического университета; *научные интересы*: лексическая семантика, контекстная семантика, не прямая номинация в языке и тексте; *e-mail*: maria_kiose@mail.ru.

Information about the author:

Maria I. Kiose, Doctor of Philology, assistant professor, Moscow State Linguistic University, leading researcher at the Centre for socio-cognitive discourse research; *research interests*: lexical semantics, contextual semantics, indirect nomination in language and text; *e-mail*: maria_kiose@mail.ru.

УДК: 81'366.54:81'367.332
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-43-62

ПОНЯТИЯ ПРОСТЕЙШЕГО И ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПАРАДИГМЕ СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ ПАДЕЖА

А.Ф. Дремов

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454

В настоящей статье представлены отдельные результаты системных исследований функций падежей в простом русском предложении. Прежде всего, постулируется и излагается системная трактовка простейшего и простого предложения как синтаксических единиц, имеющих не только разные составы и структуры, но и разные грамматические значения и категориальные смыслы. Одновременно определяется понятия события; уточняется понятие предикации; вводится понятие диалектического, или каузального, силлогизма как значения внутренней формы простого предложения; параллельно приводится остенсивное определение внутренней детерминанты русского языка.

Ключевые слова: падеж, простое предложение, суждение, посылка, каузальный, или диалектический, силлогизм, событие, внутренняя детерминанта русского языка

I

По моему убеждению, квинтэссенцией системной теории падежа является гениальная и одновременно удивительно простая мысль Г.П. Мельникова о том, что падеж есть свернутая предикативная единица, а синтаксическая единица, называемая простым двусоставным распространенным предложением, в действительности представляет собой компрессированный текст, который необходим для исчерпывающего описания события. Эта идея, насколько мне известно, была им сформулирована в начале 1980-х гг., а все, что Геннадий Прокопьевич написал или высказал на эту тему позднее, является, по сути дела, развитием и углублением именно этой идеи.

В процессе изучения источников с целью проверки этой гипотезы стало выясняться, что некоторыми лингвистами уже высказывались созвучные мысли, но оценить теоретическую значимость этих наблюдений стало возможным лишь после их рассмотрения под углом зрения гипотезы Г.П. Мельникова.

Однако истоки системной теории падежа¹ следует искать в более ранних произведениях Г.П. Мельникова, в которых он, в частности, сформулировал

---

¹ Системная теория падежа является составной частью современной системной лингвистики — направления отечественного языкознания, восходящего своими истоками к идеям В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, И.И. Срезневского, И.А. Бодуэна де Куртенэ и ряда других языковедов, и имеющего в качестве методологической основы системологию Г.П. Мельникова ([2]. О принципах системной лингвистики см. библиографию работ Г.П. Мельникова на сайте Лаборатории компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ [ilol.msu.ru/~lex/meln_bibl.htm]). Ю.С. Степанов предложил рассматривать системную теорию падежа, называемую им текстовой, как часть общей теории диатез глагола — падежей имени [3. С. 136].

положение о том, что «развитие языковых форм обусловлено наличием специализированных коммуникативных функций» [1. С. 70; 2. С. 42]. Используемый Г.П. Мельниковым системно-коммуникативный подход позволил совершенно по-новому взглянуть на проблему падежа и природы его значения, а также дать ясный ответ на целый ряд дискуссионных вопросов. Именно тогда получила теоретическое обоснование инвариантность значения языкового знака вообще и значения падежной морфемы в частности, а также идея «„имманентной“ системности падежей», намеченная еще Е. Куриловичем [4] и развитая в концепции Ю.С. Степанова [5]. Кроме того, вскрытая Г.П. Мельниковым эволюция развития коммуникативных функций дала возможность «не только проинтерпретировать и сопоставить „в одном масштабе“ известные (на тот момент. — А.Д.) классификации падежей, но и внести некоторые уточнения в типологию падежных систем» [2. С. 51].

Опираясь на эти и другие результаты своих исследований, Г.П. Мельников и выдвинул гипотезу², значение которой даже сейчас трудно переоценить: во флективном языке номинативного строя падежи развиваются в ответ на функциональный запрос его системы на обеспечение формальной связности и одновременной компрессии содержательно связного текста, необходимого для описания развивающегося события. Падеж, рассматриваемый под таким углом зрения, предстал как знак, инвариантное значение которого эквивалентно значению атомарного предложения, понимаемого теперь как внешняя форма сообщений о явлениях. Примерно в то же время Г.П. Мельниковым были внесены существенные уточнения в понятия предикации и коммуникативного акта и обосновано разграничение понятий высказывания, сообщения и предложения.

Трактовка падежа как свернутой предикативной единицы, по сути дела, положила начало современному этапу развития системной теории падежа.

Особо следует отметить, что предложенное Г.П. Мельниковым понимание природы падежного значения и основные положения системной «падежной грамматики», несмотря на то что они в наших работах, как я надеюсь, уточняются, дополняются и развиваются, за истекшее время не утратили ни своего значения, ни актуальности, а их справедливость только подтверждается. Настоящую публикацию следует рассматривать как очередную попытку популяризации или даже пропаганды системной теории падежа и преимуществ системного подхода к изучению любых явлений языка.

II

Одним из результатов изучения функций падежей в простом предложении стало осознание того, что сообщения о наблюдаемых **явлениях**³ (*Огонь гаснет / погас / погаснет; Цветы вянут / завяли / завянут; Солнце садится / село / сядет*

² Доказательству этой гипотезы была посвящена наша диссертация [6]. Однако ко времени ее защиты основные положения системной теории падежа уже были изложены в [7].

³ Явление — любое проявление свойств объекта; элемент триады «сущность — среда — явление».

и т.п.) и сообщения о **событиях**⁴ (*Охотник снегом гасит в лесу огонь; Учитель объясняет ученикам теорему; Художник продал музею свою картину* и т.п.) имеют не только разный состав и структуру, т.е. **внешние формы**, но и разные значения, т.е. **внутренние формы**. А это в свою очередь привело нас к пониманию необходимости выделить в самостоятельный вид синтаксическую единицу, которую обычно называют «простым двусоставным нераспространенным предложением», и разграничить тем самым простейшее и простое предложение, а также точнее определить значения и категориальные смыслы сообщений, имеющих форму этих синтаксических единиц.

1. Простейшее предложение, его состав, значение и обобщенный номинативный смысл

Простейшее предложение — это внешняя форма сообщений об отдельно взятых явлениях, напр., таких, как *Свеча (не) гаснет; Вода (не) течет; Одежда (не) сохнет*, а равно и сообщения, входящие в состав первообразных текстов, т.е. связанных по смыслу речевых произведений, которыми до формирования падежей и класса переходных глаголов описывались события, напр.: *Охотник (не) гасит. Снег (не) гасит. Огонь (не) гаснет.*

Значением, или внутренней формой, таких сообщений, называемых также атомарными предложениями или клаузами, является суждение, точнее сказать, суждение с так называемым «явным предикатом». Поэтому простейшее предложение рассматривается нами как отображение в языковом сознании диалектического суждения — формы мысли о наблюдаемом явлении, а предикирование — как вербализация продуцентом мысли в форме суждения с целью возбуждения в сознании реципиента элементарного умозаключения.

Теперь остановимся на вопросе о том, как в системной лингвистике понимается суждение.

Всякое суждение, в частности суждение о являющемся объекте, есть результат рассуждения — «акта самостоятельного полагания через анализ»⁵. В процессе рассуждения конкретный, чувственный образ воспринимаемого объекта, названный нами антецедентом, подвергается в сознании наблюдателя-продуцента анализу и разлагается на два более простых, абстрактных, образа: 1) индивидуальный образ

⁴ Событие — это имеющий основание, хронологическую определенность и естественную меру развития цикл генетически связанных явлений. Понятие события не тождественно понятию ситуации — совокупности обстоятельств, условий. Ситуация — это состояние среды события, комбинация явлений участвующих в нем адъяцентов (об это будет говориться ниже). В описании события на первый план выходит идея динамики, движения, в описании ситуации — идея статики. Событие подобно музыке, ситуация же сродни архитектуре.

⁵ Данное именование было образовано нами по аналогии с термином В. Гумбольдта «акт самостоятельного полагания через соединение (синтез)» [8. С. 35], «который, как это доступно лишь для подлинно творческого акта духа, производит из двух связуемых элементов третий, где оба первые перестают существовать как отдельные сущности» [8. С. 107], и «создает нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых» [8. С. 197]. Этот мыслительный акт тоже можно представить в виде формулы: $S - P \rightarrow C$, где C есть консеквент умозаключения, а стрелкой обозначен синтез консеквента.

воспринимаемого объекта (либо обобщенный и социализированный благодаря языку образ типичного представителя того класса, в который входит наблюдаемый объект), выполняющий в суждении функцию субъекта (тема сообщения — имя — подлежащее простейшего предложения), и 2) такой же обобщенный социализированный образ проявляемого объектом свойства, выполняющий в суждении функцию предиката (рема — личная форма глагола — сказуемое простейшего предложения). Мыслительное разложение антецедента на субъект и предикат суждения можно представить формулой $A \div S - P$, в которой знаком деления обозначен анализ.

Устойчивое единство, формирующееся в идиолекте социализируемого, овладевающего языком индивида как ассоциация по смежности двух инвариантов — 1) диалектического суждения, состоящего из S и P, и 2) простейшего предложения, состоящего из подлежащего — формального ядра темы и сказуемого — формального ядра ремы, есть двусторонняя предикативная знаковая форма, или пропозиция⁶. Для реципиента факт того, что воспринимаемое им высказывание имеет форму простейшего предложения, означает, что этим речевым произведением выражено суждение и что он должен понять это суждение, т.е. вывести из него актуально значимое знание («новое»). Другими словами, он должен вообразить объект, о котором говорится в сообщении (ядро темы — имя — подлежащее — субъект), в тот момент или интервал его бытия, когда он обнаруживал для наблюдателя-продуцента названное в сообщении свойство (ядро ремы — личная форма глагола — сказуемое — предикат).

Таким образом, категориальным номинативным смыслом сообщений, имеющих форму простейшего предложения, является образ объекта в его явлении. Поэтому, в частности, предикативность понимается нами как «коммуникативный императив» — как указание сформировать из двух абстрактных образов (субъекта и предиката суждения) посредством умозаключения конкретный образ объекта — консеквент, подобный в той или иной мере образу-антецеденту, возникшему во внеязыковом сознании продуцента вследствие непосредственного восприятия описываемого объекта как «данного»⁷. А это значит, что если консеквент умозаключения реципиента значительно отличается от антецедента рассуждения продуцента, то акт коммуникации, являющийся основой взаимопонимания, не может считаться состоявшимся.

Элементарный коммуникативный акт, включающий в себя, во-первых, переход «от смысла к тексту», т.е. а) анализ образа-антецедента и б) предикирование — вынесение продуцентом суждения как сообщения, облакаемого в форму простейшего предложения, с целью стимулировать во внеязыковом сознании реципиента умозаключение, и, во-вторых, переход «от текста к смыслу», т.е. в) аудирование, трактуемое как акт восприятия и девербализации реципиентом адресованного ему сообщения, и г) понимание воспринимаемого сообщения — умозаключение, т.е. синтез образа-консеквента, можно представить в виде простой схемы.

⁶ Именно этот термин нам представляется адекватным, поскольку «восходит к лат. *propositio*, первоначально обозначавшему в логике суждение, а в лингвистике — предложение» [9. С. 401].

⁷ «Данное — к.-л. объект, ставший предметом рассмотрения, познания» [10. Т. 1. С. 428].

Введем для этого следующие условные обозначения: 1) конкретный образ наблюдаемого продуцентом явления (напр., гаснущего огня), т.е. антецедент (основание суждения), и тот конкретный образ, который формируется в сознании реципиента при понимании сообщения, т.е. консеквент (результат умозаключения; вывод; «новое»), обозначим символом $\emptyset$ и заключим его, как и символы всех других образов, в скобки, чтобы отличать от самого наблюдаемого объекта — денотата, «данного», референта (т.е. гаснущего огня), который будет представлен на схеме таким же символом, но без скобок; 2) обобщенный образ огня (понятие «огонь») обозначим символом O ; 3) обобщенный образ проявляемого данным объектом свойства (понятие «гаснуть») — слэшем (косой чертой); 4) особенности природы каждого из образов обозначим скобками разной формы: символ антецедента как чувственного образа явления заключим в фигурные скобки, символ консеквента как умозрительного образа явления — в квадратные скобки, а символы абстрактных образов, т.е. понятий «огонь» и «гаснуть», — в простые; 5) анализ образа гаснущего огня, т.е. вынесение продуцентом суждения, обозначим знаком $\div$, а синтез «нового», т.е. получение вывода из суждения реципиентом, стрелкой; 6) синтетическую (генетическую, порождающую) связь субъекта и предиката суждения, отражающую объективное единство объекта и проявляемого им свойства, обозначим знаком тире.

Таблица 1

Структура акта взаимопонимания*

Сфера продуцента (рассуждающего, говорящего)				Сфера реципиента (слушающего, умозаключающего)	
$\emptyset$ — денотат		Сообщение «Огонь гаснет»			
{ $\emptyset$ }	$\div$	(O) — (I)	$\rightarrow$	[$\emptyset$]	
A антецедент (повод)	$\div$	S — P субъект — предикат	$\rightarrow$	C консеквент (вывод)	
«предикамент»	$\div$	----- предиканд — предикатор	$\rightarrow$	----- предикат**	
		ядро темы — ядро ремы			
		подлежащее — сказуемое N_0 — V_f			
основание		условие — причина	$\rightarrow$	следствие	

*Здесь представлен вариант схемы акта коммуникации из [11. С. 47].

**Триада «предиканд — предикатор — предикат» предложена Г.П. Мельниковым [7. С. 51]. Но мы здесь используем традиционные термины — субъект и предикат.

Производный образ [$\emptyset$], т.е. консеквент умозаключения, является косвенным впечатлением — результатом опосредованного познания действительности реципиентом. Иными словами, образ [$\emptyset$] есть результат восприятия не самого «сигнала» — «естественного раздражителя», т.е. являющегося объекта, а «сигналов сигнала» (по И. П. Павлову) — знака этого объекта (имени; N) и знака проявляемого этим объектом свойства (глагола; V), а также грамматических, служебных знаков, т.е. знаков коммуникативных функций имени как ядра темы сообщения

(N_0) и личной формы глагола как ядра ремы сообщения (V_f)⁸, а значит и функций выражаемых ими смыслов (образов; понятий) как субъекта и предиката суждения.

При понимании сообщения консеквент умозаключения реципиента и антецедент рассуждения продуцента, образы $[\emptyset]$ и $\{\emptyset\}$, оказываются изоморфными, несмотря на то что они, во-первых, не изэстетичны, ибо в их формировании участвуют разные сигнальные системы, и, во-вторых, не изогенны⁹, поскольку у антецедента как чувственного образа есть реальный прообраз — явление $\emptyset$ (внешний денотат; зд. это наблюдаемый гаснущий огонь), в то время как у консеквента как производного, синтезированного образа такого прообраза нет.

Понятно, что если бы наша речь и сейчас строилась только на основе простейшего предложения, никакой необходимости ни в падежах, ни в переходных глаголах у нас в принципе не было бы: при описании любого события специфика явлений включенных в него или причастных к нему существ и вещей выражалась бы не падежными флексиями, а глагольными диатезами типов «делает», «имеет» или «есть» в функции рем простейших сообщений, из которых составляется первообразный текст, необходимый для описания события.

2. Простое предложение, его состав, значение и категориальный смысл

В отличие от простейшего предложения, сформированного на ранних этапах развития языка¹⁰ как «абстрактный образец» сообщений о **явлениях**, простое предложение формировалось по мере развития падежей и класса переходных глаголов как внешняя форма сообщений о **событиях**, напр. таком, как *Учитель мелом пишет ученикам на доске теорему Пифагора*.

Значением, или внутренней формой, таких сообщений является особое мыслительное единство, называемое нами диалектическим, или каузальным, силлогизмом.

В отличие от категорического силлогизма, являющегося формой отражения в сознании родовидовых (парадигматических) отношений между понятиями¹¹, силлогизм данного вида представляет собой диалектическую форму отражения целочастных (синтагматических) отношений, возникающих между объектами и их образами, когда «они оказываются функционально взаимодополняющими по отношению к функции того целого „механизма“, в который они входят как „детали“» [21. С. 26].

⁸ Понятно, что сообщения, формой которых является пропозиция, могут быть распространены: *Сильный огонь медленно гаснет*.

⁹ Толкование понятий «изэстетичный» и «изогенный» см. в [12. С. 287].

¹⁰ Раздельное существование моделей «Кто + активный глагол» и «Что + стативный глагол» предшествовало существованию модели «Кто — что», которая «выглядит как их сложение» [13. С. 287].

¹¹ В хрестоматийном примере категорического силлогизма *Все металлы электропроводны. Медь — это металл. Следовательно, медь электропроводна* объем понятия «медь» входит в объем понятия «металл», объем которого входит в объем понятия «электропроводный материал».

Поскольку событие рассматривается нами как цикл генетически, причинно связанных явлений, простое предложение (внешнюю форму сообщений о событиях) можно трактовать как «сценарий» события — «список действующих лиц пьесы с указанием порядка и времени их выхода на сцену»¹².

Устойчивое единство, формирующееся в идиолекте социализируемого индивида в результате ассоциации по смежности двух инвариантов — каузального силлогизма и простого предложения, т.е. внутренней и внешней форм сообщений о событиях, есть сложный языковой знак — двусторонняя полипредикативная (полипропозициональная) знаковая форма, которую, видимо, при необходимости можно называть «силлогической»¹³.

Простое предложение, в отличие от простейшего, представляет собой формально-грамматическое средство выражения координационной связи посылок каузального силлогизма и их консеквентов: напр., из высказывания *Охотник снегом гасит огонь* следует, что охотник «делает», а именно *гасит* (причина события; агенс), поэтому снег тоже «делает» — *гасит* (условие, фактор; фациенс¹⁴), а огонь, как следствие, «есть таков, какова причина» — *гаснет* (следствие; пациенс), поскольку «структура причины воспроизводится в структуре следствия с точностью до изоморфизма» [10. Т. 4: 372]. В высказывании, имеющем форму простого предложения, эта связь, будучи отображением каузальной связи явлений, выражена не лексически — диатезами одного глагола, как в первообразном тексте (*Охотник гасит* + *Снег гасит* + *Огонь гаснет*, из чего следует, что «здесь-сейчас» имеет место событие), а грамматически — падежными алломорфами.

Несмотря на то что сообщение о событии полипредикативно и в этом отношении аналогично тексту, предложение, в форму которого оно облекается, можно считать формально простым: в нем есть только одно эксплицитное глагольное сказуемое — внешняя форма обосновывающей¹⁵ (большей, координационной)

¹² Авторство сравнения предложения с «маленькой драмой», как известно, принадлежит А. Сеше [14. С. 49], хотя популярным оно стало благодаря Л. Теньеру, который писал, что в предложении тоже «обязательно имеется действие, а чаще всего также действующие лица и обстоятельства», названные им актантами и сирконстантами [15. С. 117]. В терминосистеме Г.П. Мельникова им соответствуют понятия «партиципанта» и «адьяцента» (см. [16], а также [17. С. 164]).

¹³ По аналогии с «пропозицией».

¹⁴ Явление фациенса (орудия, материала, средства и т.д.) тоже является результатом действия агенса, хотя и особого рода: это необходимое внутреннее условие события.

¹⁵ В состав простого категорического силлогизма должно входить три функционально различающихся суждения: основное, функцию которого выполняет меньшая посылка (*Сократ — человек*), обосновывающее, функцию которого выполняет большая посылка (*Все люди смертны*) и выводное, функцию которого выполняет заключение (*Сократ смертен*) [18. С. 5; 19. С. 39—40]. По нашему мнению, в диалектическом силлогизме тоже имеются функционально аналогичные суждения: суждения, внешними формами которых являются падежи, выполняют в нем функцию основных посылок, а то суждение, внешней формой которого является глагольное сказуемое, является обосновывающей посылкой. Что касается выводных суждений, то им, в соответствии с «законом Гумбольдта — Поттебни — Рубакина» [20. С. 61; 21. С.63], в сообщении, внешней формой которого является простое предложение, прямых соответствий нет [7. С. 50].

посылки каузального силлогизма. Грамматической формой этого сказуемого выражается время, модальность и вид явления агенса как причины события. Эти же характеристики явлений всех других втянутых в событие субъектов и объектов (хронология их явлений, т.е. таксис¹⁶), в простом предложении выражаются имплицитно — морфологически, точнее, с помощью падежей, которые, будучи свернутыми простейшими предложениями, являются внешними формами основных (меньших) посылок каузального силлогизма, координируемых с обосновывающей посылкой не только в плане лексической, но и в плане грамматической семантики. Так, совершенно очевидно, что из сообщения *Александр посылает коллеге статью Серио* следует, во-первых то, что Серио является создателем упомянутого произведения и что он создал его еще до начала текущего события, т.е. в относительном прошлом, во-вторых, то, что статья посылается в относительном настоящем, а в-третьих, то, что коллега Александра получит ее в относительном будущем.

Что касается статуса предлога¹⁷, то он, по нашему мнению, является знаменательной частью речи, «вещественным» знаком, категориальное лексическое значение которого — это отношение явлений партиципантов, обнаруживающееся как влияние. В отличие от связи, обозначаемой переходным глаголом, отношение характеризуется не функциональной, а корреляционной зависимостью, т.е. отсутствием причинения. Влияние обнаруживает себя тем, что явление адъяцента, называемого падежом при предлоге, выполняет по отношению к явлению смежного с ним в пространстве-времени партиципанта функцию окрестностного условия, т.е. служит для него либо катализатором, либо ингибитором, либо стабилизатором. Другими словами, с событийной точки зрения данная часть речи — это знак невключенности адъяцента в инициированный агенсом причинный процесс. Предлоги отличаются от глаголов также тем, что требуют от имени лишь семантического, а не формального согласования¹⁸ [7. С. 67].

Будучи средством формализации отношений номинативных смыслов сообщений-посылок, точнее, их консеквентов, предлог выполняют в предложении функцию несамостоятельного, второстепенного, координируемого сказуемого¹⁹, поскольку собственных финитных форм у него нет, напр.: *Ключ лежит на столе* (отношения локализуемого объекта и адъяцента-локуса относятся к плану настоящего), *Ключ лежал на столе* (то же самое, но к плану прошедшего), *Ключ будет лежать на столе* (то же самое, но к плану будущего).

¹⁶ «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [22. С. 101]. См. также [23. С. 504; 24. С. 20]. При анализе простого предложения речь должна идти о зависимом и имплицитном таксисе.

¹⁷ Системному анализу функций предлогов в семантической структуре высказывания с позиций системной лингвистики было посвящено исследование Д.М. Гзгзяна [25].

¹⁸ Поэтому один предлог может сочетаться с разными падежами, а разные предлоги — с одним падежом.

¹⁹ Предлог поэтому можно сравнивать с лианой, которой необходима опора. Такой грамматической «опорой» предлогу в предложении служит «независимое» эксплицитное глагольное сказуемое — V_f .

Отношение, как и связь, по меньшей мере двухместно (aRb , где a и b — это объекты, а R — отношение, напр., *книга на столе*), и без дополнений-актуализаторов, т.е. абсолютивно, предлоги в русском языке не употребляются, хотя первый член отношения в речи может опускаться («*В лесах*», «*На горах*»). Значение предлогов «находится в них как намек, который становится ясен только при падеже» [26. С. 36—37; 27. С. 180].

Состав падежа. Всякий падеж — это свернутое простейшее предложение²⁰, но в нем логическая (синтетическая, порождающая) связь обобщенного образа объекта и обобщенного образа его функции в событии, являющихся соответственно субъектом и предикатом одной из основных посылок каузального силлогизма, выражена морфологически: подлежащим этого простейшего предложения является основа падежа, а сказуемым — его флексия, которой, как и соответствующей диатезой глагола, обозначается роль в событии партиципанта, называемого падежной основой. Напр.: винительный существительного *лава* в сообщении *Вулкан извергает лаву* эквивалентен по своему содержанию атомарному сообщению *Лавы извергаются*, поскольку этот объект в данном событии является пациенсом, а дательный существительного *люди* в сообщении *Прометей дал огонь людям* равнозначен атомарному сообщению *Люди имеют (получили) огонь*.

Несмотря на то что падежом выражается суждение (мысль, а не смысл), он не может быть самостоятельным сообщением, поскольку, являясь внешней формой какой-л. основной посылки каузального силлогизма, дает реципиенту возможность узнать лишь то, что названный его основой субъект или объект имеет отношение к событию и что явление этого субъекта или объекта обусловлено его участием в причинном процессе или смежностью с этим процессом. Так, взятый вне контекста творительный *облаком* представляет собой компрессированное сообщение, содержащее суждение *Облако «делает»*, из которого реципиент может узнать лишь то, что облако участвует в каком-то событии и включено в какой-то процесс в качестве фациенса (условия). Но что именно оно «делает», «делало, сделало, сделало бы...» — *окутывает, опускается, висит, скрывает, проплывает, называет* и т.д., реципиент может узнать только из сообщения о событии, в котором участвует данный объект [28. С. 41], и только после соотнесения (координации) значения морфемы творительного падежа с грамматическим значением глагола-сказуемого простого предложения, которым именуется причина события.

Следовательно, с синтаксической точки зрения, падежи — это не распространяющие, а конституирующие члены простого предложения²¹, это имманент-

²⁰ Только по этой причине именительный, которым сообщается, что называемый его основой партиципant является агенсом, не может быть так называемой «словарной формой»; эту функцию выполняет имя существительное — собственно номинативная часть речи. Кстати сказать, «нулевой падеж» (N_0) на 1-ой схеме не означает, что у этого имени «нулевой род».

²¹ Сказанное относится прежде всего к именительному и реktionным (управляемым) винительному, дательному и творительному, называющих агенса, пациенс, бенефицианта и фациенс соответственно. Понятно, что сообщения, внешней формой которых является простое предложение, могут быть распространенными, в частности благодаря предложно-падежным сочетаниям: *Опытный юрист никогда не даст вам сразу точный ответ на этот каверзный вопрос*.

ные элементы внешней формы канонического русского сообщения, обобщенным номинативным смыслом которого является образ текущего, развивающегося события. Другими словами, простое предложение по отношению к падежам является той системой, в составе которой они функционируют наряду с личной формой переходного глагола (средства именованного причинного процесса, связи) и предлогом (средством выражения отношения и, что не менее важно, средством обозначения невключенности адъяцента, названного падежом при предлоге, в инициированный агенсом процесс).

Поэтому, в частности, ни один падеж не может быть назван «более грамматическим» или «более конкретным», чем какой-л. другой. По этой же причине ни один падеж не может быть назван «прямым» или «косвенным» и противопоставляться в этом отношении остальным: всякий падеж, в том числе и именительный, есть не что иное, как «косвенная форма» того имени существительного, которое, будучи подлежащим простейшего предложения, в падежном оформлении не нуждается [29. С. 324]. «Грамматический» именительный, вопреки расхожему мнению, является таким же «конкретным», как и любой другой падеж, ибо им не только называется субъект, но и сообщается, что он является агенсом описываемого события. Флексия им. п. — это своего рода знак-оператор, значение которого в системной теории падежа определяется как единичное преобразование: действие партиципанта, названного именем в им. п., по отношению к действию, названному глаголом-сказуемым простого предложения, находится в отношениях тождества [7. С. 67]. Другими словами, агенс делает то, что о нем говорится в сообщении.

В пользу сказанного свидетельствуют и данные реконструкции развития падежной системы, осуществленной Ю. С. Степановым: I этап — Имя; II этап — им. п. и вин. п.; III этап — род. п.; IV этап — дат. п.; V этап — твор. п. и предл. п. [5. С. 47—48).

С морфологической точки зрения, падеж — это узуально воспроизводимая совокупность глоссем, т.е. устойчивое единство, состоящее из минимальных двусторонних знаковых форм — языковых знаков. А это значит, что мы не изменяем существительные, не преобразуем их, не производим всякий раз речевые знаки нужной нам формы, а используем уже хранящиеся в памяти падежи так же, как и любые другие «заранее заготовленные», воссоздаваемые, а не создаваемые единицы. Категория падежа занимает промежуточное положение между словоизменительными и словообразовательными категориями. Поэтому падеж можно, по нашему мнению, рассматривать как высшую ступень развития имени, как результат процесса совершенствования внешней формы сообщений о событиях — простого предложения и ассоциированной с ним внутренней формы этих сообщений — диалектического силлогизма. По этой же причине мы полностью согласны с Ю.С. Степановым, по мнению которого падеж «естественно определить как диатезу имени» [3. С. 135]. Если имя существительное — это внешняя форма смысла, являющегося субъектом суждения, то его падежи — это внешние формы суждений, мыслей, которые, будучи значениями компрессированных простейших

сообщений, являются меньшими посылками каузального силлогизма, вследствие чего мы предлагаем теперь называть сообщениями не только такие высказывания, которыми выражается суждение, но и такие, которыми выражается диалектический силлогизм.

III

В итоге мы приходим к следующим выводам:

1) простейшее предложение не является «простейшим случаем простого предложения», а простое предложение не является так называемым «распространенным двусоставным предложением»; они различаются не только количественно, но и качественно;

2) данные синтаксические единицы имеют разные составы и разные по сложности структуры;

3) значения, или внутренние формы, сообщений о явлениях и о событиях тоже различны: это соответственно суждение с явным предикатом и каузальный силлогизм, являющиеся важнейшими элементами диалектической логики;

4) сообщение, имеющее форму простейшего предложения, — монопредикативно; предикативность в таком сообщении выражена эксплицитно, синтаксически;

5) сообщение, имеющее форму простого предложения — это компрессионный связный текст, и в нем есть только одна эксплицитная предикативная единица. Поэтому и содержащийся в таком сообщении силлогизм имеет форму энтимемы — сокращенного силлогизма;

6) сообщениями, облакаемыми в форму простейшего и простого предложений, выражается разное по характеру и по форме мыслительное содержание: а) категориальным номинативным смыслом сообщений, имеющих форму простейшего предложения, является обобщенный образ явления (см. табл. 1); б) категориальным номинативным смыслом сообщений, имеющих форму простого предложения, является обобщенный образ события (см. табл. 2);

7) в состав канонического **простого** предложения входят: главное подлежащее — им. п.; главное сказуемое (личная форма глагола, согласованная с главным подлежащим); три второстепенных подлежащих²², или дополнения-актуализатора главного сказуемого — рекционные вин. п., дат. п. и твор. п.; второстепенное сказуемое — предлог; дополнение-актуализатор предлога — предл. п. и дополнение-актуализатор любого второстепенного подлежащего — род. п.;

8) в состав канонического **простейшего** предложения входит два члена — подлежащие и сказуемое, выраженные соответственно именем и финитной формой глагола.

---

²² Еще в 1881 году А.В. Попов писал, что «именительный, как указатель на ближайшее, главное для мысли, сделался указателем подлежащего, то есть главного предмета мысли... А винительный, как указатель на дальнейшее, второстепенное для мысли сделался указателем преимущественно на предмет второстепенный для мысли сравнительно с подлежащим (почему он может быть назван второстепенным подлежащим), к которому косвенно относится качество или действие главного предмета» [31. С. 30].

IV

Обобщенно результаты нашей работы можно представить в виде схемы²³, которая дает наглядное представление о том, что такое внутренняя детерминанта русского языка, называемая Г.П. Мельниковым наиболее устойчивой чертой его грамматического строя (см. Мельников [21; 30]). В приведенную ниже таблицу также включены следующие классификации: а) падежей, б) партиципентов (с учетом иерархии их функций, степеней активности, характера и степени причастности к событию) и в) членов канонического простого предложения.

Таблица 2

Остенсивное определение внутренней детерминанты русского языка

<i>ДЕЛАЕТ</i>	<i>ЕСТЬ</i>	<i>ИМЕЕТ</i>	<i>«ДЕЛАЕТ»</i>	<i>«ЕСТЬ»</i>	<i>«ИМЕЕТ»</i>
			причина условие	основание следствие	последствие хронотоп
			S ₁ -агенса O ₂ -фациенса	S ₃ -прекурсор O ₁ -пациенса	S ₂ -бенефицианта O ₃ -локуса
			Учитель мелом	Пифагора теорему	ученикам на доске

Пояснения к схеме:

1. Горизонтальной линией на схеме обозначена условная граница, разделяющая событие на две части: область явлений субъектов (S) и область явлений объектов (O), называемых соответственно одушевленными и неодушевленными именами.

2. Вертикальными линиями разграничены этапы развития события и позиции партиципентов:

1) первый этап — отрезок времени, в течение которого наиболее очевидно проявляются свойства агенса: агенс «делает» и тем самым инициирует явления других субъектов и объектов, втягивая их тем самым в причинный процесс и в событие. Поэтому первой позиции, верхнее поле которой занимает агенс (S₁), было присвоено наименование «ДЕЛАЕТ», соответствующее типу явлений этого участника события и фациенса (фактора). Действие агенса служит исходной точкой описания события: посредством формы глагольного сказуемого действие агенса соотносится с актом речи как с «эталонным, координирующим событием» (Э. Бенвенист, Ю.С. Степанов, Г.П. Мельников). Что касается времени, вида и модальности явлений всех других партиципентов, то эти характеристики определяются относительно времени, вида и модальности действия агенса;

2) второй этап — это этап, на котором вследствие действия агенса «есть таков, какова причина» пациенс (O₁): он порождается, продолжает или прекращает быть таким, каковой является причина. Поэтому данной позиции, нижнее поле которой занимает пациенс, было дано наименование «ЕСТЬ»;

²³ См. об этом в [32] и в более поздних работах.

3) третий этап — это завершающий этап событийного цикла. Основным участником данного этапа является бенефициант (S_2): вследствие действия агенса он «имеет» то, что теперь «есть» пациенс. По достижении в своем развитии этого этапа событие исчерпывается, обретает совершенный вид. Третья позиция, с учетом типа действий бенефицианта и локуса, названа позицией «ИМЕЕТ»;

4) каждый S и O состоит из трех материальных сфер, или зон²⁴:

А. Зона «**быть**» (обозначена меньшей окружностью). Это тело S или O. В данной сфере свойства S или O проявляются как его актуальное состояние; в простейшем несвернутом сообщении состояние S или O описывается глаголами-сказуемыми типа «быть» («есть какой-л. / становится или прекращает быть каким-л.», напр.: *горит, растет, сохнет, вянет, течет, сидит, белеет* и т.д.; действия такого рода замкнуты в зоне «быть» S или O; *actio immanens*); неотчуждаемая (или неотторжимая) принадлежность S или O.

Б. Зона «**иметь**» (внешняя граница этой зоны обозначена большей окружностью). В данной зоне свойства S или O проявляются как его актуальные отношения с другими S или O; пространство вокруг партиципанта, в пределах которого обнаруживается его влияние; личное пространство партиципанта; зона рецепции S; отчуждаемая (отторжимая) принадлежность S или O.

В. Зона «**делать**» — это, по сути дела, пространство события. Свойства S или O проявляются в событии как связь данного партиципанта с другими S и O (на схеме связь изображена диагональными линиями со стрелками); *actio transiens*; воздействие агенса на других участников события, т.е. процесс причинения — перенос от агенса к другим партиципантам структуры (формы), вещества (материи) или энергии (движения), вследствие чего они либо «есть» (пациенс), либо «имеют» (бенефициант), либо «делают» (фациенс).

²⁴ Разграничение этих зон позволяет, в частности, объяснять многие особенности выражения отношений объектов в пространстве-времени и таксиса. Так, если какой-л. объект локализуется относительно другого, то положение первого объекта может определяться:

- 1) либо в отношении зоны «**быть**» второго объекта:
  - а) актуальное нахождение в этой зоне — *Дачники гуляют* в лесу (где? — пред. п.),
  - б) нахождение в этой зоне в относительном будущем — *Дачники идут в лес* (куда? — вин. п.),
  - в) нахождение в этой зоне в относительном прошлом — *Дачники идут из леса* (откуда? — род. п.),
- 2) либо в отношении его зоны «**иметь**»:
  - а) актуальное нахождение в данной зоне — *Дачники гуляют у леса* (где? — род. п.),
  - б) нахождение в данной зоне в относительном будущем — *Дачники идут к лесу* (куда? — дат. п.),
  - в) нахождение в данной зоне в относительном прошлом — *Дачники идут от леса* (откуда? — род. п.).

Отправным моментом для выделения в составе субъекта и объекта зон «быть» и «иметь» для нас послужили суждения Ю.С. Степанова об «обращении с пространством» людей, воспитанных в разных национальных культурах [13. С. 12—15], и понятия соппространственности и несопространственности, используемые в [33. С. 9—10]. Значительно позже нам стало известно о разграничении «быть» и «иметь» как модусов существования в философии Э. Фромма [34].

3. Именные члены канонического простого предложения.

1. **Именительный.** Этот падеж выполняет в простом предложении функцию подлежащего. Существительными в им. п. сообщается, кто является агенсом события (диатеза «**делать**»; действие). Категориальный номинативный смысл им. п. — субъект в функции агенса. Агенсу как инициатору события, как главному действующему лицу был присвоен символ S_1 . Будучи субъектом, агенс является источником активности, переходящей от него к фациенсу, пациенсу и бенефицианту в виде энергии, структуры и вещества соответственно. Действие агенса — это причина возникновения и развития события.

2. **Винительный.** Данный падеж выполняет в простом предложении функцию первого прямого дополнения глагольного сказуемого. Категориальный номинативный смысл вин. п. — О-пациенс (диатеза «**быть**»; состояние). Существительными в вин. п. сообщается, какой объект в данном событии является пациенсом (O_1), т.е. таким участником события, актуальное состояние которого является следствием непосредственного воздействия агенса на его зону «**быть**» (S_1 «**делает**» → O_1 «**есть**»²⁵), напр.: *сушит* → *сохнет*; *льет* → *течет*; *белил* → *белеет*; *топит* → *тонет*; *гасит* → *гаснет*; *гноит* → *гниет*; *растит* → *растет*; *воскрешает* → *воскресает*; *кипятит* → *кипит*; *гонит* → *бежит*, а также *продает* → *продается*, *собирает* → *собирается*, *льет* → *льется*; «*Ветер по морю гуляет / И кораблик подгоняет. / Он бежит себе в волнах...*» и т.п.

3. **Дательный.** Этот падеж выполняет в простом предложении функцию второго прямого дополнения глагольного сказуемого. Категориальный номинативный смысл дат. п. — S-бенефициант (диатеза «**иметь**»; отношение). Включением в высказывание имени в дат. п. сообщается об участии в событии второго субъекта, выполняющего в нем функцию бенефицианта (S_2), называемого также адресатом, реципиентом, по отношению к которому агенс выступает донором, получателем чего-л. в результате действия агенса, экспериенцером и др. Действие этого партиципанта является реакцией на действие агенса (или окружающей среды) и называется в простейших сообщениях первообразного текста глагольной диатезой типа «**иметь**», конверсивной диатезе типа «**делать**», которой именуется действие агенса (S_1 «**делает**» что-л. → S_2 «**имеет**» это), напр.: *дает* → *берет*; *говорит* → *слушает*; *объясняет* → *понимает*; *показывает* → *смотрит*; *посылает* → *получает*; *продает* → *покупает* и т.п.). Изменение, происходящее в зоне «**иметь**» бенефицианта, понимается, в частности, как последствие действия агенса, в отличие от состояния пациенса как следствия.

4. **Творительный.** Твор. п. выполняет в простом предложении функцию третьего прямого дополнения глагольного сказуемого (диатеза «**делать**»; связь). Категориальный номинативный смысл твор. п. — О-фациенс. Этим падежом сообщается, приведение какого объекта в движение является условием (фактором) реализации цели агенса или обстоятельством, релевантным для порождения причиной следствия. Явление фациенса (его действие) аналогично действию (явлению) агенса (S_1 «**делает**» → O_2 «**делает**»)²⁶, напр.: *Учитель мелом пишет слово* → *Мел*

²⁵ Стрелкой в примерах обозначена импликация: Если S_1 «**делает**», то O_1 «**есть**».

²⁶ Отсюда «творительный сравнения» (уподобления).

пишет; Охотник снегом гасит огонь → Снег гасит; Св. Георгий пронзает змея копьём → Копьё пронзает.

5. Предложный. Этот падеж выполняет в предложении функцию «припредложного» дополнения-актуализатора второстепенного сказуемого — предлога, которым выражается отношение. Этим падежом сообщается об участии в событии объекта, выполняющего в нем функцию О-локуса (хронотопа) — партиципанта, специфика которого состоит в том, что он, будучи участником события, в инициированный агенсом причинный процесс не включен; это адъецент²⁷, т.е. смежный с процессом партиципанта (данная особенность локуса и соответствующее ей обязательное наличие перед предл. п. предлога обозначены разрывом линии связи). Зона «**БЫТЬ**» локуса является, в частности, местом события, средой, окрестностью, пространственно-временным репером события, фоном, контекстом, «пассивным» инструментом (ср.: *ковать молотом* и *ковать на наковальне*), материалом (*статуя в бронзе*), «грунтом», темой (*думать / говорить о работе*) и т.д.; локус является «вместилищем» события — партиципантом, который «имеет», «содержит», «несет» в самом себе — в своей зоне «**БЫТЬ**»: ***В лесу раздавался топор дровосека; На площади собрался народ; При отце он никогда не курит; Вода закипает при температуре 100 градусов; третий в пятом ряду; пришел в пятом часу*** и т.п.; с состоянием его зоны «**БЫТЬ**» каузальный процесс коррелирует как с окрестностными условиями.

6. Родительный. Данным падежом сообщается, кто является прекурсором описываемого события. Прекурсор (S_3) — это предтеча актуального события, поскольку его явление подготавливает описываемое событие, создает для него необходимые предпосылки, становится его поводом, внешним условием. Напр.: в сообщении о событии *Студенты изучают рефрактор Кеплера* словосочетание *рефрактор Кеплера* восходит к развернутому сообщению об «основополагающем» событии *Этот рефрактор «сделал» Кеплер*, без которого текущее событие не стало бы возможным. Аналогично: *слушать пение птиц*. Прекурсор, как и локус, рассматривается нами как независимый от агенса партиципанта, однако его «автономия» — иного рода. Подобно тому, как местоимением третьего лица называется тот, кто сам в акте коммуникации не участвует, но фигурирует в ней в качестве темы, родительным падежом называется партиципанта, проявление которого именуется главным членом генитивного словосочетания (*запах меда, дом брата, хвост кометы, икона Рублева, опера Бородина* и т.д.), и в процесс включено в качестве его основания, хотя сам прекурсор в течение всего цикла события пребывает («**ЕСТЬ**») вне его пространственно-временных рамок²⁸ и как третье лицо в событии (S_3) имеет к агенсу лишь косвенное касательство: отношение между агенсом и прекурсором опосредствовано объектом, с которым прекурсор связан генетически [29. С. 333].

²⁷ По мнению Г.П. Мельникова, термин «адъецент» точнее раскрывает суть дела, нежели «сирконстант» Л. Теньера [15. С. 117].

²⁸ Если специфику прекурсора определять не очень строго, но емко, то тогда его можно назвать «невидимым, но ведомым» партиципантом, «умозрительным», т.е. таким, образом которого дополняется образ описываемого события, несмотря на то что самого прекурсора в этом событии нет [29. С. 333].

7. Если сравнить три вида условий события, т.е. явления фациенса (O_2), локуса (O_3) и прекурсора (S_3), то нетрудно заметить, что явление фациенса включено и в событие, и в процесс причинения, явление локуса включено в событие, но не включено в процесс причинения, явление же прекурсора включено в процесс причинения, но не включено в событие.

8. Понятно, что наиболее активны в событии участники, занимающие в нем первую позицию, т.е. такие, которые «делают», — агенс (S_1) и фациенс (O_2). Менее активны участники, которые вследствие действия агенса «имеют», т.е. бенефициант (S_2) и локус (O_3). А наименьшую активность проявляют участники, которые «есть» — прекурсор (S_3) и пациенс (O_1).

В соответствии с полученной классификацией падежей, их значений и обобщенных номинативных смыслов мы можем разделить на группы первообразные предлоги и объяснить особенности их семантической сочетаемости с падежами [29].

Таблица 3

Классификация первообразных предлогов

	без, для, до, из, из-за, из-под, меж / между, от, ради, с, у	к, по
за, над, перед, под, меж / между, с	в, за, на, о, об, (по), под, про, с, через, сквозь	в, на, о, при, (по)

© Дремов А.Ф.

Дата поступления: 14.10.2018

Дата приема в печать: 16.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мельников Г.П. К проблеме критериев разграничения литературных, разговорных и просторечных форм (на материале русских падежей). Социально-лингвистические исследования. М.: Наука, 1976. С. 69—79.
2. Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей. Исследования в области грамматики и типологии языков: Сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 39—64.
3. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М.: Наука, 1989.
4. Курилович Е. Проблема классификации падежей. В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Иностранная литература, 1962. С. 175—203.
5. Степанов Ю.С. Проблема классификации падежей. (Совмещение классификаций и его следствия) // Вопросы языкознания, 1968. № 6. С. 36—48.
6. Дремов А.Ф. Роль падежей русского языка в обеспечении связности и компрессии текста: дисс. ... канд. филол. наук. М.: УДН, 1984.
7. Мельников Г.П., Дремов А.Ф. Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики // Синтаксис и стилистика: сб. науч. трудов / Отв. ред. О.А. Крылова. М.: Изд-во УДН, 1984. С. 49—79.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
9. Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1999.
10. ФЭ: Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Изд-во «Большая Советская Энциклопедия», 1960—1970. Т. 1.

11. Дремов А.Ф. Системный подход к решению проблемы «смысл А → текст → смысл А₁» // Русский текст и русский дискурс сегодня. Санкт-Петербург: Политехника, 2003. С. 45—52.
12. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Мир, 1981.
13. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981.
14. *Sechehaye, A.* Essai sur la structure logique de la phrase. Paris: Champion, 1926.
15. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. Редкол.: Г.В. Степанов (пред.) и др. Вступ. ст. и общ. ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988.
16. Мельников Г.П. Внутренняя форма русского языка — ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях // Беседы в обществе любителей российской словесности: Сборник научных трудов. М.: ОЛРС, 1998. Электронный ресурс: www.lgg.ru/~slovo/Virtual_Sbornik.html; дата обращения: 09.10.2018.
17. Дремов А.Ф. Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного. М.: Мир русского слова, № 1—4, 2001.
18. Рутковский Л.В. Основные типы умозаключений. СПб.: Типо-Литография А.Е. Ландау, 1888.
19. Бойко В.К. Исследование и классификация Л.В. Рутковским основных типов умозаключений. Логико-философские штудии: сб. статей. Вып. 5 / Под ред. Я.А. Слинниной, Е.Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. С. 39—49.
20. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977.
21. Мельников Г.П. Системная типология языков (синтез морфологической классификации языков со стадильной): Учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2000.
22. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Пер. с англ. А.К. Жолковского // Сб.: Принципы типологического анализа языков различного строя; сост. О.Г. Ревзина. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 95—113.
23. Бондарко А.В. Таксис // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1999. С. 504.
24. Храковский В.С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В.С. Храковский. М.: Знак, 2009.
25. Гззьян Д.М. Функция предлога в составе семантической структуры высказывания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.
26. Аксаков К.С. О русских глаголах. М.: Типография Л. Степановой, 1855.
27. Некрасов Н.П. О значении форм русского глагола. СПб.: Типография и литография Паульсона и К^о, 1865.
28. Дремов А.Ф. Значение морфемы творительного падежа и смыслы словоформ творительного падежа // Филологические науки в МГИМО: сб. науч. тр. № 7 (22). М.: МГИМО, 2001. С. 33—46.
29. Дремов А.Ф. Понятие внутренней и внешней формы языкового строя в практике преподавания русского языка как иностранного // Материалы ежегодной конференции Общества славяноведения Кореи: сб. докладов. Сеул, Университет Кёнги, 2006. С. 319—340.
30. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
31. Попов А.В. Синтаксические исследования. Именительный, звательный и винительный в связи с историей развития заложных значений и безличных оборотов в санскрите, зенде, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях // Отд. отт. из «Филологических записок». Воронеж, 1881.
32. Дремов А.Ф. Лингвистическая модель как основание сопоставительного описания языков // Вопросы языковых контактов и сопоставительное изучение языков: сб. науч. тр. / Под ред. Г.С. Романовой и Г.Г. Тяпко. М.: МГИМО, 1992. С. 43—50.

33. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Русский язык, 1982.
34. Фромм Э. Иметь или быть? / Пер. с англ.; общ. ред. В.И. Добренкова. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990.

УДК: 81'366.54:81'367.332

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-43-62

THE CONCEPTS OF THE SIMPLEST AND SIMPLE SENTENCES IN THE PARADIGM OF SYSTEMIC THEORY OF CASE

Alexey F. Dremov

MGIMO University

76, Vernadskogo ave., Moscow, Russia, 119454

Abstract. The article presents some of the results of systematic studies of the functions of the cases in a simple Russian sentence. Primarily, the systemic interpretation of the simplest and simple sentences as syntactic units is postulated, which possess not only different compositions and structures, but also reveal different grammatical meanings and categorial senses. Alongside, the notion of an event is defined and determined; the concept of predication is clarified and redefined; the concept of a dialectic, or causal, syllogism is introduced as a meaning caused by the internal form of a simple sentence. Consecutively, the ostensive definition of the internal determinants of the Russian language is given.

Key words: case, simple sentence, premise, causal (dialectical) syllogism, event, internal determinant of the Russian language

REFERENCES

1. Melnikov, G.P. (1976). To the problem of the criteria for the delimitation of literary, colloquial and colloquial forms (on the material of Russian cases). In *Socio-linguistic research*. Moscow: Nauka publ. 69—79. (In Russ.).
2. Melnikov, G.P. (1980). The nature of the case values and the classification of cases. *Studies in the field of grammar and typology of languages: Sel. articles*. Moscow: Moscow State University publ. 39—64. (In Russ.).
3. Stepanov, Yu.S. (1989). Indo-European proposal. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Kuryłowicz, J. (1962). The problem of classification of cases. In: *Kuryłowicz, J. Essays on linguistics*. Moscow: Inostrannaya Literatura. 175—203. (In Russ.).
5. Stepanov, Yu.S. (1968). The problem of the classification of cases (The combination of classifications and its consequences). *Voprosy Yazykoznanija*, 6, 36—48. (In Russ.).
6. Dremov, A.F. (1984). The role of the cases of the Russian language in ensuring the coherence and compression of the text [dissertation]. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia publ. (In Russ.).
7. Melnikov, G.P. & Dremov, A.F. (1984). Levels of text connectivity, actual predication and case from the position of system linguistics. In *Syntax and style: sel. articles*, O.A. Krylova (Ed.). Moscow: Friendship University of Russia. 49—79. (In Russ.).
8. Humboldt, W. von. (1984). Selected works on linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.).
9. Arutyunova, N.D. (1999). Proposition. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. p. 401. (In Russ.).
10. FE (1960—1970): Philosophical Encyclopedia: 5 vv. Moscow: Great Soviet Encyclopedia.

11. Dremov, A.F. (2003). Systemic approach to solving the problem “meaning A → text → meaning A₁”. In *Russian text and Russian discourse today*. Saint Petersburg: Polytechnic University. 45—52. (In Russ.).
12. Melnikov, G.P. (1980). *Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics*. Moscow: Mir publ. (In Russ.).
13. Stepanov, Yu.S. (1981). *Names, predicates, sentences (Semiological grammar)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Sechehaye, A. (1926). *Essai sur la structure logique de la phrase*. Paris, Champion.
15. Tesnière, L. (1976). *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: C. Klincksieck.
16. Melnikov, G.P. (1998). Inner form of the Russian language — the key to understanding all of its specifics at every level. In *Discourse in the Society of Russian philology society*. Moscow: OLRS. URL: www.lgg.ru/~slovo/Virtual_Sbornik.html (accessed: 09.10.2018). (In Russ.).
17. Dremov, A.F. (2001). Systems theory of the case and preposition in the practice of teaching Russian as a foreign language. Moscow: *World of the Russian word*. Vol. 1—4. (In Russ.).
18. Rutkovsky, L.V. (1888). Basic types of conclusions. Saint Petersburg: Tipo-Lithography of A.E. Landau. (In Russ.).
19. Boyko, V.K. (2008). Investigation and classification by L.V. Rutkovsky of the main types of inference. *Logical and Philosophical Studies*, 5, sel. articles, Ya.A. Slinin & E.N. Lisanyuk (Eds.). Saint-Petersburg: Saint-Petersburg: University. pp. 39—49. (In Russ.).
20. Rubakin, N.A. (1977). *The Psychology of the Reader and the Book: A Brief Introduction to Bibliological Psychology*. Moscow: Kniga. (In Russ.).
21. Melnikov, G.P. (2000). *Systemic typology of languages (synthesis of morphological classification of languages with stadial): Textbook*. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia. (In Russ.).
22. Jakobson, R. (1990). Shifters and Verbal Categories and The Russian Verb, L.R. Waugh & M. Monville-Burston (Eds.). pp. 386—392.
23. Bondarko, A.V. (1999). Taxis. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, p. 504. (In Russ.).
24. Khrakovsky, V.S. (2009). Taxis: semantics, syntax, typology. In *Typology of taxis constructions*, V.S. Khrakovsky (Ed.). Moscow: Znak publ. (In Russ.).
25. Gzgzyan, D.M. (1989). The function of the preposition in the composition of the semantic structure of the statement [abstract of dissertation]. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia. (In Russ.).
26. Aksakov, K.S. (1855). *About Russian verbs*. Moscow: Printing house of L. Stepanova. (In Russ.).
27. Nekrasov, N.P. (1865). *On the Meaning of the Forms of the Russian Verb*. Saint-Petersburg: Paulson's Printing House and Lithography. (In Russ.).
28. Dremov, A.F. (2001b). The meaning of the morpheme of the instrumental case and the meanings of the word forms of the instrumental case. *Philology at MGIMO*. sel. articles. E.G. Belyavskaya et al. (Eds.). no. 7 (22). Moscow: MGIMO. pp. 33—46. (In Russ.).
29. Dremov, A.F. (2006). The concept of the internal and external forms of the language system in the practice of teaching Russian as a foreign language. In *Proceedings of the annual conference of the Society of Slavic Studies of Korea*, sel. reports. Seoul: Gyeonggi University. pp. 319—340. (In Russ.).
30. Melnikov, G.P. (2003). Systemic typology of languages: Principles, methods, models, L.G. Zubkova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
31. Popov, A.V. (1881). *Syntax Studies. Nominative, vocative and accusative in connection with the history of the development of pseudo values and impersonal turns in Sanctuary, Sehnde, Greek, Latin, German, Lithuanian, Latvian and Slavic dialects* In *Special reprint from “Philological notes”*. Voronezh. (In Russ.).
32. Dremov, A.F. (1992). Linguistic model as the basis of the comparative description of languages In *Language contact issues and comparative language learning*, sel. articles, G.S. Romanova & G.G. Tyapko (Eds.). Moscow: MGIMO University. pp. 43—50. (In Russ.).

33. Vsevolodova, M.V. & Vladimirsky, E.Yu. (1982). Methods of expressing spatial relations in the modern Russian language. Moscow: Nauka. (In Russ.).
34. Fromm, E. (1990). To have or to be? (transl. from English), Dobren'kov (Ed.). 2nd ed. Moscow: Progress. (In Russ.).

Для цитирования:

Дремов А.Ф. Понятия простейшего и простого предложения в парадигме системной теории падежа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 43—62. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-43-62.

For citation:

Dremov, A.F. (2019). The concepts of the simplest and simple sentences in the paradigm of systemic theory of case. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 43—62. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-43-62.

Сведения об авторе:

Дремов Алексей Фёдорович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО (У) МИД России; *научные интересы*: философские аспекты языкознания, системная лингвистика, грамматика современного русского литературного языка; *e-mail*: afdream@bk.ru.

Information about the author:

Alexey F. Dremov, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Department, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs Russian Federation; *research interests*: philosophical aspects of linguistics, system linguistics, grammar of modern Russian literary language; *e-mail*: afdream@bk.ru.

УДК: 811.161.1:005
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-63-74

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ДЕТЕРМИНАНТНОГО АНАЛИЗА

О.И. Валентинова, М.А. Рыбаков

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Анализируя характер соотношения детерминанты языка определенного грамматического типа и наблюдаемых на всех уровнях языковой структуры явлений, авторы статьи обсуждают с позиций системной лингвистики такие характерные для современной массовой русской речи факты, которые традиционно рассматриваются с нормативно-дидактической точки зрения: нарушение падежного согласования, использование именительного падежа вместо косвенных, появление множественного числа у абстрактных существительных вне случаев формирования конкретных переносных значений, неразличение залогов, отсутствие соотнесенности субъекта деепричастного оборота с субъектом сказуемого, использование порядка слов, не соответствующего коммуникативной (темо-рематической) структуре высказывания, ошибочное употребление синонимов и др.

Разработанный в рамках системной типологии метод детерминантного анализа языков позволил исследователям выявить уверенно закрепляющуюся в современной русской речи тенденцию к разрушению флективных связей между словами на формальном и содержательном уровнях, к росту аналитических способов построения высказывания, к развитию изоляции. Деформация флективности русского языка, вызванная ростом социальной и культурной неоднородности языкового коллектива, при сохранении таких параметров внешней детерминанты, определяющей именно флективный грамматический тип, как размер языкового коллектива и режим общения, не только затрудняет выражение сложных смыслов, но и делает их в конечном счете невостребованными в обществе, резко снижая преемственность при передаче социально значимого опыта.

В центре внимания авторов находятся такие проблемы, как взаимодействие внешней и внутренней детерминант современного русского языка, степень соответствия типологического эталона флективных языков и характеристик грамматической системы русского языка, факторы изменения частотности грамматических форм, соответствие принятой литературной нормы типологическому идеалу, соответствие массовой речевой практики литературной норме. Теоретической основой статьи стала разработанная во второй половине XX века, но до сих пор не получившая широкой известности в языкознании системная теория профессора Геннадия Прокопьевича Мельникова, раскрывшая широкие возможности для синтеза частных языковедческих дисциплин и синтеза лингвистики, семиотики и информатики.

Ключевые слова: аналитизм, детерминантный анализ, системная типология языков, типологическая динамика, русский язык, флективность

ВВЕДЕНИЕ

В системной лингвистике язык рассматривается как адаптивная система, то есть система, самонастраивающаяся в зависимости от внешних условий, для оптимального выполнения своей главной функции — функции общения. Разрабатывая системологические основы лингвистики, профессор Г.П. Мельников писал: «Как всякая самонастраивающаяся система, язык имеет многоярусную иерархиче-

скую структуру, включающую внутриярусные, межъярусные и различные перекрестные связи» [1. С. 36]. Специфической характеристикой адаптивных систем служит «главный способ функционирования, в рамках которого в процессе адаптации происходит отбор вариантов, структуры, обеспечивающей выполнение главной функции, и отбор вариантов субстанции, наиболее подходящей для воплощения конкретного структурного образования» [1. С. 36]. Этот главный способ функционирования языковой системы в теории Г.П. Мельникова характеризуется как детерминанта языка, а поиск связей между частными признаками языковой структуры и субстанции с этим главным способом функционирования — детерминантным анализом.

Адаптация при этом понимается как процесс усиления специфических, то есть определенных «сильных» свойств системы, содействующий усилению специфических свойств надсистемы. Для языка надсистемой является коммуникация в некотором коллективе говорящих, и поэтому адаптация языка заключается в его настройке на максимально возможную эффективность выполнения коммуникативной функции в этом конкретном коллективе и в определенных условиях общения.

Таким образом, адаптивными можно признать те изменения языковой системы, которые укрепляют функциональность языковых подсистем и тем самым поддерживают детерминанту языка, и, как следствие, обеспечивают максимальную функциональность системы в отношении надсистемы.

Флективные, синтетические славянские языки, среди которых наивысшего уровня флективности достигли восточнославянские языки, на протяжении всей истории своего существования, вплоть до недавнего времени, обнаруживали крайнюю степень типологической устойчивости [2].

Сложная синтетическая флективная грамматика, подразумевающая морфологически значимое изменение звукового вида корневых и аффиксальных морфем [3], вырабатывалась в однородных оседлых мегаколлективах, чтобы уберечь многозвенный канал связи, когда невозможна передача сообщения от каждого к каждому или от одного ко всем, от грубого искажения информации [4—7].

В настоящее же время в речевых произведениях всех функциональных стилей русского языка (и других славянских языков [8]) наблюдается разрушение флективности, которое проявляется в нарушении падежного согласования, в использовании конструкций с несколькими родительными, в которых не ясны семантические значения, в появлении множественного числа у абстрактных существительных, в неразличении залогов, в отсутствии соотнесенности субъекта деепричастного оборота с субъектом сказуемого, в массивном использовании согласованных определений.

Чтобы оценить последствия происходящих изменений, необходимо иметь представление не только о внешних факторах, обусловивших формирование именно флективного грамматического строя (размере языкового коллектива, степени его однородности, образе жизни, режиме общения), но и о внутренней форме флективных языков, которая конкретизируется через особенности коммуникативного ракурса изображения сюжета в типичных высказываниях на языке соответствующего типа.

1. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА С ПОЗИЦИЙ ДЕТЕРМИНАНТНОГО АНАЛИЗА

Массовое нарушение падежного согласования, приводящее к ослаблению функции падежа, разрушает развиваемую флективным языком предсказательную технику, помогающую слушающему из уже услышанного хотя бы частично догадаться о том, что следует далее. В результате оказываются не востребуемыми выработанные флективным языком способы вписывания передаваемого содержания в сюжет развивающегося события — главное следствие развития предсказательной техники в передаче информации во флективных языках: «*для отпора врага*» (из монографии), «*о разработке единых требований*» (из служебной записки), «*считаем необходимым публиковать на сайтах вузов незаконных обращений должностных лиц государственных органов и организаций по поводу приема и обучения*» (из решения собрания общественной организации университетов), «*При этом оценка поведения выглядит делом крайне субъективной*» (сообщение новостного сайта) и т.п.

Если «изображение» развивающегося события обеспечивается строгим формальным противопоставлением знаков, обозначающих первоначок события (глагол), автора первоначка (именительный падеж имени), участника события, прямо испытавшего на себе первоначок (винительный падеж прямого объекта), других участников события (имена в косвенных падежах) и так далее, а падеж представляет собой свернутое простейшее предложение и становится по сути средством сжатия первообразного текста и одновременно формальным выражением смысловой связности этого текста [9; 10; 11. С. 121—214; 12; 13], то ослабление функции падежа, разрушающее строгое формальное противопоставление знаков, делает неочевидной причинно-следственную связь всех этапов события и потому лишает слушающего возможности прогнозировать характер дальнейшей информации о событии и проверять свой прогноз.

Причинно-следственная связь всех этапов развития события затемняется и использованием конструкций с несколькими родительными, в которых не ясны семантические отношения: «*об утверждении плана мероприятий концепции целевой программы*», «*Федерация психологов образования России*» «*организовать контроль за посещаемостью сотрудников занятий*» и т.п.

О типологической деформации, переживаемой сегодня русским языком, свидетельствует появление множественного числа у абстрактных существительных: *активности, взаимодействия, идентичности, коммуникации, озабоченности*. Так на флективный языковой материал переносится типичная для аналитических языков лексическая многозначность — многие слова в изолирующих, предельно аналитических языках имеют одновременно конкретное и абстрактное значение, а значит, при желании говорящего могут получать для конкретного значения форму множественного числа. В результате утрачивается абстрагирующая сила слова, а его значение конкретизируется через его соотнесение с отдельными актами некоторого общего явления или с совокупностью таких отдельных актов. Такое употребление форм числа имеет место даже в тех случаях, когда по смыслу

важна не множественность, а распределенная конкретная единичность: «*благодарен коллегам, вклады которых отмечены в соответствующих местах и комментария*» (из предисловия к научному изданию).

Деформацией является также стандартизация флексии существительных именительного падежа множественного числа: вопреки литературной норме и исторической приоритетности варианта **-ы** вместо формальных вариантов **-ы/-а** в массовой речи последних лет, в том числе письменной, все шире распространяется флексия **-а**: *площадь, очередь, шлема, крема, договора*. Утрата в массовом и профессиональном сознании возможности смысловозначения расчлененного и нерасчлененного множества, которое [смысловозначение] определялось выбором флексии **-ы** или **-а** (*профессоры, доктора* — расчлененное множество, *профессора, доктора* — нерасчлененное множество) привела к закреплению стилистического восприятия вариантов: *секретари* — *секретаря, шоферы* — *шофера*. В наблюдаемой сегодня ситуации редуцируется и стилистическое противопоставление: дифференциация и смысловых, и стилистических оттенков становится невосребованной в жизни языкового коллектива.

Отсутствие кореференции субъекта деепричастного оборота с подлежащим (например: *Набрав высоту, связь с вертолетом прекратилась*) — не менее характерная для современного массового употребления грамматическая черта, подрывающая основы флективности.

Необходимо, однако, отметить, что интерпретация отсутствия соотносительности субъекта деепричастного оборота с подлежащим как результат типологического воздействия на русский язык английского должна ограничиваться текущими изменениями русского языка.

Конструкции типа «*идучи я в школу, встретился со мной приятель*», на неправильность которых обращал внимание еще М.В. Ломоносов, в исторически предшествующие эпохи считались рефлексом русско-французского билингвизма российской дворянской культуры и потому долгое время понимались как галлицизмы.

Но эти же конструкции существовали и в самом русском языке, как доказал Ф. Миклошич [15] и подтвердили А.А. Потебня [16], Д.Н. Овсянко-Куликовский [17], А.М. Пешковский [18], задолго до того, как русский язык подвергся «чужеземным влияниям». А значит, при оценке характера типологических изменений требование историзма оказывается обязательным.

П.М. Бицилли [19] отмечал частое употребление этих оборотов у А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова — «авторов времени, когда классический язык уже оформился»: *Въехавши на пригорок.., вдруг предстали пред нами две горы* (Грибоедов, Письмо к Бегичеву), *Читая Шекспира и библию, св. дух иногда мне по сердцу...* (Пушкин, Письмо к Вяземскому), *Приехав в Семипалатинск, встретили меня хлопоты по устройству квартиры* (Достоевский, Письмо к Врангелю) и т.п.

Типологическая интерпретация П.М. Бицилли встречающихся у классиков оборотов с отсутствием кореференции субъекта деепричастного оборота с подлежащим носила иной характер. П.М. Бицилли полагал, с чем нельзя не согласиться,

что в данном случае речь идет о крайнем проявлении синтетичности языка, под которой ученый понимал «тяготение к созданию фраз, являющихся по своей внутренней форме каждая — *одним* словом»: «Их „неправильность“ означает их неразложимость. Они лучше, точнее выражают то, что находится в сознании говорящего, чем «правильные», каких требовал Ломоносов. Для него, говорящего, сам, идущий по улице, его движение по улице, его встреча с приятелем, приятель — все это лишь отдельные стороны одного и того же, целостного, предмета восприятия, один *образ*; а значит, указание на него, выраженное в форме, не поддающейся разложению, в действительности является наиболее удачным образом — *символом*, воспринимаемым скорее как одно слово чем как предложение. А тот факт, что слушатель, или читатель, *принимает* сказанное ему так, как этого хочет говорящий, свидетельствует, что и в *его сознании* высказанное подобным способом создается таким же, каким оно было в сознании говорящего» [19. С. 294]. Такие синтаксические структуры, которые в условиях более благополучной социально-культурной ситуации можно было бы назвать реликтами полисинтетизма (инкорпорации), в настоящее время воспринимаются как слепки с английских конструкций.

Однако массовое активное использование английских структурных, равно как и лексических, заимствований не является следствием свободного полифункционального владения английским языком. Скорее наоборот. Коммуникативный ракурс подобных высказываний становится окказиональным, а значит, для установления достоверного значения требуется расширение контекста, иногда очень существенное. Передача сложных смыслов в сложившей коммуникативной обстановке либо крайне затрудняется, либо просто остается невостребованной. Однако «русисты успешно не замечают подвижек в русской грамматике, но продолжают живо обсуждать нормативность отдельных словоупотреблений» [20. С. 311].

Расширение границ употребления деепричастных оборотов приводит к вытеснению характерных именно для флективных языков сложноподчиненных предложений и, как следствие, к росту аналитизма. Если для деепричастного оборота характерно примыкание к остальной части высказывания, семантически более независимое положение, то для сложноподчиненного предложения — более четкое указание на характер логических связей между двумя предикатами и их ясно выраженная иерархия. Свободная же кореференция деепричастного оборота отражает настрой на окказиональную семантизацию грамматической конструкции, выражает не связь событий, а их некоторую соположенность в пространстве и времени.

Такие изменения в массовой русской речи вызваны изменением условий коммуникации: в первую очередь — ростом неоднородности языкового сообщества и, следовательно, ростом количества сюжетов, требующих различных фоновых знаний и соответственно окказиональной внутренней формы.

Неразличение залогов — еще одно характерное грамматическое явление нашего времени:

Школа выражает благодарность за участие в профессионально-ориентированном мероприятии вместо *Школа выражает благодарность за участие в про-*

фессионально-ориентирующем мероприятии, поскольку мероприятие ориентирует школьников в выборе профессии, само же мероприятие в ориентации не нуждается;

Несмотря на это, женщина смогла проникнуть на запрещающую территорию вместо *Несмотря на это женщина смогла проникнуть на запретную территорию*, ведь территория запрещать ничего не может, а значит, территория не может согласовываться с причастием действительного залога.

Ошибки в употреблении залогов связаны не с содержанием категории, которая широко распространена как в синтетических (например, последовательно выражена в латинском языке при помощи отдельной системы флексий), так и в аналитических языках (например, в английском), а с десемантизацией залоговых показателей. Торопливая, поверхностная и автоматизированная речь не оставляет говорящему времени на точное употребление морфологических показателей. Смысл приблизительно соотносится с ситуацией в целом, употребление аффиксов еще по привычке ощущается как необходимое, но смысл этих аффиксов уже представляется говорящему смутно.

Согласованное определение уверенно вытесняет использование косвенных падежей существительных в атрибутивной функции, однако не возмещает выражаемые ими семантические отношения [21. С. 269]: *академическое руководство* вместо *руководство Академии наук*, *академический храм* вместо *храм при Духовной академии*, *семинарский храм* вместо *храм при семинарии*, *дипломатический маэстро* вместо *маэстро в области дипломатии* (о Виталии Чуркине — представителе РФ в ООН), *лингвистический конфликт* вместо *конфликт между носителями разных языков* (речь идет о конфликте между носителями французского и фламандского языков в Бельгии, а не о конфликте, разразившемся в науке о языке).

Сдвиг определения в левую позицию (в терминах генеративного синтаксиса), калькирующий английский (левоветвящийся) синтаксис, оказывается нарушением типичного для русского языка порядка слов.

Эта тенденция охватывает целые определительные обороты, делая высказывания маловразумительными: *Водитель сбившей машину с детьми «Газели» мог уснуть за рулем* (сообщение новостного сайта).

Размыкание именной группы *водитель ... «Газели»* способствует еще большему обесмысливанию фразы. Общей тенденции отвечало бы и появление в этом высказывании *газельного водителя* и *детской машины*, которые бы сделали его еще более компактным и еще менее русским.

Замена родительного падежа определением-прилагательным в таких случаях в прилагательное несуществующий смысл и деформирует его лексическое значение.

В сложившейся ситуации массовое использование согласованного определения нельзя интерпретировать как проявление флективности, поскольку речь идет о том, что согласованное определение начинает подменять собой выработанные языком возможности выражения тонких оттенков обстоятельственно осложненных атрибутивных отношений, выражаемых беспредложными и предложными формами

косвенных падежей имен существительных, а значит, затрудняя или делая невозможным выражение тонко дифференцированных смыслов даже при существенном расширении контекста, согласование определяющего слова с определяемым в роде, падеже и числе, вопреки ожиданиям, не повышает надежности передачи информации в сложных коммуникативных условиях.

Семантически не аргументированное настойчивое употребление согласованных определений и известная тенденция ставить согласованное определение перед определяемым словом приведут в конечном счете к возможности не использовать морфемные показатели для выражения атрибутивной роли уточняющего слова, а значит, к утрате согласования определения с определяемым и к использованию существительного вместо согласованного определения: *академия руководство, дипломатия маэстро, лингвистика конфликт*. Причем атрибутивные цепи будут уподобляться сложным словам и в них станет возможным включать основы причастий, что повлечет за собой неиспользование придаточных предложений. А в условиях мегаколлектива, ведущего оседлый образ жизни, а значит, при необходимости сохранения многозвенной цепи в передаче информации, утрата в массовом сознании носителей русского языка не только способности различения оттенков семантических значений, но и потребности в этом различении, приведет к еще более глубокой деинтеллектуализации российского общества.

2. ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Естественно сложившаяся языковая система, поддерживаемая определенными условиями коммуникации (внешней детерминантой), должна регулярно воспроизводиться. Воспроизводясь в речи членов языкового коллектива, она проявляет свою устойчивость, жизнеспособность и развитие.

Разнородность российского общества, которая могла бы вызвать тенденцию к максимальному анализирующему, еще не столь высока, чтобы провоцировать такие типологические перестройки, которые наблюдаются в русском языке уже сейчас.

Более того, важны, очевидно, не только количественные показатели разнородности, но и качественные — разнородность языкового коллектива, способствующая утрате флективности, может иметь и качественные характеристики: смешением каких именно слоев общества, с какими конкретными коммуникативными запросами эта разнородность образуется.

Если система (точнее, детерминирующие черты грамматического строя) перестает воспроизводиться носителями языка в силу масштабного, охватившего все сферы общественной деятельности глубокого падения речевой культуры и деградации образования, смены ценностных ориентиров (в направлении их снижения), в общественном сознании в конечном счете будет утрачена не только воля, но и способность использовать смысловыразительный потенциал, предоставляемый флективной системой.

В результате падения культурного уровня критической массы участников коммуникации наблюдаемые перестройки работают не на повышение уровня понимания сообщений в новых условиях, а на снижение возможности передачи

сложных и тонких смыслов в массовом сознании. То, что давало возможность смыслоразличения (например: *она была любима* — только в прошлом, но не в настоящем; *она была любимой* — в прошлом, а о настоящем здесь ничего не сказано), воспринимается как обременение. В сложившейся ситуации система не совершенствуется, а ломается носителями языка, адаптируется к пониженному уровню функциональности.

Можно услышать возражение: упрощение, которое дает утрата флективности и развитие изоляции, соответствует ускоренному темпу жизни и необходимости воспринимать потоки информации. Усилился ли информационный поток? Очевидно, усилился. Но количество воспринимаемой информации не свидетельствует о высоком качестве ее переработки и осмысления. Закон перехода количества в качество оборачивается в данном случае деградацией качественной стороны общения. Пренебрежение флективностью в сложившихся обстоятельствах кажется эффективным лишь при воспроизводстве известного алгоритма предметных смыслов.

Несоответствие типологических изменений во многом сохраняющейся внешней детерминанте грозит обернуться цивилизационной катастрофой: потомки не смогут воспринимать опыт предков. Язык сможет передавать простейшие текущие смыслы, но станет малопригодным средством трансляции культурного опыта. Окациональность внутренней формы знаков всегда ограничивает понятность этих знаков в пространстве и времени.

Конечно, проблемы разграничения сбоев в функционировании языковой системы и ошибок в речевой практике говорящих, функционально необходимых изменений системы в случае смены внешней детерминанты и флуктуаций в процессе речевой деятельности коллектива коммуникантов требуют более широкого и более детального исследования. И все же уже понятно, что происходящие в русском языке изменения сложно назвать адаптацией, поскольку анализируемые явления не снимают противоречия между утилитарностью и существенностью функциональных свойств объекта [22. С. 89].

На сегодняшний день крайне важна сама постановка проблемы описания и объяснения массовых речевых практик не только с точки зрения нормативной стилистики и культуры речи, но в первую очередь с позиций теоретической грамматики и типологической динамики языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если структуры отношений и связей между знаками перестают быть социально унифицированными, в языковом коллективе утрачивается возможность воспроизводить и опознавать знаки речевого потока и ассоциировать их с определенными компонентами внеязыкового мыслительного содержания. Внешнее сохранение флексии и грамматического согласования при нарушении функции прогноза в обозначении причинно-следственных связей развивающегося события не свидетельствует о флективности и потому статистические методы определения степени флективности дадут ложный результат.

Массовый характер происходящих изменений подвергает опасности типологическую сохранность русского языка как языка флективного. Флективность же может представляться избыточной лишь до тех пор, пока мы уверены в очевидности нами излагаемого, но как только мы оказываемся в роли адресата, а воспринимаемые смыслы усложняются и становятся по той или иной причине жизненно необходимыми, флективность будет востребованной. Флективность в русском языке, при сохраняющейся многозвенной цепи передачи информации в мегаколлективе, все еще остается частью культуры как способа выживания, а значит, и необходимым условием национальной безопасности.

Сохранение русского языка как языка высокофлективного имеет и общечеловеческое значение. Из субстанциональных признаков нации язык оказывается самым устойчивым признаком и вместе с литературой составляет самый значимый компонент национальной культуры. История человечества знает очень немного явлений чистой, возвысившей над временем и пространством вечной культуры, среди которых — русская литература. Русская культура вошла в мировую культуру именно своей литературой. Утрата русского языка как языка флективного, сохраняющего в себе память об индоевропейских истоках и дающего ключ к русской литературе, — потеря планетарного масштаба. Разрушение флективности неизбежно приведет к утрате в российском общественном и индивидуальных сознаниях внутренней потребности в воспроизводстве русской литературы, а литература воспроизводится только при чтении, при сотворчестве читателя и писателя.

© Валентинова О.И., Рыбаков М.А.
Дата поступления: 08.10.2018
Дата приема в печать: 26.11.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мельников Г.П. Язык как система и языковые универсалии // Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. С. 34—45.
2. Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Типологическая динамика языка как результат изменения ментальности его носителей // Язык и ментальность в диахронии. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 58—70.
3. Humboldt W von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin: Druckerei der Königlichen Akademie der Wissenschaften 1836.
4. Мельников Г.П. Системная типология языков: Синтез морфологической классификации языков со стадийной. М.: РУДН, 2000.
5. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
6. Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Сов. Радио, 1978.
7. Mel'nikov G.P. Systemology and linguistic aspects of cybernetics. Amsterdam, 1988.
8. Danylenko A. The correlation of linguistic patterning and societal structures in systemic typology // *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 135 (2018). P. 81—96.
9. Mieczkowska H. Formy zaniku fleksyjności w deklinacji słowackiej w konfrontacji z polszczyzną // *Procesy innowacyjne w językach słowiańskich*. Warszawa, 2003. P. 127—138.
10. Мельников Г.П., Дремов А.Ф. Уровни связности текста, актуальная предикация и падеж с позиций системной лингвистики // Синтаксис и стилистика. М.: УДН, 1984. С. 49—70.

11. *Дремов А.Ф.* Системная теория падежа и предлога в практике преподавания русского языка как иностранного. М.: Мир русского слова. 2001.
12. *Дремов А.Ф.* Простое предложение и его значение // *Языковая Системология*. М.: РУДН, 2013. С. 56—64.
13. *Рыбаков М.А.* Развитие представлений о типологическом сходстве языков: от многомерной классификации Э. Сепира до системной типологии Г.П. Мельникова // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСР. 2016. С. 17—136.
14. *Гзззян Д.М.* Функция предлога в составе семантической структуры высказывания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989.
15. *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen: Bd. Syntax. Wien: W. Braumüller, 1868—1874.
16. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Харьков: Д.Н. Полуехтов, 1888. Т. I.
17. *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. СПб.: Издание Д.Е. Жуковского, 1902.
18. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянских культур, 2001.
19. *Бицилли П.М.* Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 249—340.
20. *Преображенский С.Ю.* Системный анализ стиха // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСК. 2016. С. 303—376.
21. *Валентинова О.И.* Системный подход к исследованию текста и стиля // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСК. 2016. С. 171—302.

УДК: 811.161.1:005

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-63-74

ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN IN THE LIGHT OF DETERMINANTAL ANALYSIS

Olga I. Valentinova, Mikhail A. Rybakov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The authors of the article discuss the possible ways to analyze the facts of mass modern Russian speech, which are traditionally considered from a normative-didactic point of view, from the standpoint of systemic linguistics, that is, applying analysis of the relationship between the determinants of a language of a certain morphological type and particular phenomena at all levels of linguistic structure. Such facts include, for example, violation of case coordination, use of nominative case instead of indirect, occurrence of the plural in abstract nouns outside the formation of concrete figurative meanings, incorrect usage of verb voice forms, lack of correlation between subject and verbal participle, lack of correlation of word-order structure of a sentence to the communicative (thematic-rhematic) structure of an utterance, the misuse of synonyms, etc. The method of determinant analysis of languages developed within the framework of a systemic typology allow researchers to identify the tendency to break down inflectional connections between words at a formal and substantive level, which is surely fixed in modern Russian, and increase the analytical methods of constructing a phrase.

The deformation of the inflection of the Russian language, caused by the growth of the national, social and cultural heterogeneity of the linguistic group, while retaining such parameters of the external

determinant that determine the inflectional grammatical type, like the scale of the linguistic collective and the mode of communication, not only makes it difficult to express complex meanings, but also makes them ultimately account unclaimed in society, reducing the continuity in the transfer of socially significant experience.

The authors focus on such problems as comparing the typological standard of inflectional languages and characteristics of the grammatical system of the Russian language, the correspondence of the accepted literary norm to the typological ideal, the correspondence of mass speech practice with the literary norm, the factors changing the frequency of grammatical forms, the interaction of external and internal determinants of the modern Russian language.

The theoretical basis of the article was developed in the second half of the 20th century, but still not widely known in linguistics the systemic linguistic concept of Professor Gennady Prokop'evich Mel'nikov, which revealed large prospective for the synthesis of special linguistic disciplines, as well as linguistics, semiotics and computer science.

Key words: analyticism, deterministic analysis, system typology of languages, typological dynamics, Russian language, inflectivity

REFERENCES

1. Mel'nikov, G.P. (1969). Language as a system and language universals In *Language universals and linguistic typology*. Moscow: Nauka. pp. 34—45. (In Russ.).
2. Valentinova, O.I., Rybakov, M.A. (2017). Typological dynamics of a language as a result of a change in the mentality of its carriers In *Language and mentality in diachrony*. Vladimir: Transit-X. pp. 58—70. (In Russ.).
3. Humboldt, W von. (1836). On the Diversity of Human Language Construction and its Influence on the Spiritual Development of the Human Gender. Berlin: Printing House of the Royal Academy of Sciences. (In Germ.).
4. Mel'nikov, G.P. (2000). Systemic typology of languages: Synthesis of morphological classification of languages with stadial. Moscow: RUDN University. (In Russ.).
5. Mel'nikov, G.P. (2003). System typology of languages: Principles, methods, models, L.G. Zubkova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
6. Mel'nikov, G.P. (1978). Systematology and language aspects of cybernetics. Moscow: Soviet Radio. (In Russ.).
7. Mel'nikov, G.P. (1988). Systemology and linguistic aspects of cybernetics. Amsterdam.
8. Danylenko, A. (2018). The correlation of linguistic patterning and societal structures in systemic typology, *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 135, 81—96.
9. Mieczkowska, H. (2003). Forms of the disappearance of inflexibility in the Slovak declension in confrontation with Polish In *Innovative processes in Slavic languages*. Warsaw. pp. 127—138. (In Pol.).
10. Mel'nikov, G.P. & Dremov, A.F. (1984). Levels of connectivity of the text, actual predication and case from the standpoint of system linguistics In *Syntax and style*. Moscow: RUDN University. pp. 49—70. (In Russ.).
11. Dremov, A.F. (2001). Systemic theory of case and preposition in the practice of teaching Russian as a foreign language. Moscow: World of Russian words. (In Russ.).
12. Dremov, A.F. (2013). Simple sentence and its meaning In *Language Systemology*. Moscow: RUDN University. pp. 56—64. (In Russ.).
13. Rybakov, M.A. (2016). The development of ideas about the typological similarity of languages: from the multidimensional classification of E. Sapir to system typology Melnikova In: O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhenskiy, M.A. Rybakov *System view as the basis of philological thought*. Moscow: YASR. pp. 17—136. (In Russ.).
14. Gzgzyn, D.M. (1989). The function of the preposition in the composition of the semantic structure of the statement [abstract of dissertation]. Moscow: RUDN University. (In Russ.).

15. Miklosich, F. (1868—1874). *Comparative grammar of Slavic languages: Bd. Syntax*. Vienna: W. Braumüller. (In Germ.).
16. Potebnya, A.A. (1888). *From notes on Russian grammar*. Kharkov: D.N. Poluehtov. Т. I. (In Russ.).
17. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1902). *The syntax of the Russian language*. St-Petersbourg: Edition of D.E. Zhukovskiy. (In Russ.).
18. Peshkovskiy, A.M. (2001). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russ.).
19. Bitsilli, P.M. (1996). *Notes on some features of the development of the Russian literary language*. *Bitsilli, P.M. Selected works on philology*. Moscow: Heritage. pp. 249—340. (In Russ.).
20. Preobrazhenskij, S.Yu. (2016). *Systemic analysis of the verse* In: O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhenskij, M.A. Rybakov *Systemic view as the basis of philological thought*. Moscow: YASK. pp. 303—376. (In Russ.).
21. Valentinova, O.I. (2016). *Systemic approach to the study of text and style*. In: O.I. Valentinova, V.N. Denisenko, S.Yu. Preobrazhenskij, M.A. Rybakov *System view as the basis of philological thought*. Moscow: YASK. pp. 171—302. (In Russ.).

Для цитирования:

Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Активные процессы в современном русском языке в свете детерминантного анализа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2019. Т. 10. № 1. С. 63—74. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-63-74.

For citation:

Valentinova, O.I. & Rybakov, M.A. (2019). *Active processes in modern Russian in the light of determinantal analysis*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 63—74. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-63-74.

Сведения об авторах:

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: теория и история поэтического языка, история русского литературного языка, филологическая герменевтика, системная типология языков; *e-mail*: ovalentinova@yandex.ru

Рыбаков Михаил Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы*: сравнительно-типологическое языкознание, системная типология языков, сопоставительная семантика, общая морфология; *e-mail*: rybakov_ma@pfur.ru

Information about the authors:

Olga I. Valentinova, Doctor of Science, Professor of Chair of General and Russian linguistics, Faculty of Philology, RUDN University; *research interests*: theory and history of poetic language, history of Russian literary language, philological hermeneutics, system typology of languages; *e-mail*: ovalentinova@yandex.ru

Mikhail A. Rybakov, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Chair of General and Russian linguistics, Faculty of Philology, RUDN University; *research interests*: comparative typological linguistics, systemic typology of languages, comparative semantics, general morphology; *e-mail*: rybakov_ma@pfur.ru

УДК: 81:003

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-75-84

СЕМИОТИЧЕСКАЯ «МАТРЕШКА»: КОДИРОВАНИЕ В ГЕТЕРОГЕННЫХ ЭКРАННЫХ ТЕКСТАХ (на примере кинотекста «Король говорит!» и видеотекста «Ты один ты такой»)

Ю.А. Евграфова

Московский государственный областной университет
ул. Радио 10А, Москва, Россия, 105005

Объем и качество циркулирующей в современном мире информации возрастает, и для ее обработки, фиксации и передачи необходимы более емкие средства, требующие наименьших усилий при декодировке и восприятии. Это приводит к тому, что семиотически сложный, гетерогенный текст становится доминирующим в современном информационном обществе. Данная статья посвящена анализу кодирования информации в гетерогенном тексте, средством передачи которого является экран. В ходе исследования предлагается классификация кодов, основанная на синтезе информационного и семиотического подходов. С целью демонстрации особенностей кодирования в семиотически сложных (гетерогенных) текстах на примере кинотекста «Король говорит!», а также видеотекста «Ты один ты такой» описываются коды, используемые при порождении аудиовизуального сообщения, раскрывается прием семиотической «матрешки», применение которого приводит к возникновению семиотической ситуации симулякривности, основная цель которой заставить зрителя поверить в происходящее на экране. Анализ производится в статике экранного пространства гетерогенных текстов, т.е. на уровне стоп-кадра; динамическое развертывание текста в данном исследовании не учитывается. Данная статья рассчитана на студентов, аспирантов, преподавателей, филологов, а также всех, кто интересуется общей и лингвистической семиотикой.

Ключевые слова: гетерогенный текст, экранный текст, код, кодирование, семиотика, кинотекст, декодирование, статика экрана

ВВЕДЕНИЕ

В лингвосемиотике понятие текста трактуется достаточно широко. Одним из видов текста, который можно рассматривать с позиций лингвосемиотики, является кинотекст. Кинотекст, будучи гетерогенным экранным текстом, многослоен, а его компоненты представляют собой материальную структуру, систему отношений, заданную определенным кодом или кодами.

В теории информации понятию «код» дается следующее определение: «совокупность правил отображения элементов одного набора на элементы второго набора. Элементами могут быть знаки или цепочка знаков. Первый набор называется кодовым набором, а второй — набором элементов кода. Код данных — система, образуемая кодовым набором и правилами, по которым из элементов этого кодового набора строят данные при кодировании» [1. С. 53].

Исследователи-лингвисты предлагают свои интерпретации понятия «код» применительно к языку, так, Р.О. Якобсон, адаптировав понятие «кода» из теории

информации, ввел его в модель коммуникации, понимая как эффективную и эргономичную систему различительных признаков, каждый из которых представляет бинарную оппозицию «наличия и отсутствия какой-либо характеристики» [2. С. 312].

Ю.М. Лотман определяет код как искусственную структуру, которая обусловлена «мгновенной договоренностью, в отличие от языка с его „естественным“ происхождением и более запутанным характером условности» [3. С. 289].

В.Н. Степанов также связывает код и информацию, указывая, что код, будучи системой знаков и правил их соединения для передачи сообщения по определенному каналу, имеет свойство управлять процессом познания реципиента, задавать направление этого процесса и в какой-то мере одновременно ограничивать его ход, определяя границы множества векторов [7].

По мнению Р. Барта, о наличии кода в тексте свидетельствуют лакуны и недосказанности, которые делают текст текучим и подверженным интерференции. В таком понимании код предстает не как реестр или парадигма, «которую следует реконструировать любой ценой», а как «перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; <...> порождаемые им единицы <...> сами суть не что иное, как текстовые выходы, отмеченные указателями, знаками <...>; все это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого же» [4. С. 45]. В соответствии с данной нетрадиционной лингво-семиотической трактовкой коды делятся ученым на герменевтический, семный (коннотативный), гномический (референциальный/культурный), символический и проайретический коды, регулирующие интерпретацию текста и его сюжетосложение [4].

Х. Кафтанджиев рассматривает код в аспекте рекламной коммуникации и трактует его как систему «правил, на базе которых функционирует рекламная коммуникация», эффективность которой напрямую зависит от следования данным правилам (кодам) [5. С. 32] и вычленяет 9 групп кодов:

- 1) код адресанта;
- 2) код адресата;
- 3) код канала;
- 4) код знаковых систем;
- 5) метакоды;
- 6) код сообщения;
- 7) код коммуникативного контекста;
- 8) шум (коррекционный на уровне формы и содержания);
- 9) код обратной связи [5].

Классификация, предложенная У. Эко, также основывается на понятии кода как регулятора коммуникации, имеющего разные виды артикуляции и уровни вычленения значимых единиц:

- 1) коды восприятия;
- 2) коды узнавания;
- 3) коды передачи;
- 4) коды тональные — коннотируют особые интонации знака (такие, как «сила», «напряжение» и так далее);

- 5) коды иконические;
- 6) коды иконографические;
- 7) коды вкуса;
- 8) коды риторические;
- 9) коды стилистические;
- 10) коды подсознательного / бессознательного [6].

В данной классификации, в отличие от классификации Х. Кафтанджиева, не учитываются коды получателя и отправителя, код шума, коммуникативного контекста и прочие коды, заимствованные из теории информации. Таким образом, согласно У. Эко, при восприятии и распознавании предметов экранного пространства гетерогенного текста интерпретатор придает смысл значимой конфигурации на основе кодов, которые можно разделить на несколько больших групп: психологические (восприятия, узнавания, бессознательного), коннотативные (риторические, стилистические и тональные, вкуса), а также визуальные (иконический, иконографический) и код передачи.

В.Н. Степанов обобщил семиотическую классификацию кодов У. Эко и классификацию Х. Кафтанджиева, основанную на теории информации, и выделил следующие группы кодов применительно к статичному рекламному тексту:

- Группа 1: коммуникативные коды
- Группа 2: визуальные коды
- Группа 3: культурные коды
- Группа 4: идеологические коды
- Группа 5: риторические коды
- Группа 6: текстовые коды
- Группа 7: музыкальные коды [7].

2. СЕМИОТИЧЕСКАЯ «МАТРЁШКА» КОДИРОВАНИЯ

2.1. Описание методов исследования и материала исследования

Для внутренней организации и регулирования процесса исследования и преобразования полученных результатов использовались следующие методы: философско-общелогические, общенаучные и дисциплинарные. К философско-общелогическим методам и приемам, используемым в данной работе, относятся: абдукция, абсолютизация, абстрагирование, идеализация, анализ, синтез, аргументация, эмпирическое доказательство, обоснование и верификация, индукция, обобщение и объяснение. Общенаучные эмпирические методы, используемые в ходе исследования: наблюдение и описание. В состав используемых дисциплинарных методик вошли: приемы паралингвистики с целью установления типа информации, вносимой паралингвистическими средствами, и способов их сочетания и взаимодействия с вербальной составляющей; были использованы такие описательные методики, как наблюдение; обобщение; интерпретация результатов наблюдения; классификация; анализ; синтез; сравнение; контекстуальный анализ с целью выявления вербально невыраженных, неэксплицитных смыслов.

В нашей работе также предлагается применить контаминацию описанных выше классификаций, только к динамичному *гетерогенному экранному тексту* и разделить коды и субкоды на несколько больших групп и подгрупп:

- 1) **психологические:**
  - бессознательного,
  - восприятия,
  - узнавания,
  - синестетический;
- 2) **визуальные** (пространственные):
  - иконический,
  - иконографический;
- 3) **ассоциативные** (коннотативные):
  - вкуса,
  - риторический,
  - стилистический,
  - тональный;
- 4) **прагматические:**
  - интерпретационный,
  - герменевтический,
  - проайретический,
  - семный,
  - гномический (референциальный/культурный),
  - символический,
  - передачи,
  - канала (телевизионный / компьютерный);
- 5) **лингвистические;**
- 6) **паралингвистические:**
  - аудиальный,
  - кинезический,
  - проксемики,
  - музыкальный.

Описание и анализ особенностей конструирования приема семиотической «матрёшки» производился на примере двух гетерогенных текстов, изначально предназначенных для просмотра на разных носителях — киноэкране и экране телефона, планшета, компьютера: кинотекста и видеотекста сети Интернет. Кинотекст «Король говорит!» [8] представляет собой художественный фильм режиссера Тома Хупера по сценарию Дэвида Сайдлера, выпущенный в открытый прокат в 2010 г. и получивший в том же году кинопремию «Оскар» в четырех номинациях. Видеотекст «Ты один, ты такой» [9] является рекламным видео, запущенным в сети Интернет на видеохостинге YouTube провайдером мобильной связи МТС в рамках празднования Дня Мобильного Интернета. Видеоролик набрал более миллиона просмотров и стал первым видео МТС, которое попало в топ-тренды YouTube (алгоритм, по которому видео попадает в раздел «Тренды», основан на количестве просмотров за короткий промежуток времени, количестве реакций и комментариев под видео).

2.2. Лингвосемиотический анализ статики (стоп-кадров) экранного пространства кинотекста и интерпретация результатов

Рассмотрим, какие именно из перечисленных выше кодов и каким образом организуют статику (стоп-кадры, стили) кинотекста на примере «Король говорит!» [8] с целью описания процесса трансформации реальной действительности в художественную условность экрана.

Сюжет кинокартины охватывает 1925—1939 гг. в Великобритании в период правления короля Георга V. Фильм открывается кадрами заключительной речи второго сына короля, герцога Йоркского Альберта, на имперской выставке на стадионе «Уэмбли» перед зрителями и радиослушателями. Выступление дается принцу с трудом и заканчивается провалом — заикание не дает Альберту закончить речь, что становится причиной его обращения к австралийскому специалисту Лайонелу Логу, применяющему в ходе лечения нестандартные методы исправления дефектов речи.

На протяжении всего киноповествования, начиная с самых первых кадров, фигурирует образ радиомикрофона в разнообразных необычных ракурсах — его размеры либо гипертрофированы, либо он как бы «парит» над героями, являясь немым участником и свидетелем событий. Коды, организующие пространство данных кадров, разнообразны. Так, для вычленения из общего континуума текста образа радиомикрофона как значимой составляющей данного кинотекста используется визуальный (иконический) код. В зачине кинотекста десигнат «радиомикрофон» эманерирует свойства замещаемого объекта действительности, выступая его иконом, далее при помощи фиксированного и однозначного иконического кода по ходу сюжета происходит процесс дальнейшего кодирования, выделяющий аспект значения «преобразование звуковых колебаний в электрические для передачи звуков на большие расстояния при помощи радио» не только как существенный, но и соотносящий его с техническим прогрессом, «ворвавшимся» в мир обывателей тех лет, т.е. на основе метонимической связи из икона микрофон становится символом.

Данную трансформацию знака вбирает в себя ассоциативный (риторический) код, регулирующий соотношение образа «радиомикрофон» с устоявшимися нормативными представлениями о радио в целом и о микрофоне как о его инструменте. При подобном процессе кодирования создается семиотическая ситуация симулякративности, при которой моделируемая реальность является иллюзорной, что не скрывается от реципиента, а изображаемые объекты опытного знания представляют собой репрезентацию базовой реальности, никак ее не искажающие.

Несмотря на иллюзорность репрезентируемой действительности, связь между денотатом и десигнатом продолжает существовать и воспроизводиться в сознании интерпретатора как само собой разумеющаяся, что привносит в моделируемый мир элемент художественной условности. Данный тип симулякративности можно назвать позитивным.

С целью создания большей реалистичности в данном кинотексте используются кадры документальной хроники, тексты речей главного героя и фрагмент текста отречения от престола его брата Дэвида, психологическое восприятие которых регулируется визуальным (иконическим) кодом, выделяющим их как знаки-иконы.

Использование документальной кинохроники создает семантическое напряжение в кадре: монтаж подлинной жизни и жизни, созданной режиссером, подчеркивает условность экранного мира и одновременно заставляет забыть об этом. В потребителе текста вызывается «чувство кино», концентрируется киноусловность в кадрах, воспроизводящих экран на экране, что заставляет воспринимать остальной континуум текста как подлинную жизнь, вызывающую подлинные эмоции. В подобие реальности зрителя заставляют поверить и демонстрируемые в кадре тексты речей главного героя, узнавание которых регламентируется уже не только визуальным (иконическим) кодом, но и лингвистическим (естественный язык), позволяющим вычленивть изображаемые элементы как буквы английского языка. Информация на данных кадрах также кодируется ассоциативным (риторическим) кодом, который соотносит изображаемое (тексты речей главного героя и кадры документальной кинохроники) с представлениями о них в британской лингвокультуре. Реципиент при декодировании информации, заложенной в данных кадрах, верит, что демонстрируемый на экране видеоряд автор кинотекста подсмотрел, а не создал сам. В данном случае возникает семиотическая ситуация симулякративности, которую можно обозначить как тотальную, при которой изображаемый объект в реальной действительности не существует, однако сконструированный знак отсылает к определенному значению, вызывающему в интерпретаторе конкретную реакцию, а моделируемый мир полностью искажается и выдается за реально-существующий.

Носителем дополнительной информации в данном кинотексте также является мимика и движения героев, приобретающие значение при эстетическом освоении кинодостоверности. Так, невербальные действия героев, будучи в обыденной действительности просто жестами и мимикой, на экране становятся носителями смысла, что регулируется сочетанием кодов. Паралингвистический (кинезический и проксемический) код вычленяет образы из континуума текста как жесты и мимику, узнавание и восприятие которых как знаков-иконов регулируется визуальным (иконическим) кодом, а ассоциативный (риторический) код соотносит их со значениями, закрепленными за ними в той или иной лингвокультуре.

Моделирование общих аспектов реальности наблюдается и в тестах сети Интернет, как, например, в видеотексте «Ты один, ты такой» [9], сюжет которого разворачивается в постапокалиптической Москве после того, как вирус оставил весь мир без сети Интернет. Действие происходит в баре, где главные герои (Дмитрий Маликов, МС Хованский и Ида Галич) вспоминают время, когда был Интернет, и ностальгируют по тем возможностям, которые он давал.

Видеоролик открывается кадрами, на которых зритель видит девушку, проезжающую по улицам Москвы, освещенным красным светом, интерпретация

которого визуальным (иконическим) кодом регламентируется как индексально-символический знак, указывающий на основании ассоциативной связи на что-то плохое, случившееся в мире.

На следующих кадрах зрителю демонстрируются картины с изображением котиков. Информация, транслируемая на данных кадрах, формируется контаминацией двух визуальных субкодов — иконического и иконографического. Первый образует чистый иконический знак, порожденный отношением подобия и аналогии с означаемым объектом реальности — фотографическим изображением кота, а аналитический иконографический код задает условия узнавания, устанавливая, что данное изображение это не просто фотография, а интернет-мэм, использовавшийся до интернет-катастрофы.

Подобная семиотическая ситуация складывается и на последующих кадрах, демонстрирующих факсы, обозначенные логотипами социальных сетей, из которых вылезают листы бумаги с изображением типичной новостной ленты каждой из них. Значение, заключенное в данной отрезке статического пространства текста, регулируется взаимодействием кода иконического, управляющего отношениями между объектами реального мира и задействованными в ситуации означивания качествами, образующими символично-индексальный знак, и иконографического, регламентирующего соотношение данного знака с надписями ФБ, ВК и с социальными сетями (Facebook, V Kontakte и др.).

В рассматриваемом видеотексте семиотическая «матрешка» кодирования складывается сочетанием не только визуальных субкодов, но и паралингвистическим кодом. Как, например, на одном из стоп-кадров, фиксирующим синий значок «палец вверх» на фоне фотографий из социальных сетей, распечатанных на белых листах. Визуальный (иконический) код вычленяет в данном экранном пространстве знаки-иконы — фотографии, и символично-индексальный знак — «палец вверх». Далее, аналитический иконографический код задает узнавание данных знаков-иконов как фотографий, выложенных в социальной сети Facebook, а знак «палец вверх» есть действие оценивания «нравится», выраженное нажатием кнопки «палец вверх», заданное паралингвистическим кодом (кинестическим).

Видеотекст заканчивается кадрами, на которых запечатлены надписи белого цвета на красном фоне, выступающие как знаки-символы, восприятие которых управляется иконическим кодом, который также трансформирует сочетание белого и красного цветов в знак-индекс, отсылающий к МТС, имеющему данное колористическое решение.

Контаминация различного рода кодов в видеотексте «Ты один, ты такой», приводит к тому, что такая способность человека, необходимая для мыслительного постижения реальности, как воображение, подвергается манипуляции, достигаемой «мозаичностью» и многослойностью структуры гетерогенных экранных текстов. Направляя воображение потребителя текста, его эстетически убеждают и обольщают, для того, чтобы рекламируемый товар или услуга (в данном случае Интернет, предоставляемый оператором мобильной связи МТС), будучи «упакован в красивую обертку», был воспринят как убедительное и правдоподобное.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ примеров использования кодов в гетерогенных текстах, проведенный выше, позволяет сделать вывод, что к основным видам кодов, используемых для передачи информации в статике гетерогенного текста, являются:

- 1) визуальный,
- 2) паралингвистический,
- 3) лингвистический,
- 4) ассоциативный.

Проанализированные стоп-кадры позволяют сделать вывод о том, что сложная многофакторность действительности обуславливает тесную связь плана выражения и плана содержания гетерогенного экранного текста, в частности кино- и видео-текста, в котором семиотическая ситуация симулякративности порождается *путем контаминации разного рода кодов: психологических, визуальных, паралингвистических, лингвистических, ассоциативных*. Порождая аудиовизуальное сообщение, коды встраиваются один в другой, создавая информационную плотность кадра, а план выражения становится фактором смысла, схемой построения значения в уме интерпретатора. В процессе кодирования создается семиотическая «матрёшка», позволяющая транслировать в аудиовизуальном сообщении дополнительную имплицитную информацию для направления потока сознания реципиента в нужное автору текста русло, а также с целью достижения эстетического воздействия.

© Евграфова Ю.А.

Дата поступления: 08.10.2018

Дата приема в печать: 25.11.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кловский Д.Д. и др. Теория передачи сигналов. Москва: Связь, 1980.
2. Якобсон Р. Избранные работы / пер. с англ., нем., фр. яз. / сост. и общ. ред. В.А. Звегинцев; предисл. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Прогресс.
3. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Об искусстве. С-Петербург: Искусство-СПб, 2005. С. 288—372.
4. Барт Р. Проблема значения в кино // Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. Москва: изд-во Сабашниковых, 2004. С. 378—392.
5. Кафтанджиев Х. Гармония в рекламной коммуникации. Москва: Эксмо, 2005.
6. Eco U. Semiotics and the philosophy of language (Advances in semiotics) / Ed. T.A. Sebeok. Bloomington: Indiana University Press, 1986.
7. Степанов В.Н. Семиотические коды в рекламном тексте // Иностранные языки в высшей школе. Рязань: Изд-во Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, 2010. no 2 (13). С. 92—100.
8. *Король говорит!* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/485311/> (дата обращения: 26.10.18).
9. *Ты один, ты такой* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=LgVW2f_UOVk (дата обращения: 10.10.18).

УДК: 81:003

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-75-84

**SEMIOTIC “STACKING DOLL”:
CODING IN HETEROGENEOUS SCREEN TEXTS
(case study of a film text “King’s speech”
and a videotext “You’re single, you’re such a name”)**

Yu.A. Evgrafova

Moscow Regional State University
10A, Radio str., Moscow, Russia, 105005

Abstract. Volume and quality of information circulating in modern society is constantly increasing. To process, record and transfer which it is needed to employ more capacious means that ask for less effort while decoding and perception. This leads to the situation when a semiotically expanded heterogeneous text becomes dominant in the modern information society. This article deals with the means of information coding in heterogeneous texts which mean of transmission is the screen. The classification of information codes based on synthesis of information and semiotic theories is suggested. The case study of a film text demonstrates the codes employed to generate audio-visual message, device of semiotic “stacking doll” is described, the employment of which leads to the appearance of semiotic situation of sumulacrativity, which aim is to make the spectator believe in what is happening on the screen. This article is aimed at specialist audience: students, post-graduates, professors, linguists and others who are interested in general and linguistic semiotics.

Key words: heterogeneous text, screen text, code, coding, semiotics, film text, decoding, static of the screen

REFERENCES

1. Klovskij, D.D., et al. (1980). Theory of signal transferring. Moscow: Svyaz'. (In Russ.).
2. Jakobson, R. (1985). Selected works, V.A. Zvegintsev (Ed., transl.), introductory note by Vyach. Vs. Ivanov, Moscow: “Progress”. (In Russ.).
3. Lotman, Yu.M. (2005). Cine-semiotics and the problem of cine-aesthetics. About art. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 288—372. (In Russ.).
4. Bart, R. (2004). The problem of meaning in film. *System of fashion. Articles on culture semiotics*. Transl and ed. S.N. Zenkina. Moscow: izd. Sabashikovs. pp. 378—392. (In Russ.).
5. Kaftandzhiev, Kh. (2005). Harmony in advertising communication. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
6. Eco, U. (1986). Semiotics and the philosophy of language (Advances in semiotics), T.A. Sebeok (Ed.). Bloomington: Indiana University Press.
7. Stepanov, V.N. (2010). Semiotic codes in the advertising text, *Inostrannye yazyki v vyschei shkole [Foreign languages at higher school]*, 2 (13), 92—100. (In Russ.).
8. *King’s speech*. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/485311/> (accessed: 26.10.18).
9. *You are single, you are such a name* (Ты один, ты такой). URL: https://www.youtube.com/watch?v=LgVW2f_UOBk (accessed: 10.10.18).

Для цитирования:

Евграфова Ю.А. Семиотическая «матрёшка»: кодирование в гетерогенных экранных текстах (на примере кинотекста «Король говорит!» и видеотекста «Ты один ты такой») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 75—84. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-75-84.

For citation:

Evgrafova, Yu.A. (2019). Semiotic “stacking doll”: coding in heterogeneous screen texts (casestudy of a film text “King’s speech” and a videotext “You’re the one, you’re such a name”), *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 75—84. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-75-84.

Сведения об авторе:

Евграфова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; *научные интересы*: лингвосомиотика, лингвистическая семантика, герменевтика, интерпретация текста, лингвопрагматика, паремиология; *e-mail*: 212.155.04@mail.ru

Information about the author:

Yulia Aleksandrovna Evgrafova, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Indo-European and Eastern languages department, Linguistic faculty, Institute of linguistics and international communication, Moscow Regional State University; *research interests*: linguosemiotics, linguistic semantics, hermeneutics, text interpretation, linguopragmatics, paremiology; *e-mail*: 212.155.04@mail.ru

УДК: 81'34:005

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-85-91

ДЕТЕРМИНАНТА ЯЗЫКА И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Е.Ф. Киров

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

Статья посвящена рассмотрению понятия детерминанта, которое было открыто Г.П. Мельниковым. Показана продуктивность этого понятия для объяснения социофонетической и иконической фоновимологической сущности таких явлений, как сингармонизм, оканье, аканье.

Ключевые слова: русский язык, детерминанта, сингармонизм, аканье, оканье, сверхоканье

ВВЕДЕНИЕ

Все творчество Г.П. Мельникова обозреть трудно — настолько оно многогранно и разнообразно (есть и Мельников «под маской»: так, Г.П. Мельников подарил мне однажды автореферат своего вьетнамского аспиранта, в котором я угадал некоторые идеи самого Г.П. Мельникова). Конечно же, университет «созрел» для публикации полного собрания сочинений своего выдающегося профессора, которое может появиться в период между круглым и очень круглым (с двумя нулями) юбилеями.

Обратимся к рассмотрению одного из значительных открытий Г.П. Мельникова — внешней и внутренней детерминант языка, которые отражают в языке определенные черты общества (можно перефразировать старую максиму: скажи, какие детерминанты в языке, и я скажу, какое общество говорит на этом языке).

Проф. Л.Г. Зубкова в предисловии к книге Г.П. Мельникова «Системная типология языка» пишет: «В результате многолетних исследований Геннадием Прокопьевичем выделены четыре внутренние детерминанты как четыре главных коммуникативных ракурса и соответственно четыре внутренние формы, которые характеризуют выделенные В. Гумбольдтом морфологические типы языков: обстановочная — инкорпорирующий тип, (качественно) признаковая — агглютинирующий тип, событийная — флективный тип, окказиональная — корнеизолирующий тип» [1. С. 13—14]. Фактически по этим основным детерминантам можно определить языковой тип мышления и даже в целом коммуникативный тип языкового сознания сообщества, говорящего на том или ином языке. Так, по типологии детерминант, разработанных Г.П. Мельниковым, русские мыслят событийно, если учитывать исконную и исторически первичную природу идиоэтнического мышления (в настоящую эпоху, когда мир, по выражению Маклюэна, превратился в «большую деревню», можно встретить и смешение таких типов, характерных для «граждан мира»).

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЯЗЫКА

Проф. Г.М. Богомазов в статье «Русский тип языкового мышления и система русского письма» пишет, что Г.П. Мельников выделил в русском языке такие внутренние детерминанты:

1. Событийность, т.е. способность представлять разворачивающуюся ситуацию в виде события: аптека находится на углу, мы ее там находим, а значит — ищем, а значит — болеем, потому что простудились или что-то случилось и т.д. Все это похоже на название фильма и сам фильм, высказывание имеет глубокий пласт событий, стоящих за ним. Это как бы исторический пласт.

2. Предсказательность: «Для носителя русского языка всегда очень важно знать, какой новый элемент последует в звуковой цепи за данным элементом. особенно ...это свойство русского языка проявляется в синтаксисе, в частности, в активном использовании форм согласования и управления. ...Предсказательность проявляет себя ...и на уровне морфологии, лексики и фонетики как в устной, так и в письменной форме» [2. С. 17].

3. «Еще одно важное свойство современного русского литературного языка, которое связано с его событийностью, можно кратко охарактеризовать как „способность не экономить на материале“, т.е. тяготение к эксплицитности в языке», — Г.М. Богомазов иллюстрирует это свойство способностью языка при помощи огромного лексического многообразия выражать близкие идеи [2. С. 17]. Так, тексты научного содержания фактологических языков, такого как финский, английский и под., содержат в полтора раза меньше слов, чем их переводы на русский язык. Г.М. Богомазов приводит пример из финского языка, в котором глагол *leikata* соответствует нескольким русским глаголам — *отрезать, обрезать, разрезать, вырезать, перерезать, нарезать, срезать и еще раскраивать и выкраивать* (соотношение 9 к 1, кроме того, всем известно неразличение глаголов мыть и стирать в английском языке, которое для русских кажется невозможным, и мн. другие примеры).

Как нам представляется, событийность является основной внешней детерминантой русского языка, которая мотивирует функционирование таких языковых детерминант, как предсказательность и языковая материалоемкость (способность не экономить на языковом материале). Однако наряду с общими внешними детерминантами, как полагает Г.П. Мельников, существуют также и внутренние детерминанты. В единстве с внешней детерминантой внутренняя детерминанта оказывается глубоко диалектической целносистемной характеристикой, учитывающей и те предрасположенности к связям и отношениям, которые вытекают из устойчивого имманентного свойства типологически сформировавшегося языка, и те его свойства и предрасположенности, которые возникают из «диспозиции» языка в сети отношений с объектами окружающей среды [3. С. 25].

Внутренняя детерминанта языка как его форма обуславливает свойства, единицы и отношения на всех уровнях, вплоть до фонетического, выявляя таким образом целносистемность языка, как считает автор этой идеи. Так становится возможным объяснить функциональные связи между семантическим своеобразием языка и теми особенностями условий общения в языковом коллективе, которые влекут за собой соответствующую модификацию функций языка.

Рассмотрим некоторые конкретные примеры, которые могут служить доказательной базой для теории детерминант. Г.П. Мельников обнаружил внутреннюю детерминанту в урало-алтайских языках, которая связана с таким свойством, как коллекционность. Так, в «Системной типологии языков» он пишет: «Коллекционность словоформы при выборе средств выражения служебной информации и является детерминантой урало-алтайских языков. Конкретно эта детерминанта была сформулирована как „тенденция к экономии служебных морфем“ в словоформах агглютинативных языков» [3. С. 339]. При этом коллекционность понимается как отсутствие заготовленного заранее в языке полного перечня слов, образующего парадигму каждой лексемы. Противоположным принципом оказывается селекционный при наличии парадигм лексемы в языке, например, в русском. Именно коллекционность — это внутренняя детерминанта ур.-алт. языков и агглютинативных языков в целом, по мнению Г.П. Мельникова.

Рассматривая языки в целом в связи с количеством говорящих, Г.П. Мельников считает, что урало-алтайские языки и языки эргативного типа по мере нарастания говорящих способны перейти в язык, который соответствует событийному типу и развить агглютинативный строй, если добавится координата времени, т.е. связи поколений во времени посредством языка [3. С. 352].

Мы бы хотели заострить внимание на фрагменте рассуждений Г.П. Мельникова, связанном с гармонией гласных и явлением сингармонизма в связи с агглютинацией в урало-алтайских языках (гл. 7 его книги) [3]. В целом принцип сингармонизма описан в языкознании давно (его описал еще Бодуэн де Куртенэ), но Г.П. Мельников подтвердил его новыми данными, отметив, что в разных языковых ареалах это соотношение реализуется по-разному: в одних языках уподобление происходит по признаку ряда, в других — по признаку подъема, что становится основой для сингармонизма гласных в агглютинативных языках.

Как нам представляется, в данном направлении можно сделать следующий шаг и приблизиться вплотную к еще одной важной внутренней типологической детерминанте, которую можно назвать изобразительной, иконической детерминантой того или иного языка, и связать ее с функционированием фонетической системы гласных.

Так, сама идея сингармонизма, сама по себе понятная и простая, может показаться явлением, просто реализующим принцип подобия в языке, поскольку уподобление гласных в произносительном плане снижает «трудозатраты» на восприятие звуков в потоке речи. Но если бы это было так просто, то мы скорее всего имели бы дело с сингармонизмом как общеязыковой универсалией, к которой в разной степени стремились бы все или очень многие языки мира. Однако так не происходит, следовательно, сингармонизм представляет собой более сложное по своей сути явление.

Выдвинем предположение (в духе идей Г.П. Мельникова), что сингармонизм не может возникнуть просто так и из ничего, — он обязательно (и скорее всего в фonosимволическом плане) символизирует некую черту реальной жизни языкового сообщества. Итак, мы говорим о сингармонизме, если гласные служебных морфем в рамках фонетического слова уподобляются гласным, которые находятся

в корневой части слова, напр., в венгерском языке *ablak-hoz* ‘к окну’, *cipész-hez* ‘к сапожнику’, *küszöb-höz* ‘к порогу’; вокализм показателя аллатива -hVz (формы с пространственным значением прближения) зависит от вокализма корня [передний — задний (-hoz/-hez), лабиальный — нелабиальный (-hez/-höz) [4]. Чем же может быть обусловлена эта внутренняя детерминанта урало-алтайских языков? Мы осмелимся предположить, что эта детерминанта заимствована из жизни той эпохи в развитии языка, в которую эта черта складывалась и затем длительное время сосуществовала в языке и жизни языкового коллектива, объем которого был весьма значим, как это было установлено Г.П. Мельниковым.

Что же это за черта небольшого по объему социума и языка? Ответ прост: это уподобление служебной части общества его руководящей вершине по какой-либо качественной черте-характеристике, например, по одежде, по манере говорить, по согласию с мнением и т.д. И уподобление в плане согласия во мнении, когда подчиненный всегда и безоговорочно принимает мнение начальства, в фонетической структуре звучащего слова может символизироваться, вероятнее всего, в такой фоносимволической черте иконического характера, как сингармонический повтор. В таком случае данную сингармоническую черту следует понимать как фоносимволическое отображение жизненной реалии, которая как бы подчеркивает, что в сообществе, говорящим на общем языке, простые члены всегда согласны и с мнением руководства сообщества, с его решениями и т.д. Именно поэтому в таких языках звуковой облик корневой части слова требует фоносимволического согласования со звуками аффикса, как и в жизни клан начальствующих требует подчинения масс неким директивам и принципам поведения, декларируемым верхами как обязательное и правильное. Таким образом, сингармонизм как языковое явление обусловлен жесткой вертикалью управления таким языковым обществом на протяжении очень длительного времени (во многих языковых социумах такой образ жизни сохраняется до сих пор). Здесь важно подчеркнуть, что такой уклад жизни признается единственно возможным и рациональным в таком социуме, коль скоро этот уклад повторяется, фоносимволически дублируется даже в языке. И говорящий в звучащей форме подчеркивает некую идею согласия с другими людьми и вышестоящими и власть предержавшими, выраженную в феномене фоносимволического сингармонизма. Этот уклад может корректироваться с учетом веры в доброго или злого царя, бунта и свержения злого царя, но сам по себе опирается на священную ипостась правящей власти, на которую невозможно посягнуть, т.к. она является священной основой жизни и жизнеспособности данного социума, сводящегося к максиме — «каков хан, такова и орда». И такая внешняя детерминанта, наряду с детерминантой пространства и времени, а также объема языкового коллектива и межпоколенческой передачи информации в языковой форме, выделенных Г.П. Мельниковым в «Системной типологии языков», вполне имеет право на существование в виде гипотезы, объясняющей происхождение сингармонизма как фоносимволического социофонетического явления. Мы понимаем относительность столь прямо проведенной параллели, однако факты взаимной зависимости жизни языка и жизни общества, установленные Г.П. Мельниковым и действительно содержащиеся в жизни общества и его языке, позволяют проводить их.

АКАНЬЕ И ОКАНЬЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мы пойдем дальше по такому пути к анализу некоторых фонетических особенностей русского языка, не обладающего сингармонизмом, но имеющего не менее заметные социофонетические явления, которые также могут быть обусловлены внешними детерминантами социального плана.

Итак, мировидение, согласно В. фон Гумбольдту и его последователям, к которым с полным правом можно отнести Г.П. Мельникова, предполагает рассмотрение мира через призму языка. Нашему рассмотрению будут подвергнуты два ярчайших явления в фонетико-орфоэпической сфере русского языка — аканье и оканье, включая гипероканье (произношение типа *норот*, *сказал*, *токой*, и т.д., существующее в севернорусских говорах), которые можно связать с некими внешними детерминантами в русском языке и мышлении, даже и в менталитете в целом.

Исторически в русском языке, как известно, изначально существовало оканье как раздельное произнесение звуков *a* и *o* в соответствии с фонемами *a* и *o*. Такое оканье и по сей день очень распространено в виде полного оканья на Севере русской равнины и в Сибири, а также в виде умеренного неполного оканья в среднерусском ареале ([4] и мн. другие). Аканье — это явление позднее, возникшее в 12 веке и медленно распространившееся на территориях южнорусского ареала, при этом вопрос о фонологической природе аканья остается открытым до сих пор. Таким образом, возникла новая оппозиция фонетических явлений, — аканья и оканья, причем это противопоставление и поныне существует в русском общенародном языке (однако русский литературный язык принял аканье в качестве орфоэпической нормы). Дело осложняется еще и усилением позиции оканья за счет явления гипероканья в севернорусских и сибирских говорах, но по сути это явление упомянутую оппозицию не меняет, усиливая лишь позиции одной из сторон.

В качестве предварительной гипотезы примем, что эта оппозиция опирается на глубинные ментальные представления русского народа, которые существуют и хорошо осознаются и по сей день. Другими словами, нам необходимо выявить в русском менталитете некую внутреннюю детерминанту, которая (или которые) также иконически обуславливает оканье как древнейшую и исходную орфоэпическую черту вокализма русского языка. И такую внутреннюю детерминанту найти вполне возможно. Так, оканье, включая гипероканье, формирует некую о-детерминанту в лингвоментальной глубинной структуре русского миропонимания, и эта черта иконически связана с идеей круга, общности, объединения людей одного языка и культуры. Это проявляется в том, что в звучащей речи начинает доминировать звук *o*, который и физически при помощи округления губ иконически и фоносемантически становится мотивированным знаком русского менталитета и языка. И такая сугубо фонетическая и артикуляционная черта иконически символизирует и материализует в речи идею объединения, — а это важнейший концептуальный пункт менталитета русского народа, основа его существования. При этом особо подчеркнем, что такая идея локализована как особо выраженная

на Севере, в северорусских говорах и в Сибири, т.е. характерна для русских, живущих в особо трудных природных условиях долгой зимы, короткого лета, трудностей с выращиванием продуктов питания и т.д., где без общины не выжить. И в этом случае индивидуальное выживание и хуторская система землепользования скорее просто невозможна, единственным способом выживания в таких условиях оказывается община, общность людей, круг.

Совсем иные условия жизни создаются в южной части России, где черноземы обеспечивают плодородие, где также более мягкий климат с возможностью выращивания большего разнообразия продуктов питания. В данной социально-хозяйственной ситуации роль общины снижается, возникает некая индивидуалистическая ментальность в коллективном бессознательном русского социума этого ареала, и это отражается в языке — в таких областях русской равнины возникало и распространялось аканье, включая московский ареал, на базе которого сформировался литературный язык.

Пройдя длительный путь эволюции, именно эта фонетическая черта закрепились в послепушкинскую эпоху и в литературном языке, и это завершило цикл развития русского языка, начатый преобразованиями Петра и европеизацией элиты России. В ту эпоху существования русского языка возникла парадоксальная ситуация, когда элита придерживалась акающей нормы в городах и столицах, народный язык тяготел к окающей норме, кроме южных регионов России.

ВЫВОД

В результате мы приходим к выводу, что **о**-доминанта и **а**-доминанта выражают в русской фонетико-орфоэпической структуре речи две разные философии жизни — общинную и индивидуальную. Закончим же мы свое рассуждение тем, что борьба этих тенденций в русском языке, ментальности и социуме не завершена.

© Киров Е.Ф.

Дата поступления: 09.10.2018

Дата приема в печать: 18.11.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. и предисл. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
2. *Богомазов Г.П.* Трифонова Ю.А. Русский тип языкового мышления и система русского письма // Система языка и языковой мышление / Отв. ред. Е.Ф. Киров. М.: URSS, 2009. С. 16—24.
3. *Киров Е.Ф.* Культура русской звучащей речи: традиции и современность. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2004.
4. *Русская диалектология* / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: Академия, 2005.
5. *БСЭ*: Большая советская энциклопедия. В 65 тт. М.: Советская энциклопедия, 1970.

УДК: 81'34:00

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-85-91

THE DETERMINANT OF LANGUAGE AND PHONETIC PHENOMENA

E.F. Kirov

Pushkin State Russian Language Institute
6, Volgina str. Moscow, Russia, 117485

Abstract. The article is devoted to the consideration of the concept of language determinant, which was developed by Prof. G.P. Mel'nikov. The productivity of this concept is shown to explain the socio-phonetic and iconic phonosymbolic nature of such phenomena as vocalic harmony — *okanje* as overusing vowel sound **O** and *akanje* as overusing vowel sound **A**.

Key words: Russian language, determinant, vocalic harmony, *akanje*, *okanje*, *overokanje*

REFERENCES

1. Mel'nikov, G.P. (2003). Systemic typology of languages: Principles, methods, models, ed. and introductory note by L.G. Zubkova. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Bogomazov, G.P. & Trifonova, Y.A. (2009). Russian type of linguistic thought and the system of Russian writing In *Language system and linguistic thought*, E.F. Kirov (Ed.). Moscow: URSS. pp. 16—24. (In Russ.).
3. Kirov, E.F. (2004). Culture of the Russian sound speech: tradition and modernity. Moscow: IRYA n.a. V.V. Vinogradova RAN. (In Russ.).
4. *Russkaya dialektologiya* (2005), L.L. Kasatkin (Ed.). Moscow: Akademia. (In Russ.).
5. BSE (1970). Great Soviet Encyclopedia. 65 vv. Moscow: Sovetskaya entsiklopedia. (In Russ.).

Для цитирования:

Киров Е.Ф. Детерминанта языка и фонетические явления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 85—91. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-85-91.

For citation:

Kirov, E.F. (2019). The determinant of language and phonetic phenomena. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 85—91. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-85-91.

Сведения об авторе:

Киров Евгений Флорентович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ГИРЯ им. А.С. Пушкина; *научные интересы*: фонетика, фонология, грамматика, фразеология, стилистика русского языка, общая теория языкознания, концептосфера русской ментальности, философия языка; *e-mail*: evg-kirov@mail.ru.

Information about the author:

Evgenij F. Kirov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the General and Russian Linguistics Department, Pushkin State Institute of Russian Language (GIRY); *research interests*: phonetics, phonology, grammar, phraseology, stylistics of the Russian language, general theory of linguistics, concept sphere of the Russian mentality, language philosophy; *e-mail*: evg-kirov@mail.ru.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ДЕТЕРМИНАНТЫ ТЕКСТА

УДК: 81:005:004

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-92-100

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ ДИСТРИБУТИВНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК СИСТЕМНАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТА

О.И. Максименко

Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Россия, 105005

В статье рассматривается автоматизированный дистрибутивно-статистический анализ с позиций системной лингвистики, акцент делается на различии в дистрибутивном и статистическом подходах для анализа терминологической лексики, детализируются понятия единицы анализа и интервала анализа, возможности применения метода для автоматической обработки текста с целью формирования как общих, так и информационно-поисковых тезаурусов, атрибуции жанров текстов в тематических корпусах.

Ключевые слова: дистрибутивно-статистический анализ, гиперлексема, корпус, текст, система

Язык относится к классу таких объектов, в которых системность, внутренняя организованность, взаимосогласованность всех статистических и динамических характеристик представлена в своих высших проявлениях.

Г.П. Мельников, 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Автоматическая обработка текста из комплекса экспериментальных задач, которую она представляла собой полвека назад, превратилась в повседневную реальность. За прошедшие годы было предложено немало решений, определяемых тем, для чего, собственно, нужна была такая обработка. Это автоматическое индексирование текстов для обеспечения систем информационного поиска, автоматическое аннотирование и реферирование текстов для хранения информации в сжатом виде, автоматическое создание частотных словарей и конкордансов для последующего контент-анализа, создание машинных словарей для систем машинного перевода и информационно-поисковых систем, проведение автоматического выявления тональности текста, работа с Big Data и мн. др.

К числу методов, используемых как для теоретических целей (исследование сочетаемости слов, частотности, распределения), так и сугубо прагматических (распознавание жанров текстов в информационном потоке), относится дистрибутивно-статистический анализ.

Исследования, объектом которых служит естественный язык, всегда были чрезвычайно непросты. В связи с этим за последние сто лет лингвистической науки исследовательские парадигмы менялись не раз. Пытались исследовать язык, так сказать, «по частям», разделяя его на уровни — фонетический, морфологический, синтаксический, семантический — воспринимая естественный язык как множество, т.е. «многое, мыслимое как целое». Однако сколь бы ни был привлекательным такой взгляд на язык, он упрощает то, чем на самом деле естественный язык является. Нам намного ближе системный взгляд на язык, одним из приверженцев которого был Г.П. Мельников.

Казалось бы, что квантитативной лингвистике, в рамках которой существует немало числовых методов обработки естественного языка, проще работать с отдельными множествами, чем с плохо формализуемыми семантическими понятиями, тем не менее, существуют методы, которые вполне можно отнести к системным, работающими с языком как системой, т.е. «целым, мыслимым как многое».

ДИСТРИБУТИВНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Одним из методов, рассматривающих естественный язык как систему, считается метод дистрибутивно-статистического анализа (ДСА). Этот метод относился в первую очередь к лингвостатистике и существует в рамках этой дисциплины с последней трети XX в., разделяясь на два варианта: дистрибутивный и статистический. Он предполагает использование математического аппарата теории вероятностей и логико-лингвистического аппарата, основанного на понятии дистрибуции.

Многое, сделанное в квантитативной лингвистике этим методом, суммировал А.Я. Шайкевич, который предложил свою точку зрения, рассматривая ДСА как сумму формальных алгоритмических процедур, направленных на описание языка и опирающихся только на распределения (дистрибуции) заданных элементов в тексте. Под заданными элементами могут пониматься буквы (и другие графические символы), цепочки букв между пробелами (слова), цепочки слов между более крупными пробелами (предложения), т.е. любые объекты в тексте, непосредственно доступные нашему восприятию. Сам анализ при этом постоянно использует количественную информацию о встречаемости элементов в тексте [1. С. 355].

Дистрибуция, о которой начали говорить еще в структурной лингвистике, предполагает учет всех контекстов, в которых встречается та или иная языковая единица. Таким образом, дистрибутивный вариант ДСА опирается на сходстве распределений слов, т.е. всех возможных контекстов, в которых эти слова могут встречаться. Статистический вариант ДСА, в свою очередь, основан на числовых характеристиках совместной встречаемости элементов текста в контекстах определенной длины. Естественно предположить, что слова, связанные по смыслу, должны часто встречаться в тексте недалеко друг от друга, и наоборот, слова, часто

встречающиеся вместе в осмысленном тексте, связаны друг с другом по смыслу. Реальная совместная встречаемость двух лексических единиц (двух ключевых слов) и ожидаемая (теоретическая) встречаемость этих же единиц дает представление о силе связи этих элементов текста. Оценка расхождений между значениями, полученными эмпирически и путем статистических расчетов, и является основой метода ДСА.

Для любого анализа принципиально важен выбор единицы, это же касается и метода ДСА. Интервал текста также имеет значение. Необходимо отметить, что выбор единицы анализа определяется рядом прагматических факторов, в частности, задачами проводимого анализа. В разное время исследователи выбирали единицы, в большей мере соответствующие целям их работы. Это могли быть фонемы, словоформы, квазиосновы, гиперлексемы, ключевые слова, устойчивые словосочетания и пр.

Вопрос об определении интервала анализа оставался открытым в течение долгого времени. В работах А.Я. Шайкевича было конкретизировано понятие интервала текста и приведены в общих чертах задачи, которые можно решить на том или ином интервале. Под интервалом текста понимался один из множества равных отрезков, на которые разбивается текст. При этом предполагается, что для каждого конкретного исследования точно фиксируется длина интервала, которая служит базой для всех математических расчетов. Переход от одного интервала к другому означает получение семантической информации нового качества. Таким образом, понятие интервала текста оказывается некоторым аналогом понятия «уровень» в содержательной лингвистике [2]. Понятие уровня организации чего-либо характерно именно для системного подхода.

Поскольку текст на естественном языке является сложной системой, имеющей семиотическую природу, в которой обмен информацией проходит на семантическом уровне (по Ю.А. Шрейдеру) [3], то оптимальным интервалом для фиксации «контекстуальных связей» слов, т.е. связей, обеспечивающих семантическую связность текста, считается интервал в одно-два предложения справа и слева от анализируемого слова.

Анализ связи между ключевыми словами основывается, напротив, на предположении о независимости появления двух слов в тексте (т.е. об отсутствии связи между ними), что позволяет вычислить математическое ожидание их совместной встречаемости в интервале текста, исходя из теоремы об умножении вероятностей. Отклонение реальной совместной встречаемости двух слов от их теоретической встречаемости противоречит гипотезе о независимости появления этих слов в тексте, т.е. между ними существует связь (синтагматическая). Помимо синтагматических связей существуют и парадигматические связи, играющие существенную роль при построении информационно-поисковых тезаурусов. Сила парадигматической связи возрастает с увеличением числа синтагматических связей и их силы. С увеличением интервала текста качественное различие между синтагматическими и парадигматическими связями постепенно стирается.

Важно отметить, что ДСА, являясь формальной методикой, дает в отношении выявляемых смысловых связей вероятностные результаты, что вызывает ряд

вопросов и возражений по поводу его применения в информационной практике. В то же время простота метода, которая является его основным достоинством, искупает все недостатки, ему приписываемые. Простота делает ДСА универсально применимым к любой предметной области, в частности, при обработке текстов в режиме Big Data.

Автоматизированный вариант ДСА используется для организации лексики тезаурусов (установление синтагматических и особенно парадигматических отношений, которые наиболее важны для поиска); при индексировании запросов (расширение поискового предписания за счет терминов, ассоциированных с лексическими единицами запроса, что повышает эффективность поиска); при классификации поискового массива (объединение документов, содержащих ассоциированные по смыслу термины) [2].

Наиболее очевидным и актуальным является использование ДСА при построении автоматических тезаурусов. При создании тезаурусов необходимо учитывать различие между тезаурусом как инструментом поиска и тезаурусом как способом описания какой-либо понятийной области, включая терминологию разных дисциплин науки и техники, хотя и тот, и другой в самом общем виде можно определить как множество смыслоразличительных элементов (слов, словосочетаний и т.д.) некоторого языка с заданными смысловыми отношениями.

В информационно-поисковых системах (ИПС) с развитой грамматикой или с элементами грамматики синтагматические отношения слов используются для получения списков устойчивых сочетаний ключевых слов, которые необходимы при решении вопросов о границах словосочетаний, типах используемых текстуальных связей и др.

От текстуальных связей можно перейти к системным (парадигматическим) или связям второго порядка (например, отношениям иерархии «род—вид», «часть—целое», «причина—следствие», отношениям синонимии и квазисинонимии, деривации). Такая структура тезауруса основана на использовании сложной системы естественного языка, и получающийся информационно-поисковый тезаурус (ИПТ) является более «гибким», что сказывается на результатах поиска.

Тезаурусы входят в лингвистическое обеспечение при индексировании запросов, в частности, при автоматическом индексировании. В настоящее время системы автоматического индексирования способны распознавать слова и словосочетания, включая словоизменительные и словообразовательные варианты слов, определять характеристики информативности (веса) лексических единиц в аспекте выражения предметного содержания текстов, устанавливать связи между терминами, «переводить» ключевые слова на другие естественные или информационно-поисковые языки.

Сведение лексем в гиперлексеми как единицы анализа — это то допустимое при формальном анализе материала обращение к семантике, о котором говорили А.Я. Шайкевич и Э.И. Королёв. Без этого при существующих вариантах дистрибутивно-статистического не обойтись. Неверно созданный список гиперлексем может дать значительный информационный шум при анализе текстов с помощью ДСА.

Автоматизированный вариант дистрибутивного анализа основывается на изучении сочетаемостных характеристик таких единиц текста, как гиперлексема. Для этого проводится компьютерная сортировка выбранных гиперлексем — маркировка тех словоупотреблений текста, которые соответствуют какой-либо из гиперлексем. За этим следует получение программным способом списка терминосоочетаний из двух, трех или четырех гиперлексем, выбор из них тех, которые удовлетворяют требованиям по частоте встречаемости, сортировка по алфавиту и удаление повторений. Параллельно с созданием списка терминосоочетаний предусмотрено составление матрицы частоты совместной встречаемости гиперлексем, которая используется при дальнейшей обработке. Следующий этап алгоритма заключается в анализе попарной дистрибутивной связанности терминологических однословных единиц и в вычислении меры их смыслового сходства, «расстояния» в каком-либо избранном интервале текста. Эта степень смыслового сходства контекстуальных окружений становится мерой смысловой связанности, ассоциативности двух слов.

На основе этой информации ручным (или компьютерным) способом строится граф связности гиперлексем для дальнейшего исследования текстового массива. Граф — это один из наиболее удачных вариантов получения визуальной информации, т.к. в нем указывается не только прямой или опосредованный характер связей, но и уровни и сила связей. В результате выявляются градации силы и последовательности связей терминологических гиперлексем, формируется смысловая, семантическая карта данного текста, которая может выступать в качестве иерархически организованного поискового образа документа. При обработке достаточно представительного массива можно получить той или иной степени полноты словарь ассоциативных отношений гипертерминов данной предметной области, который может использоваться, например, для построения тезауруса этой предметной области.

Способ построения графа связности заключается в последовательном переводе матричной информации в графическую форму. Прежде всего, задается порог силы связи между членами пар, ниже которого связи в совокупный граф не включаются. Построение иерархического кластера начинается с обозначения пары гиперлексем (или гиперлексемных терминосоочетаний), находящихся на самом близком «расстоянии» в тексте, т.е. имеющих самую сильную связь. Далее обозначаются с указанием силы связи все гиперлексеммы, связанные с первым членом центральной пары, затем — со вторым. Так организуется второй уровень иерархии зависимостей. Выделяются межуровневые и внутриуровневые связи, формируются кластеры, определяется степень изолированности узлов. Полученная таким образом наглядная информация служит основой для анализа как внутренней структуры текста, так и взаимных связей между текстами в случае смешанных выборок.

Для выявления статистической связи между единицами текста используется алгоритм, основанный на оценке частоты одновременного появления двух единиц (гиперлексем) в одном интервале текста.

Результаты, также как при дистрибутивном анализе, представляются сначала в матричном виде, а затем автоматически переводятся в графическую форму. Для

построения графа статистической связности при установленном уровне значимости выбирается пара гиперлексем или гиперлексемных терминосоочетаний с максимальной силой связи, и от каждого члена пары проводятся связи (ребра графа) к коррелирующей с ним гиперлексемой второго уровня, далее — третьего и т.д. Так же как при построении дистрибутивного графа формируются терминологические гиперлексемные кластеры, каждый из которых может быть интерпретирован.

Эксперимент для оценки алгоритма ДСА [2] заключался в анализе путем дистрибутивной и статистической методик (двух вариантов ДСА) текстов на естественном языке и получении матриц дистрибутивных расстояний между односоставными терминами и терминосоочетаниями (двух-, трех- и четырехсоставными терминами), встречающимися в текстах, а также матриц статистической зависимости между ними. Путем анализа полученных данных, а именно путем построения графов дистрибутивных связей с различными порогами и графов статистической связности с разными уровнями значимости, выяснялись степени покрытия текстов терминологической лексикой при варьировании дистрибутивных порогов и уровней значимости, что играет существенную роль при построении поискового образа документа и других прикладных целей.

При дальнейшем лингвистическом анализе семантических сетей (графов), полученных при разных дистрибутивных порогах и статистических уровнях значимости, выяснялись специфические отношения между отдельными членами семантической сети и целыми кластерами и проводилась лингвистическая интерпретация полученных корреляций.

Сравнивать и оценивать варианты ДСА можно лишь в том случае, когда существует основание для сравнения, т.е. тождество основных существенных параметров при варьировании значения одного и не более сопоставительного параметра. Но лингвистический материал редко предоставляет такую возможность. Зачастую выделить один параметр для сопоставления, чтобы получить «чистый» результат, трудно, так же трудно, как уравнивать все остальные параметры системы, чтобы фиксировать их изменение в ответ на изменение одного избранного параметра.

Как уже говорилось, возможные параметры сравнения — полнота и точность лексических единиц графов. Чтобы провести сравнение на этом основании, можно избрать для анализа два графа (дистрибутивный и статистический) при определенном значении дистрибутивного порога и статистического уровня значимости (доверительной вероятности) связей. Сопоставляемым параметром будет разное для двух методик соотношение полноты и точности выявленных результатов. Фиксация, уравнивание в этом случае проводится по экстенсивному параметру — общему объему элементов, связываемых при подбираемом значении дистрибутивного или статистического критерия. Варьирование величин дистрибутивных порогов и статистических уровней значимости предоставляет разнообразную гамму возможностей как в выделении ключевых для данного текста терминов, так и для получения общей информации о покрытии текста терминологической лексикой и специфических отношениях между терминами. Методика автомати-

зированной ДСА позволяет отражать даже слабые связи между заданными словами (терминами), что дает возможность учесть все многообразие связей отдельного термина с другими элементами системы и всей системой в целом.

Важным является то, насколько дистрибутивный и статистический методы чувствительны к типу смысловых связей, т.е. их способность по-разному выделять синтагматические и парадигматические связи из обрабатываемых текстовых массивов. Как при одном, так и при другом методе в совокупных графах представлены оба типа связи. Иначе говоря, применение каждой из двух методик, по всей видимости, не может служить средством преимущественного извлечения того или иного типа связи. Следует оговориться, что этот вывод справедлив для того интервала, на котором проводилось исследование — одно предложение. При изменении интервала, например, при переходе на контактный, двухсловный интервал, результаты могут быть иными. Возможна более сильная реакция статистической методики на синтагматические связи. Расширение интервала за пределы предложения должно, по-видимому, привести к преимущественной чувствительности на парадигматические связи слов со стороны дистрибутивной методики.

Большая часть связей, полученных в эксперименте при оптимальных и жестких дистрибутивных порогах и статистических уровнях значимости, была интерпретирована и могла бы включаться в понятийные классификации. Вместе с этим необходимо отметить, что ДСА имеет принципиальные ограничения, связанные с вероятностным характером той информации, которая в нем используется. Собственно семантические характеристики слова в полном объеме и в точном соответствии не могут быть реализованы в сочетаемостных характеристиках.

Качественные различия между дистрибутивным и статистическим методами заключаются в особенностях их функционирования на текстах с разными характеристиками. Применение дистрибутивной и статистической методик на разных в жанровом отношении текстах позволяет автоматически их различать. Жанровая атрибуция текстов проводится по различиям в типах графов. Соотношение терминологических гиперлексем, не связанных по дистрибутивному критерию и связанных по статистическому и наоборот для одного и того же текста, характеризует его структуру: смешанный или однородный, написанный одним автором или группой авторов, что можно активно использовать при атрибуции текста или при процедуре лингвистической экспертизы текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги эксперимента, стоит отметить, что, прежде всего, исследования подобного рода важны для оценки существующих формальных методов исследования языка с целью их последующего использования в автоматизированных словарно-терминологических службах информационно-поисковых систем. Обработка корпусов научно-технических текстов методом дистрибутивно-статистического анализа дает возможность поддерживать в актуальном состоянии отраслевые тезаурусы, классификаторы, исследовать системные отношения и изменения ядерной и периферийной лексики, проводить автоматическое индексирование документов определенной предметной области, создавать отраслевые словари, различать

жанры в лингвистических корпусах, т.е. описанный комплексный метод входит в состав современных методов автоматизированной обработки текста и является вполне продуктивным аппаратом анализа текстовой информации.

Г.П. Мельников в свое время писал, что в такой системе, как язык, непрерывно происходит «стихийный „естественный отбор“ языковых средств, т.е. процесс самоорганизации, на каждом ярусе вырабатывается оптимальное динамическое решение между субстантными возможностями и структурой, наиболее подходящей для этой субстанции, причем структура и субстанция каждого яруса влияет на все остальные ярусы» [4 С. 97; 5]. Это наблюдение поддерживает понятие системной лингвистики, а метод дистрибутивно-статистического анализа, являющийся с одной стороны сугубо квантитативным, лингвостатистическим, с другой стороны, благодаря обращению к дистрибуции, выявляющей смысловую близость языковых единиц, можно считать системным и вполне применимым в рамках заявленного Г.П. Мельниковым направления — системной лингвистики.

© Максименко О.И.

Дата поступления: 08.10.2018

Дата приема в печать: 16.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Шайкевич А.Я.* Дистрибутивно-статистический анализ текстов: дисс. ... докт. филол. наук. Москва, 1979.
2. *Максименко О.И.* Формализованная лингвистика. Москва: изд-во МГОУ, 2013.
3. *Шрейдер Ю.А., Шаров А.А.* Системы и модели. Москва: Радио и связь, 1982.
4. *Мельников Г.П.* Азбука математической логики. Москва: Знание, 1967.
5. *Мельников Г.П.* Бодуэновское понимание системности языка // Рождественский Ю.В. (ред.) *Языковая практика и теория языка*, вып. 2. Москва: Изд-во Московского университета, 1978. С. 32—51.

УДК: 81:005:004

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-92-100

AUTOMATIC DISTRIBUTIVE-STATISTIC ANALYSIS AS SYSTEM TEXT PROCESSING

Olga I. Maksimenko

Moscow Regional State University,
10A, Radio str., Moscow, Russia, 105005,

Abstract. The article is devoted to the to the description of the automatic distributive-statistic analysis, distinction in distributive and statistical approaches for the analysis of terminological lexicon, an opportunity of application of the method for automatic text processing, formation of thesauruses and possibility to use it for the identification text genre in the corpse of technical texts.

Key words: distributive-statistical analysis, hyper lexeme, corpse, text, system

REFERENCES

1. Shaikevich, A.J. (1979). Distributive and statistical text analysis [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
2. Maksimenko, O.I. (2013). Formalized linguistics. Moscow: MGOU. (In Russ.).
3. Shrejder, J.A. & Sharov, A.A. (1982). Systems and Models Moscow: Radio and communication. (In Russ.).
4. Mel'nikov, G.P. (1967). The ABC of the mathematical logic. Moscow: Znaniye. (In Russ.).
5. Mel'nikov, G.P. (1978). Boduenovskoye's understanding of language systemacy In J.V. Rozhdestvenskij (Ed.) *Language practice and the theory of language*, 2. Moscow: Publishing house of the Moscow University. pp. 32—51. (In Russ.).

Для цитирования:

Максименко О.И. Автоматизированный дистрибутивно-статистический анализ как системная обработка текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 92—100. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-92-100.

For citation:

Maksimenko O.I. (2019). Automatic distributive-statistic analysis as system text processing. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 92—100. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-92-100.

Сведения об авторе:

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; *научные интересы*: квантитативная лингвистика, лингвосомиотика, теория интерпретации, теория номинации; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru

Information about the author:

Olga I. Maksimenko, Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of theoretical and applied linguistics, Institute of linguistics and intercultural communication, Moscow state regional University; *research interests*: quantitative linguistics, linguosemiotics, theory of interpretation, theory of nomination; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru

УДК: 81:005:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-101-107

СВОЕОБРАЗИЕ КОММУНИКАТИВНОГО РАКУРСА РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ С ПОЗИЦИИ СИСТЕМНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

И.Д. Тодорова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена описанию своеобразия коммуникативного ракурса русской языковой системы с позиций системной лингвистики (или системной типологии языков — теория системно-типологической языковой детерминанты Г.П. Мельникова). Достижения системного подхода к языку позволили определить внутренние формы — внутренние детерминанты четырех морфологических типов языков, выявленных В. фон Гумбольдтом. С позиций системной лингвистики внутренняя детерминанта русского языка является событийной. По Г.П. Мельникову, одними из странных или загадочных особенностей русского языка являются некоторые нестандартные конструкции — «несобытийные» сюжеты, выражаемые метафорическими способами.

В статье на ряде примеров будет осуществлена попытка проиллюстрировать эти «несобытийные» предложения и объяснить их событийность с позиции Г.П. Мельникова.

Ключевые слова: системная типология языков, внутренняя детерминанта, событийный коммуникативный ракурс

ВВЕДЕНИЕ

Развитие системного подхода к языку И.А. Бодуэна де Куртенэ, учение В. Гумбольдта о социальной природе человека и его языка как их внутреннем свойстве стали для Г.П. Мельникова главными основами для создания его лингвистической концепции. Авторитетный ученый Л.Г. Зубкова во вступительной статье к «Системной типологии языков» [1] отмечает, что ученый обращался к самым разным подходам для развивая методологических установок, и находил в них научно состоятельные результаты, продемонстрировал высокий уровень преемственности в науке, выработал свой методологический подход для изложения системы принципов и понятий системной типологии языков и отношения этой системы к принципам и понятиям иных типологических концепций.

Соотношение постулатов современной науки о языке, являющихся прямым продолжением идей основоположников системного языкознания (Гумбольдт, Бодуэн де Куртенэ, Срезневский, Потенция и др.), с понятиями и категориями материалистической диалектики стали основой для концепции Г.П. Мельникова [2. С. 5].

В своих исследованиях Г.П. Мельников рассматривал все проблемы лингвистики и все аспекты и уровни языка: «объект, предмет и методы языкознания; язык и общество; функция языка в обществе как надсистеме; язык — сознание

(внеязыковое и языковое) — действительность; языковой знак; общее, особенное и отдельное в языке; природа межъязыковых различий; развитие языка <...> фонологии, морфологии, синтаксиса, лексической и грамматической семантики. В своих трудах ученый решает основополагающие вопросы как общего, так и частного языкознания на материале языков различных типов и семей — индоевропейских, урало-алтайских (прежде всего тюркских), семитских, банту, китайско-тибетских» [2. С. 6—7].

В последние годы наблюдается большой интерес к трудам знаменитого ученого среди коллег — ученых, последователей и учеников Г.П. Мельникова (А.Ф. Дремов, С.А. Лутин, О.И. Валентинова, С.Ю. Преображенский, М.А. Рыбаков, У.М. Бахтикиреева и др.), что и является доказательством о продуктивности системной лингвистики.

Одним из важных вкладов Г.П. Мельникова в науку о языке стало определение *внутренних детерминант четырех морфологических типов языков*, выделенных В. Гумбольдтом. Инкорпорирующему, агглютинирующему, флективному, корнеизолирующему типам в концепции Г.П. Мельникова характерны соответственно обстановочная (качественно), признаковая, событийная, окказиональная внутренние детерминанты (главные коммуникативные ракурсы, внутренние формы 4-х морфологических типов). Это достижение ученого предоставило возможность объяснять, прежде всего, функциональные связи между семантическим своеобразием языка и особенностями условий общения в языковом социуме, «провоцирующими» соответствующую модификацию функций языка.

ОБСУЖДЕНИЕ

1. Методологическая основа. В качестве методологической базы, посвященной осмыслению своеобразия коммуникативного ракурса русской языковой системы с позиций системной лингвистики, обращаемся к *системно-типологической теории языковой детерминанты* Г.П. Мельникова.

Л.Г. Зубкова во вступительной статье к «Системной типологии языков» [1] отмечает, что продуктивность идей и общей лингвистической концепции Г.П. Мельникова стала ощущаться языковедами с конца 60-х годов XX века. Рамки сравнительно-исторической и системно-структурной лингвистики к этому времени стали тесны для изучения сложной сущности языка [1. С. 7]. Новые работы российских лингвистов актуализируют системное учение Г.П. Мельникова [3; 4].

Понятие внутренней детерминанты, сформулированное ученым, как особого свойства системы, развивающегося в направлении оптимальной адаптации к выполнению функционального запроса надсистемы, послужило фундаментом для создания им новой философско-методологической базы — системологии — общей теории систем. Эта наука о системах была разработана в соответствии с основными идеями основоположников системной лингвистики (Гумбольдт, Бодуэн де Куртенэ, Срезневский, Потенбня и др.) и соотношении с понятиями и категориями материалистической диалектики. Созданная им лингвистическая

школа — системная лингвистика — наиболее полное развитие получила в дисциплине, которую ученый назвал системной типологией языков [5. С. 13—21]. Системная типология языков Г.П. Мельникова, отмечает Л.Г. Зубкова, — это система типологий [1. С. 6, 9].

2. Внутренняя детерминанта. В концепции Мельникова понятие внутренней формы получает осмысление в понятии внутренней детерминанты. Согласно Г.П. Мельникову внешняя детерминанта языков определяется факторами, которые связаны с конкретными сторонами жизни народа. Они, со своей стороны, оказывают влияние на другие характеристики и свойства национальной культуры. С позиции системной лингвистики можно «более глубоко понять те корреляции между ‘национальным духом’ и ‘духом языка’, на которые указывали В. фон Гумбольдт и его последователи» [1. С. 26].

Основное проявление внутренней формы языка, в которой реализуется внутренняя детерминанта системы, Г.П. Мельников считал *именно в коммуникативном ракурсе — особенностях смысловой схемы типовых высказываний*. Учитывая то, что «смысл типичного высказывания как внутренняя форма сообщения должен быть приспособлен для преобразования типичных поводов в типичном аспекте при формировании типичных, для рассматриваемых условий общения, сюжетов и при типичных временных и пространственных межкоммуникационных интервалах», то «язык как адаптивная коммуникативная система должен обладать определенными особенностями коммуникативного ракурса» [1. С. 128].

С позиций системной лингвистики *внутренняя детерминанта русского языка* является *событийной*. По Г.П. Мельникову, одними из странных особенностей русского языка являются некоторые нестандартные конструкции — «несобытийные» сюжеты, выражаемые метафорическими способами.

В статье на ряде примеров осуществляется попытка проиллюстрировать и осмыслить эти «несобытийные» предложения и объяснить их событийность с позиции Г.П. Мельникова.

3. Дополнительные аргументы. В продолжение долгих лет Г.П. Мельников проводил исследования в области языка, и на их основании он выделил четыре внутренние детерминанты как четыре главных коммуникативных ракурса и соответственно четыре внутренние формы, которые характеризуют выделенные В. Гумбольдтом морфологические типы языков: *обстановочная* — инкорпорирующий тип, *(качественно) признаковая* — агглютинирующий тип, *событийная* — флективный тип, *оказиональная* — изолирующий тип [2. С. 17].

Ученый исходил из понимания, что инкорпорирующие языки образуются на основе коммуникативных потребностей малых коллективов охотников-собирателей; агглютинативные языки, со своей стороны, присущи для коллективов животноводов-кочевников, общение между которыми часто прерывались из-за выпаса скота на летних пастбищах; флективные языки, характерные для оседлых коллективов земледельцев, для которых очень важна высокая помехоустойчивость языка, изолирующие языки свойственны для неоднородных языковых коллективов, для которых наиболее важно легкое поддержание текущих контактов [1. С. 17].

По Г.П. Мельникову, формирование языка происходит в зависимости от потребностей носителей языка и условий их вживания в окружающую среду. В связи с этим можно установить, что зарождение индоевропейского строя началось, еще когда племена охотников-собирателей делали попытки усвоить культуру земледелия. Вследствие этого меняется их образ жизни. Таким образом, население начинает увеличиваться и начинает теряться возможность сохранить общение между членами данной группы, существующее до этого. Для более успешной коммуникации в группе ее члены должны максимально взаимодействовать между собой, а это возможно только благодаря надежному способу передачи информации. Именно поэтому формируется такая система языка, которая предохраняет от недопонимания между членами языковой группы [1. С. 17].

4. Способы достоверной передачи информации между адресатом и адресантом. В русском языке довольно часто можно заметить элементы, повторяющие определенную информацию [6. С. 13]. Например, в словосочетании *голубой потолок* — голубой, как и слово *потолок*, имеет значение мужского рода, единственного числа, именительного падежа. Если, например, скажем слово *крашеный*, то в сознании появляется ассоциация со существительным мужского рода, единственного числа, именительного падежа, вследствие чего адресант и адресат уверены, что они правильно понимают друг друга. Но, допустим, если произнести слово *крашеный*, а за ним слово *розетка*, то это ошибка вызывает сомнения в сознании нашего собеседника. Таким образом, система языка построена так, чтобы при возникновении сомнения и его предотвращения выяснялась причина, исправлялась и коммуникация продолжилась дальше.

По Г.П. Мельникову, есть еще один очень надежный способ для увеличения понимания информации. Говорящий должен подавать информацию таким образом, чтобы собеседник мог бы предугадать, что будет следовать дальше. Для того, чтоб адресат смог предугадывать, сюжет должен подаваться как описание картины с причинно-следственными связями. Если нам известна причина, то коммуниканты предугадывают дальнейшую развертку событий. И когда догадки получают подтверждение, то это означает, что все правильно понято. Поэтому русскоговорящим людям нужно любое содержание представить нашему собеседнику в виде развивающегося события. Индоевропейские языки, обладая сложной грамматической системой, обеспечивающей возможность слушающему предугадать в наибольшей степени, что будет в конце, приспособлены к подаче информации как развивающегося события.

Вместе с тем в таком типе языков сложнее бывает описать, например, пейзаж и картину, где все статично и нет никакого развивающегося события. В каждом языке есть такие сюжеты, которые удобно выразить, есть и такие, которые сложно. «Так, для русского языка неудобны сюжеты, содержание которых трудно подвести под разряд развивающихся актуальных событий. К числу таких сюжетов относятся картины состояния, бытийные, посессивные и родовидовые, где вообще нет действия, а если они и связаны с представлениями о действиях, то лишь о нереальных, например в сослагательных и условных предложениях» [1. С. 120].

В случае, если у сюжета отсутствует динамика, то мы можем и подобрать метафору, чтобы то, о чем мы рассказываем, выглядело, как развивающееся событие. Например, отмечает ученый, мы подаем информацию: *Москва — столица России*. В данном примере мы не наблюдаем никакого развивающегося действия. Но при помощи метафоры мы можем оживить свою речь и сказать: *Москва представляет собой столицу России*. Таким образом мы уже внесли динамику в предложение, и в нашем сознании это воспринимается, как будто Москва совершает какое-то действие.

Г.П. Мельников, говоря о предложениях, описывающих состояние дел, относил их также к тем предложениям, в которых отсутствует динамика. Но поскольку уже выяснилось, что русский язык стремится превратить несобытийные сюжеты в событийные, то с помощью метафоры мы можем описать состояние дел как событийное действие. Если мы скажем: *Сентябрь!, Заморозки!, Зима!, Красные щеки!*, то наш собеседник не воспримет легко содержание нашего высказывания. А если например, скажем так: *Идет сентябрь; Приходят заморозки; Стоит зима; Щеки горят*, мы используем метафору и таким образом, превращаем неразвивающиеся события в развивающиеся, для наиболее яркого понимания картины происходящего.

Еще один способ, благодаря которому, по мнению Г.П. Мельникова, можно превратить обычное высказывание в развивающееся действие — способ словообразования. Каким образом в русском языке суффиксы со значением участника события: *-тель*, и *-щик*, и *-ник*, *-ун* выражают событийно и не событийные сюжеты? Например, суффиксы *-тель*, *-ун* выражают существительное со значением деятеля, но все-таки между ними существует разница. Например, слова: *обогреватель* и *прыгун* — чаще всего слова со суффиксом *-тель* имеют приставку. Кроме слова *обогреватель* можно сказать какое-нибудь другое слово: *согреватель*, *подогреватель* и т.д. Если рассмотрим глагол *обогреть*, то для носителя русского языка очевидно, что кто-то или что-то является подогревающим, а что-то — подогреваемым. В слове же *прыгун* нет приставки. В русском языке при развивающемся событии всегда указывается инициатор действия и тот, на кого переходит само действие. А в примере с суффиксом *-ун* прыгун прыгает только для себя, а само действие ни на кого не переходит, лишь указывает на инициатора [1. С. 14].

Весь строй русского языка, с точки зрения системной типологии языков, пронизан чувством событийности и именно этим можно объяснить многие его, казалось бы, «странные особенности» [1. С. 10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работы Г.П. Мельникова по системной лингвистике важны для осмысления коммуникативного ракурса русского языка и его внутренней детерминанты. Важнейшее проявление внутренней формы языка, в которой реализуется внутренняя детерминанта системы, Г.П. Мельников усматривал именно в коммуникативном ракурсе — особенностях смысловой схемы типовых высказываний. Достижение Г.П. Мельникова объясняет функциональные связи между семантическим своеобразием языка и особенностями условий общения в языковом коллективе.

В его трудах по системной лингвистике даются ответы на многие вопросы, которые долго не получали нужный ответ. Согласно Геннадию Прокопьевичу, разрабатываемая им системная типология есть систематика языков в духе И.А. Бодуэна де Куртенэ, т.е. система типологий. В его концепции понятие внутренней формы конкретизируется в понятии внутренней детерминанты как функционально наиболее важного свойства языкового строя, но не отдельного языка, а языкового типа. В качестве характеристик внешней детерминанты Г.П. Мельников выделяет те особенности языкового коллектива и условий общения, которые наиболее непосредственно оказывают влияние на том, насколько близко мировоззрение у членов коллектива, относительно каких его фрагментов чаще всего возникает дефицит информации у членов коллектива и в каком именно отношении, в эта информация должна исправлять и преобразовывать такие фрагменты в процессе общения.

© Тодорова И.Д.

Дата поступления: 18.11.2018

Дата приема в печать: 26.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л.Г. Зубкова. М.: Наука, 2003.
2. Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. М.: Языки славянской культуры, 2010. (*Studia philologica*); [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/zubkova.htm> (дата обращения: 15.10.18).
3. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.
4. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Забытые парадигмы языкознания: системология Г.П. Мельникова // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, 2016. № 5. С. 85—90.
5. Лутин С.А. Истоки и суть детерминантного подхода к языку как системе (памяти Г.П. Мельникова) // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика.* 2006. по 2(8). С. 13—21.
6. Мельников Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков составной. Москва: Изд-во РУДН, 2000.

УДК: 81:005:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-101-107

THE PECULIARITY OF THE COMMUNICATIVE PERSPECTIVE RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM FROM THE STANDPOINT OF SYSTEMIC LINGUISTICS

Ivelina D. Todorova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the description of the peculiarity of the communicative perspective of the Russian language system from the standpoint of systemic linguistics (or the system typology of languages — the theory of the system-typological language determinant G.P. Mel'nikov). Achievements

of a systematic approach to the language allowed to determinants the internal forms — the internal determinants of the four morphological types of languages identified by V. von Humboldt. From the standpoint of systemic linguistics, the internal determinant of the Russian language is event-driven. According to G.P. Mel'nikov, one of the strange features of the Russian language are some non-standard constructions — “non-event” plots expressed in metaphorical ways.

In the article on a number of examples to attempt to illustrate and comprehend these “non-eventual” sentences and explain their eventfulness from the position of G.P. Mel'nikov.

Key words: systemic linguistics and systemic typology of languages, internal determinants, eventfulness, event communication perspective, developing event

REFERENCES

1. Mel'nikov, G.P. (2003). System typology of languages: Principles, methods, models, L.G. Zubkova (Ed.). Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Zubkova, L.G. (2010). The principle of sign in the system of language. Moscow: Languages of Slavonic culture. *Studia philologica*. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/zubkova.htm> (accessed: 15.10.18). (In Russ.).
3. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrazhensky, S.Yu. & Rybakov, M.A. (2016). Systemic approach to the basis of philological thought. *Language. Semiotics. Culture*. Moscow: YASK. (In Russ.).
4. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrazhensky, S.Yu. & Rybakov, M.A. (2016). Forgotten Paradigms of Linguistics: Systemology by G.P. Mel'nikov. *Forgotten paradigms of linguistics: G.P. Mel'nikov's systemology, Philological sciences. Scientific Essays of High Education*, 5, 18—39. (In Russ.).
5. Lutin, S.A. (2006). The origins and essence of the deterministic approach to the language as a system (in memory of G.P. Mel'nikov). *Russian Journal of Linguistics*, 2, 13—21. (In Russ.).
6. Mel'nikov, G.P. (2000). Systemic typology of languages: synthesis of morphological and stadial classifications. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.).

Для цитирования:

Тодорова И.Д. Своеобразие коммуникативного ракурса русской языковой системы с позиции системной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 101—107. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-101-107.

For citation:

Todorova, I.D. (2019). The peculiarity of the communicative perspective Russian language system from the standpoint of systemic linguistics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 101—107. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-101-107.

Сведения об авторе:

Тодорова Ивелина Димова, аспирант кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; *научные интересы*: системология, лингвистическая типология, типология, витальность языков; *e-mail*: ivelina_todorova@mail.ru.

Information about the author:

Ivelina D. Todorova, PhD student Department of Russian language and intercultural communication, Faculty of humanities and social sciences, Peoples' Friendship University of Russia; *research interests*: systemology, linguistic typology, typology, vitality of languages; *e-mail*: ivelina_todorova@mail.ru.

ДЕТЕРМИНАНТНЫЙ АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК: 81'44:005:316.775

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-108-120

КОЛИЧЕСТВО УЧАСТНИКОВ КАК ФАКТОР КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ: ТИПОЛОГИЯ СИТУАЦИЙ С ТРЕМЯ УЧАСТНИКАМИ

З.К. Темиргазина

Павлодарский государственный педагогический университет
ул. Мира, д. 60, Павлодар, Республика Казахстан, 140003

Актуальность исследования коммуникативных ситуаций с тремя участниками обусловлена, во-первых, тем, что прагмалингвистические характеристики такой формы речевого взаимодействия, как трилог, должны стать основой для разработки программ чат-роботов — виртуальных собеседников; во-вторых, традиционное понимание коммуникативной ситуации без учета количества участников не позволяет до конца выявить особенности речевого поведения человека в малых речевых группах. Коммуникативная ситуация с тремя участниками имеет ряд прагматических признаков, обусловленных ограниченным числом участников речевого общения; закономерностями смены основных ролей коммуникантов — говорящего и слушающего — между тремя участниками; конфигурацией участников и характером их взаимоотношений; ролевым статусом третьего лица и другими обстоятельствами, влияющими на интенциональный и содержательно-семантический аспекты высказываний.

Для типологизации коммуникативных ситуаций с тремя участниками важны конфигурация участников и характер отношений между ними, именно они определяют остальные прагматические признаки коммуникативной ситуации. На основании этих признаков выделяют три основных типа коммуникативной ситуации: в первом типе каждый из трех коммуникантов выступает полноправным участником речевого общения, вступая по мере необходимости поочередно в разговор с различными иллокутивными намерениями; во втором типе один из коммуникантов — говорящий, оставшиеся два — адресаты; в третьем типе первые два коммуниканта — основные участники (говорящий и адресат), а третий участник — неосновной, факультативный. «Третье лицо» может занимать определенный статус в коммуникативной ситуации в зависимости от степени своей вовлеченности в общение: от минимальной степени до высокой.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, трилог, количество участников, тип коммуникативной ситуации, смена ролей, коммуникант, «третье лицо», степень вовлеченности в общение, говорящий, адресат

ВВЕДЕНИЕ

Членение коммуникативного потока с целью более детального описания процесса коммуникации предполагает использование понятия «коммуникативная ситуация» как элементарного уровня членения. Коммуникативные ситуации —

это микроситуации общения, представляющие собой «максимально густой коммуникативный фильтр, позволяющий зафиксировать набор весьма конкретных ситуаций вербального общения, отличающихся друг от друга характером ролевых взаимоотношений между коммуникантами, тематикой, внешними обстоятельствами общения и пр.» [1. С. 39].

Это узкое понимание термина, который имеет и более широкое толкование: коммуникативная ситуация — это синхронное состояние коммуникации в той или иной национально-территориальной общности, характеризующееся: 1) общим объемом коммуникативного пространства; 2) количеством и типом составляющих это пространство коммуникативных сфер; 3) особенностями коммуникативных процессов в них [2]. Мы же в своей работе опираемся на узкое понимание коммуникативной ситуации (КС) как элементарной структурной организации ситуации общения. В ней «выделяют следующие структурные компоненты: говорящий; слушающий; отношения между говорящим и слушающим; тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская); цель; средство общения (язык, диалект, стиль, параязыковые средства — жесты, мимика); способ общения (устный/письменный, контактный/дистантный); место общения. При этом изменение хотя бы одного структурного компонента коммуникативной ситуации приводит к ее изменению, т.е. возникновению другой коммуникативной ситуации» [3. С. 41].

Соглашаясь с этим достаточно распространенным и устоявшимся в теории речевой коммуникации определением КС и ее компонентов, мы бы хотели отметить необходимость учета в структуре КС количества участников и их иерархии с точки зрения вклада в речевое общение как одного из существенных факторов, определяющих речевое поведение коммуникантов.

Фактор количества участников, а точнее, адресата (индивидуальный, групповой, массовый) в существующих научных исследованиях учитывается при разделении коммуникации на межличностную, групповую и массовую. Однако мы говорим о количестве участников в малых речевых группах из нескольких человек в сфере устной межличностной коммуникации.

Исследование коммуникативных ситуаций с ограниченным количеством участников представляет значительный теоретический и прикладной интерес для теории речевой коммуникации и прагмалингвистики, в частности, для теории и практики межличностной устной коммуникации, поскольку выявляет зависимость речевого поведения человека от количества участников, обусловленность смены ролей участников различными факторами, специфику и статус неосновных участников («третьих лиц»). Не вызывает сомнения, что количество участников обуславливает их речевое поведение в таких устных разговорных жанрах, как «разговор tête-à-tête», «разговор с глазу на глаз» и т.п., в которых число коммуникантов ограничивается двумя.

В нашей же работе мы проанализируем прагматические особенности и выявим типы КС с тремя участниками.

Как известно, в межличностной устной коммуникации участники выступают в роли говорящего либо слушающего. Говорящий — тот, кто осуществляет вербальные коммуникативные действия, а слушающий — тот, кому адресовано

речевое действие. Эти роли в диалоге непостоянны и меняются в зависимости от целенаправленности речевых действий: говорящий становится слушающим, а слушающий — говорящим. «Говорящий есть всегда первый приемный пункт собственных коммуникативных усилий. Он вслушивается в себя, познает свою речь, и такое самопознание выводит на поверхность речевой деятельности интерперсональные проблемы коммуникации» [4. С. 92]. Адресат — это тот, кто принимает адресованное ему сообщение, анализируя и интерпретируя его. «Собственно коммуникативная роль слушающего/читающего заключается в словесной реакции — ответном речевом действии, замысел и исполнение которого, как считают исследователи, возникает на высшем уровне процесса восприятия и понимания» [4. С. 90].

Общение между двумя участниками с поочередной сменой инициативы: говорящий становится слушающим, а слушающий — говорящим, является наиболее элементарным случаем межличностной устной коммуникации. Традиционно ученые выделяют такие формы речевого взаимодействия, как монолог, диалог, полилог. Некоторые исследователи полагают, что данная система не охватывает все возможные варианты речевого взаимодействия, и выделяют трилог как особую форму речевого взаимодействия [5; 6]. На самом деле, если участников речевого общения не два, а три, то такая коммуникативная ситуация, в свою очередь, обладает рядом прагматических характеристик, обусловленных различными факторами. К ним относится, в первую очередь, ограниченное число участников речевого общения; закономерности смены основных ролей коммуникантов — говорящего и слушающего — между тремя участниками; конфигурация участников в ситуации и характер их взаимоотношений; специфика ролевого статуса третьего лица; обстоятельства, определяющие интенциональный и содержательно-семантический компоненты речи в данной коммуникативной ситуации.

ТИПЫ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ С ТРЕМЯ УЧАСТНИКАМИ

В зависимости от этих факторов можно выстроить типологию коммуникативных ситуаций, в которых участвуют три человека. Ведущим основанием типологии выступают конфигурация участников и характер отношений между ними, именно они определяют остальные прагматические признаки коммуникативной ситуации. На основании названных признаков выделяется три основных типа коммуникативной ситуации.

Так, в первом типе (КС1) каждый из трех коммуникантов выступает полноправным участником речевого общения, вступая по мере необходимости поочередно в разговор с различными иллокутивными намерениями; во втором типе (КС2) один из коммуникантов — говорящий, речь которого адресована оставшимся двум участникам; в третьем типе (КС3) первые два коммуниканта являются основными участниками (говорящим и адресатом), а третий участник является неосновным, необязательным. Наиболее интересным и разнообразным в прагмалингвистическом смысле представляется тип КС3, так как в нем проявляется специфический вид участника коммуникации — третье лицо. Рассмотрим далее указанные типы КС.

1. Коммуникативная ситуация 1-го типа

Тип КС1:

Варварушка опять взглянула на образ и перекрестилась.

— Да, никто меня не берет, Спиридоновна, — сказала Анна Акимовна, чтобы переменить разговор. — Что поделаешь?

— Сама виновата, мать. Все ждешь благородных да образованных, а шла бы за своего брата-купца.

— Купца не нужно! — сказала тетушка и встревожилась. — Спаси, царица небесная! Благородный деньги твои промотает, да зато жалеть тебя будет, дурочка. А купец заведет такие строгости, что ты в своем же доме места себе не найдешь. Тебе приласкаться к нему хочется, а он купоны режет, а сядешь с ним есть, он тебя твоим же куском хлеба попрекает, деревенщина!.. Выходи за благородного (Бабье царство. А.П. Чехов).

Все участники вступают в разговор в зависимости от интенциональных намерений друг друга: жалоба Анны Акимовны с целью смены темы разговора вызывает обвинение со стороны Варвары Спиридоновны и пожелание выходить замуж за купца, что в свою очередь провоцирует реплику тетушки, выступающей против такого предложения и предлагающей выходить замуж за благородного. Все иллокутивные функции коммуникантов обусловлены и взаимосвязаны между собой. Схематично их можно представить следующим образом:

У1 (говорящий) → У2 (адресат)

У3 (слушатель)

У2 (говорящий) → У1 (адресат)

У3 (слушатель)

У3 (говорящий) → У1, У2 (адресаты)

КС1: *Не читает Елена.*

Николка, наконец, не выдерживает:

— Желал бы я знать, почему так близко стреляют? Ведь не может же быть...

Сам себя прервал и искажился при движении в самоваре. Пауза. Стрелка переползает десятую минуту и — тонк-танк — идет к четверти одиннадцатого.

— Потому стреляют, что немцы — мерзавцы, — неожиданно бурчит старший.

Елена поднимает голову на часы и спрашивает:

— Неужели, неужели они оставляют нас на произвол судьбы? — Голос ее тосклив.

Братья, словно по команде, поворачивают головы и начинают лгать.

— Ничего не известно, — говорит Николка и обкусывает ломтик. — Это я так сказал, гм... предположительно. Слухи.

— Нет, не слухи, — упрямо отвечает Елена, — это не слух, а верно; сегодня видела Щеглову, и она сказала, что из-под Бородянки вернули два немецких полка.

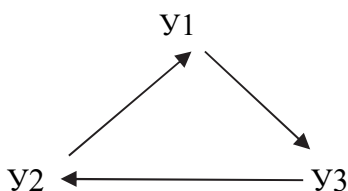
— Чепуха.

— Подумай сама, — начинает старший, — мыслимое ли дело, чтобы немцы подпустили этого прохвоста близко к городу? Подумай, а? Я лично решительно не представляю, как они с ним уживутся хотя бы одну минуту. Полнейший абсурд. Немцы и Петлюра. Сами же они его называют не иначе, как бандит. Смешно (Белая гвардия. М.А. Булгаков).

Оба брата Турбиных стремятся успокоить встревоженную стрельбой и военной обстановкой сестру, убедить ее в том, что в городе все в порядке. В КС1 довольно часто встречается следующая конфигурация участников: двое объединены общей интенцией по отношению к третьему участнику, выступают как союзники, партнеры (как показано в ситуации выше), или два участника объединяются и выступают против третьего участника в споре, в столкновении, в борьбе, например:

- Бей! Бей!
— Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза.
— Полно, полно, Фома, — закричал я, — оставь его...бог с ним.
— Не стану я молчать, — продолжал несчастный. — Все едино — околевать-то! Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету... Да постой, недолго тебе царствовать! Затянут тебе глотку, постой!
Бирюк схватил его за плечо... Я бросился на помощь мужику...
— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.
Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку... (Бирюк. И.С. Тургенев).

В КС1 осуществляется закономерная последовательная смена ролей участников, в ходе которой возможно изменение темы разговора, многократный переход от одной темы к другой, речевое общение может занимать достаточно длительное время; разговор участников характеризуется интенциональным разнообразием. Интенциональную структуру и конфигурацию участников можно представить в самом общем виде, обозначив участников У1, У2, У3, где стрелки отражают переход коммуникативной инициативы от одного участника к другому:

Замкнутость коммуникативного цикла, ограниченность числа участников, постоянная смена ролей обеспечивают длительность речевого контакта в данной КС1.

2. Коммуникативная ситуация 2-го типа

Рассмотрим далее коммуникативную ситуацию второго типа — КС2:

Во время всенощной ей показалось, что отец плакал, и теперь, когда они втроем сидели на террасе, она делала над собой усилия, чтобы не думать об этом.

— Как счастливы Будда и Магомет или Шекспир, что добрые родственники и доктора не лечили их от экстаза и вдохновения! — сказал Коврин. — Если бы Магомет принимал от нервов бромистый калий, работал только два часа в сутки и пил молоко, то после этого замечательного человека осталось бы так же мало, как после его собаки. Доктора и добрые родственники в конце концов сделают то, что человечество отупеет, посредственность будет считаться гением и цивилизация погибнет. Если бы вы знали, — сказал Коврин с досадой, — как я вам благодарен!

Он почувствовал сильное раздражение и, чтобы не сказать лишнего, быстро встал и пошел в дом (Черный монах. А.П. Чехов).

Татьяна и ее отец являются непосредственными адресатами саркастических сетований Коврина, но не отвечают ему.

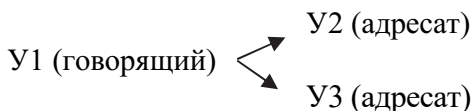
КС2: *В это мгновение вошла Марья Дмитриевна. Лиза встала и хотела удалиться.*

— Пойдите, — неожиданно крикнул ей вслед Лаврецкий. — У меня есть до вашей матушки и до вас великая просьба: посетите меня на моем новоселье. Вы знаете, я завел фортепьяно; Лемм гостит у меня; сирень теперь цветет; вы подышите деревенским воздухом и можете вернуться в тот же день, — согласны вы?

Лиза взглянула на мать, а Марья Дмитриевна приняла болезненный вид; но Лаврецкий не дал ей разинуть рта и тут же поцеловал у ней обе руки. Марья Дмитриевна, всегда чувствительная на ласку и уже вовсе не ожидавшая такой любезности от «тюленя», умилилась душою и согласилась (Дворянское гнездо. И.С. Тургенев).

Лиза проявляет невербальную реакцию (*взглянула на мать*) в ответ на приглашение Лаврецкого, обращенное к ней и матери, поскольку она не может самостоятельно принять приглашение и зависит от решения матери. Марья Дмитриевна, поначалу решившая отказать под предлогом плохого самочувствия, в конце концов соглашается из-за верно выбранных коммуникативных ходов Лаврецкого (*не дал ей разинуть рта и тут же поцеловал у ней обе руки*).

Схематически конфигурацию участников в этой разновидности жанра «разговор троих» можно представить так:

3. «Третье лицо» как участник коммуникативной ситуации 3-го типа

Выше мы уже говорили о том, что в коммуникативной ситуации третьего типа (КС3) возникает специфический вид участника, которого можно назвать **третьим лицом**. Как известно, помимо основных участников, «в речевой ситуации участвуют и другие лица — те, кто является свидетелями, „третьими лицами“, оценивающими происходящее со стороны. Их присутствие — фактор, нередко существенно влияющий на речевое поведение непосредственных участников, на выбор говорящим речевых стратегий, тактик и средств выражения той или иной иллокутивной функции» [7. С. 66]. Зарубежные исследователи также обратили внимание на роль третьего лица в коммуникации. Так, американский социолог В. Дэвисон [8] и психолог Р.М. Перлофф [9] исследовали такое явление коммуникации и речевого воздействия, как «эффект третьего лица» — *third person effect*.

В прагматическом смысле «третьим лицом» можно считать коммуниканта, непосредственно не участвующего в речевом общении, т.е. не являющегося говорящим или адресатом речи, но присутствующего при осуществлении речевого

события и имеющего возможность воспринимать его — слышать, видеть. Коммуникант может находиться при речевом контакте двух людей, обменивающихся репликами. При этом он не вступает в вербальное общение, поскольку реплики адресованы не ему и, соответственно, у него не возникает необходимости говорить. Третьему лицу свойственно оставаться молчаливым при вербальном общении двух основных коммуникантов — говорящего и адресата. Слушающий, от которого ожидают какой-либо реакции, — это второе лицо; слушающий, от которого не ожидают реакции, — это третье лицо. По мнению Г.Г. Кларка и Т.Б. Карлсона, «эскиз аудитории» включает в себя: 1) говорящего; 2) участников; 3) адресата; 4) случайных слушающих [10. С. 283]. В данном «эскизе аудитории» говорящий — это первое лицо, адресат — это второе лицо, а участников и случайных слушающих следует отнести к третьим лицам.

Таким образом, основными характеристиками третьего лица как коммуниканта являются, во-первых, присутствие при вербальном общении двух основных участников — говорящего и слушающего; во-вторых, безадресатность, поскольку реплики говорящего не адресованы ему; в-третьих, отсутствие ожидаемой другими коммуникантами вербальной реакции от него, т.е. молчание. Все эти параметры укладываются в понятие вовлеченности/невовлеченности третьего лица в коммуникативный процесс.

4. Характеристика «третьего лица» по степени вовлеченности в речевое общение

Вовлеченность коммуниканта в речевое общение можно дифференцировать и, соответственно, типологизировать по степени его участия в нем. **Минимальная степень** участия определяется в случае, когда третье лицо выступает в роли незаинтересованного слушателя: он присутствует при речевом контакте двух участников, слышит и видит их, но не проявляет интереса к происходящему в силу разных причин: занятости своими делами и мыслями, равнодушия и проч. Это тот случай, когда говорят: слушает, но не слышит.

КСЗа: Наступает молчание. Из кухни выходит Дарьюшка и с выражением тупой скорби, подперев кулачком лицо, останавливается в дверях, чтобы послушать.

— Эх! — вздыхает Михаил Аверьяныч. — Захотели от нынешних ума!

И он рассказывает, как жилось прежде здорово, весело и интересно, какая была в России умная интеллигенция и как высоко она ставила понятия о чести и дружбе. Давали деньги займы без векселя, и считалось позором не протянуть руку помощи нуждающемуся товарищу. А какие были походы, приключения, стычки, какие товарищи, какие женщины! А Кавказ — какой удивительный край!...

— Царица небесная, матушка... — вздыхает Дарьюшка.

— А как пили! Как ели! А какие были отчаянные либералы!

Андрей Ефимыч слушает и не слышит; он о чем-то думает и прихлебывает пиво.

— Мне часто снятся умные люди и беседы с ними, — говорит он неожиданно, перебивая Михаила Аверьяныча. — Мой отец дал мне прекрасное образование, но под влиянием идей шестидесятых годов заставил меня сделаться врачом (Палата № 6. А.П. Чехов).

КС3а: — *Здравия желаем, — сказал Яков, вводя старуху в приемную. — Извините, все беспокоим вас, Максим Николаич, своими пустяжными делами. Вот, изволите видеть, захворал мой предмет. Подруга жизни, как это говорится, извините за выражение...*

Нахмутив седые брови и поглаживая бакены, фельдшер стал оглядывать старуху, а она сидела на табурете сгорбившись и, тощая, остроногая, с открытым ртом, походила в профиль на птицу, которой хочется пить.

— *М-да... Так... — медленно проговорил фельдшер и вздохнул. — Инфлуэнца, а может и горячка. Теперь по городу тиф ходит. Что ж? Старушка пожила, слава богу... Сколько ей?*

— *Да без года семьдесят, Максим Николаич.*

— *Что ж? Пожила старушка. Пора и честь знать.*

— *Оно, конечно, справедливо изволили заметить, Максим Николаич, — сказал Яков, улыбаясь из вежливости, — и чувствительно вас благодарим за вашу приятность, но позвольте вам выразиться, всякому насекомому жить хочется.*

— *Мало ли чего! — сказал фельдшер таким тоном, как будто от него зависело жить старухе или умереть. — Ну, так вот, любезный, будешь прикладывать ей на голову холодный компресс и давай вот эти порошки по два в день. А за сим досвиданция, бонжур (Скрипка Ротшильда. А.П. Чехов).*

Средняя степень вовлеченности характеризуется проявлением интереса и внимания третьего лица к происходящему перед ним, что проявляется в наблюдении за основными участниками, оценивании их и ситуации в целом. Это роль наблюдателя. Например, в следующей ситуации в этой роли выступает Егор Семеныч, отец Тани:

КС3б: *Егор Семеныч и Таня сидели на ступенях террасы и пили чай. Они о чем-то говорили, но, увидев Коврина, вдруг замолчали, и он заключил по их лицам, что разговор у них шел о нем.*

— *Тебе, кажется, пора уже молоко пить, — сказала Таня мужу.*

— *Нет, не пора... — ответил он, садясь на самую нижнюю ступень. — Пей сама. Я не хочу.*

Таня тревожно переглянулась с отцом и сказала виноватым голосом:

— *Ты сам замечаешь, что молоко тебе полезно.*

— *Да, очень полезно! — усмехнулся Коврин — Поздравляю вас: после пятницы во мне прибавился еще один фунт весу (Черный монах. А.П. Чехов).*

При высокой степени вовлеченности третьего лица в речевое общение он не только проявляет интерес к происходящему, но и реагирует на событие, осуществляет определенные коммуникативные действия — внутренний комментарий, невербальные реакции на услышанное (жесты, мимика). Эти действия носят ограниченный репрезентативный характер: они не проявляются во внешней речи, остаются в рамках внутренней речи или невербального поведения. Эту роль можно назвать ролью заинтересованного слушателя.

На вовлеченность третьего лица в речевую коммуникацию оказывают влияние следующие факторы: знакомство основных участников с ним; родственные, служебные, психологические взаимоотношения; общность обсуждаемой темы

и т.д. Степень вовлеченности влияет на ролевой статус третьего лица, как мы частично показали выше. Наибольшее разнообразие статусов определяется при высокой степени вовлеченности третьего лица.

КСЗв: *Пока хозяйка одевалась, Мишенька, в новом фраке и в лакированных ботинках, ходил по зале и гостиной и ждал, когда она выйдет, чтобы поздравить ее с праздником...*

Когда через залу проходила Анна Акимовна с Машей, он склонил голову вниз и несколько набок и сказал своим приятным, медовым голосом:

— Честь имею поздравить вас, Анна Акимовна, с высокотождественным праздником Рождества Христова.

Анна Акимовна дала ему пять рублей, а бедная Маша обомлела. Его праздничный вид, поза, голос и то, что он сказал, поразили ее своею красотой и изяществом; продолжая идти за своею барышней, она уже ни о чем не думала, ничего не видела и только улыбалась то блаженно, то горько (Бабые царство. А.П. Чехов).

Как мы видим, Маша, не участвуя непосредственно в общении, проявляет высокую степень заинтересованности в происходящем, так как многие годы влюблена в Мишеньку. Это отражается в ее эмоциональном состоянии (*обомлела, поразили ее, уже ни о чем не думала, ничего не видела, только улыбалась то блаженно, то горько*).

Высокая степень вовлеченности в происходящее может кардинально изменить статус третьего лица, когда он перестает ограничиваться ролью заинтересованного слушателя и начинает принимать активное участие в коммуникации в роли говорящего. Это изменение статуса может быть, с одной стороны, ожидаемым для других коммуникантов и неожиданным, с другой стороны. Иногда основные участники сами призывают третье лицо к более активному вмешательству в речевое общение, используя речевые акты просьбы, мольбы, требования, призыва, переадресации и др. Третий участник может негативно реагировать на попытки вовлечь его в разговор.

В случае подобного изменения статуса третьего участника кардинально меняется конфигурация участников, грани между КСЗ и КС1 размываются и, соответственно, КСЗ модифицируется в КС1. Например:

— Витька, Витька, — говорила Елена, качая головой, похожей на вычищенную театральную корону, — посмотреть на тебя, здоровый ты парень, с чего ж ты так ослабел вчера? Садись, пей чаек, может, тебе полегчает.

— А ты, Леночка, ей-богу, замечательно выглядишь сегодня. И капот тебе идет, клянусь честью, — заискивающе говорил Мышлаевский, бросая легкие, быстрые взоры в зеркальные недра буфета, — Карась, глянь, какой капот. Совершенно зеленый. Нет, до чего хороша.

— Очень красива Елена Васильевна, — серьезно и искренне ответил Карась.

— Это электрик, — пояснила Елена, — да ты, Витенька, говори сразу — в чем дело?

— Видишь ли, Лена, ясная, после вчерашней истории мигрень у меня может сделаться, а с мигренью воевать невозможно...

— *Ладно, в буфете.*

— *Вот, вот... Одну рюмку... Лучшие всяких пирамидонов* (Белая гвардия. М.А. Булгаков).

Мышлаевский апеллирует к мнению третьего лица — Карася, призывая его подтвердить комплимент Елене Васильевне. Карась охотно подыгрывает, соглашаясь с ним. Тем самым он становится основным участником КС, теряя статус третьего лица.

См. также:

— *Простите, Анна Акимовна!* — проговорил он хриплым голосом, стукнув лбом о пол и показывая свой бычий затылок.

— *Тебя тетушка уволила, у нее и проси.*

— **Что тетушка?** — говорила тетушка; она была очень толста, и на ее груди могли бы поместиться самовар и поднос с чашками. — **Что там еще тетушка? Ты тут хозяйка, ты и распорядись, а по мне их, подлецов, хоть бы вовсе не было.** Ну, вставай, боров! — крикнула она на Пантелея, не вытерпев. — *Пошел с глаз! Последний раз тебя прощаю, а случится опять грех — не проси милости!* (Бабье царство. А.П. Чехов).

В анализируемой ситуации один из участников — Анна Акимовна — переадресует просьбу третьему лицу — тетушке, которая возражает против ее вовлечения в общение, полагая, что обсуждаемая проблема не касается ее (*Что там еще тетушка? Ты тут хозяйка, ты и распорядись, а по мне их, подлецов, хоть бы вовсе не было*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в ходе исследования коммуникативной ситуации с тремя участниками были выявлены следующие прагматические особенности:

1) количество участников в малых речевых группах выступает важным фактором, обуславливающим речевое поведение участников, и, соответственно, должно учитываться при характеристике и анализе коммуникативной ситуации в целом;

2) в коммуникативных ситуациях с тремя участниками наблюдается своеобразие в смене ролевых статусов участников, в их конфигурации, что в свою очередь обуславливает семантико-прагматическую специфику КС;

3) в основу типологии КС с тремя участниками положена их конфигурация, смена статусов, отношения между ними; соответственно, выделяются ситуации 3-х типов: КС1, в которой все участники являются основными; КС2, в которой один говорящий и два адресата; КС3, в которой появляется неосновной участник — «третье лицо»;

4) «третье лицо» характеризуется такими особенностями коммуникативного поведения, как: присутствие в момент речевого контакта между двумя основными участниками, неучастие в вербальной коммуникации; различная степень эмоционально-психологической вовлеченности в коммуникацию;

5) границы между типами КС с тремя участниками представляются нежесткими, особенно между КС3 и КС1, когда КС3 вследствие вовлечения «третьего лица» в вербальное общение модифицируется в тип КС1.

Отметим также, что изучение коммуникативных ситуаций с определенным количеством участников, влияющим на их речевое поведение, значительно повышает прогностический потенциал и корректирующие возможности науки о речевой коммуникации, а значит, делает ее востребованной и необходимой в современном обществе.

Более того, исследование речевого взаимодействия в малых группах, в частности трилога, может стать лингвистической основой для прорыва в разработке искусственного интеллекта — программ чат-роботов (или виртуальных собеседников), способных осуществлять естественную коммуникацию с человеком. Это направление представляется одним из трендов в современных робототехнологиях. Н.Н. Зильберман пишет: «На данный момент технологии позволяют расширить функциональные возможности виртуальных собеседников, включив в них основные стратегии трилога и полилога. Несомненно, это потребует дополнительных специальных лингвистических исследований, но первые варианты модификации на основе знаний об общем речевом этикете возможны уже сейчас. Расширение диапазона использования речевых форм в программах естественной коммуникации позволит в большей степени продвинуться в разработке систем виртуальных собеседников, более приближенных к человеческой коммуникации» [6. С. 85].

© Темиргазина З.К.

Дата поступления: 08.11.2018

Дата приема в печать: 24.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Нецименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.
2. *Кожмякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б.* Словарь социолингвистических терминов. М.: ИЯ РАН, 2006.
3. *Мыскин С.В.* Типология профессиональных коммуникативных ситуаций // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2015, по 2. С. 40—55.
4. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
4. *Читахова Л.Л.* Трилог как форма общения коммуникантов в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
5. *Зильберман Н.Н.* Технологии виртуальных собеседников и формы речевого взаимодействия // *Гуманитарная информатика.* 2009. Вып. 5. С. 80—85.
6. *Темиргазина З.К.* Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Павлодар, 2009.
7. *Davison W.* (1983). The third-person effect in communication. *Public Opinion Quarterly* 47. Режим доступа: <http://poq.oxfordjournals.org/content/47/1/1> (дата обращения: 15.09.18).

8. Perloff R.M. (1999). The third-person effect: A critical review and synthesis. *Media Psychology*, 1, 353—377.
9. Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 282—285.

УДК: 81'44:005:316.775

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-108-120

THE NUMBER OF PARTICIPANTS AS A COMMUNICATIVE SITUATION FACTOR: A TYPOLOGY OF SITUATIONS WITH THREE PARTICIPANTS

Zifa K. Temirgazina

Pavlodar State Pedagogical University
60, Mira Str., Pavlodar, Republic of Kazakhstan, 140003

Abstract. The topicality of the study of communicative situations with three participants is conditioned by, firstly, the fact that pragma-linguistic characteristics of such form of speech interaction as trilogue should serve as a basis for the program development of chat-robots — virtual interlocutors; secondly, a traditional understanding of a communicative situation without reference to the number of the participants does not fully allow to identify the peculiarities of a person's speech behavior in small-size speech groups. A communicative situation with three participants possesses a variety of pragmatic characteristic features conditioned by a limited number of verbal communication participants; regularities of turn-taking — the speaker and the listener — among the three participants; the configuration of the participants and the specificity of their relationship; the role-based status of the third person and other circumstances that influence the intentional and semantic aspects of utterances.

For the classification of communicative situations two factors are important, particularly, the configuration of the participants and the specificity of their relationship; these features are the ones that determine the other pragmatic characteristics of a communicative situation. Based on these factors three major types of a communicative situation are distinguished: in the first type each of the three communicants are participants of verbal communication taking turns in a conversation, where necessary, with various illocutionary intentions; in the second type one of the communicants is the speaker and two others are addressees; in the third type the first two communicants are primary (the speaker and the addressee) while the third participant is secondary, optional. “The third person” can acquire a definite status in the communicative situation depending on the degree — from minimal to high — of his/her involvement in communication.

Key words: communicative situation, trilogue, number of participants, type of communicative situation, turn-taking, communicant, “third person”, degree of involvement in communication, speaker, addressee

REFERENCES

1. Neshchimenko, G.P. (2003). Language Situation in Slavic Countries: Description Experience. Concept Analysis. Moscow. (In Russ.).
2. Kozhemyakina, V.A., Kolesnik, N.G. & Kryuchkova, T.B. (2006). Dictionary of Sociolinguistic Terms. Moscow. (In Russ.).
3. Myskin, S.V. (2015). Typology of Professional Communicative Situations, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia: Education Issues: Languages Specialty*, 2, 40—55. (In Russ.).
4. Vinokur, T.G. (2009). The Speaker and the Listener. Variants of Speech behavior. Moscow: Librokom publ. (In Russ.).

5. Chitahova, L.L. (2001). Trilogue as a Form of Communication in Modern French [abstract of dissertation]. Moscow. (In Russ.).
6. Zilberman, N.N. (2009). Technologies of Virtual Interlocutors and Forms of Verbal Interaction. *Humanitarian Information Science*, 5, 80—85. (In Russ.).
7. Temirgazina, Z.K. (2009). Modern Theories in Home and Foreign Linguistics. Pavlodar. (In Russ.).
8. Davidson, W. (1983). The Third-Person Effect in communication. *Public Opinion Quarterly*, 47. URL: <http://poq.oxfordjournals.org/content/47/1/1> (accessed: 15.09.18).
9. Perloff, R.M. (1999). The Third-Person Effect: A Critical Review and Synthesis. *Media Psychology*, 1, 353—377.
10. Clark, G.G. & Carlson, T.B. (1986). Listeners and the Speech Act. In *New in Foreign Linguistics. Theory of Speech Acts*. Issue 17. Moscow: Progress. pp. 282—285. (In Russ.).

Для цитирования:

Темиргазина З.К. Количество участников как фактор коммуникативной ситуации: типология ситуаций с тремя участниками // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 108—120. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-108-120.

For citation:

Temirgazina, Z.K. (2019). The number of participants as a communicative situation factor: a typology of situations with three participants. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 108—120. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-108-120.

Сведения об авторе:

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического университета; научные интересы: лингвистическая аксиология, прагматика, теория коммуникации; e-mail: zifakakbaevna@mail.ru

Information about the author:

Zifa K. Temirgazina, Dr. of Philological sciences, Professor, Professor of the Russian Language and Literature Department of Pavlodar State Pedagogical University, research interests: linguistic axiology, pragmatics, theory of communication; e-mail: zifakakbaevna@mail.ru

УДК: 81'42:338.2:81'27:316.346.2-055.2
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-121-128

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕМИНИННЫХ ПРИНЦИПОВ БИЗНЕС-МЕНЕДЖМЕНТА (по материалам СМИ)

А.В. Кокова, Т.Ю. Тамерьян

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44—46, Владикавказ, Россия, 362025

В статье на материале интервью с женщинами-предпринимателями в русскоязычной прессе Северного Кавказа выстраивается автообраз деловой женщины. В социолингвистическом и психолингвистическом ключе осуществляется автоконцептуализация бизнес-леди посредством анализа фемининных принципов менеджмента. На основе когнитивного анализа, семантического и концептуально подходов выявляются языковые средства реализации данного концепта в его фемининной специфике устанавливаются, когнитивные признаки, этнические и гендерно маркированные ценностные характеристики концепта *деловая женщина* в русскоязычной картине мира женщин-предпринимателей на Северном Кавказе.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж «деловая женщина»; регион Северного Кавказа; дискурс СМИ; вербальная репрезентация; когнитивный признак; автообраз

ВВЕДЕНИЕ

Междисциплинарность лингвистических исследований, интенсивно разрабатывающихся в рамках антропоцентрического направления, фокусируется на комплексном описании социальных, психологических, культурных и дискурсивных факторов, определяющих специфику менталитета определенного социума. В центре внимания последних лет находится гендерный ракурс изысканий, маркирующий новую реальность для переосмысления лингвокультуры и выявления этноспецифических направлений концептуализации фемининности в русской языковой картине мира, что и обуславливает актуальность исследования.

В настоящее время пол рассматривается как динамичный изменчивый продукт развития человеческого общества, поддающийся социальному манипулированию и моделированию. Гендерные отношения, присутствуя в языке и культуре в виде социальных стереотипов, формируют коммуникативное поведение в обществе [1].

Предпринимательская деятельность в общественном сознании вкупе с научно-техническими разработками является главной составляющей цивилизационного развития во всех сферах материальной и культурной деятельности. Когнитивно-ориентированное исследование обуславливается особой культурной значимостью концепта *бизнес-леди* как ключевого концепта культуры [2; 3].

Осмысление данного фрагмента русской языковой картины мира стало осуществляться только в последние годы в описания деловой концептосферы [4—8].

На Втором Евразийском женском форуме-2018 глава российского государства Владимир Путин отметил, что в западных странах взят курс на размывание разницы между полами и уничтожение моделей поведения: женщин убедили в том, что семья и материнство ограничивают их в личностном росте и самореализации, а сами женщины подвергаются систематической дискриминации. Президент заявил о необходимости отмены карьерных ограничений для женщин, обеспечении гендерного равенства при сохранении ценностей семьи и материнства [9].

Приводимое ниже высказывание образно и емко характеризует динамику продвижения женщин-предпринимателей в сферу бизнеса: современные «Гюльчатай, которые могут не только главенствовать на кухне и хранить домашний очаг, но и смело „открывают личико“, генерируют новые идеи, воплощают их в жизнь, запускают успешные стартапы, работают сами и обеспечивают рабочими местами других». Они не превращаются в «железную леди», а остаются просто Леди с большой буквы [10].

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ АВТООБРАЗА БИЗНЕС-ЛЕДИ

Образ женщины-предпринимателя связан преимущественно с малым и средним бизнесом, хотя в современном деловом мире женщины завоевывают высшие эшелоны бизнеса, традиционно относящиеся к мужским видам деятельности.

Имена заимствованного концепта *деловая женщина*, менее частотная номинация *женщина-предприниматель* и/или *бизнес-леди* в преобладающем большинстве проанализированных медиатекстов употребляются синонимично, хотя, безусловно, передают статусные отличия и несут разную стилистическую нагрузку. Однако отмеченные различия не являются релевантными в рамках данной статьи, посвященной описанию смыслового наполнения и языковой экспликации лингвокультурного концепта бизнес-леди в национальной концептосфере [11].

Для моделирования структуры и содержания автообраза *бизнес-леди* мы принимаем фреймовый анализ фрагмента концепта, материалом для которого послужили интервью женщин-предпринимателей в современных СМИ [12—25].

Следует особо отметить тот факт, что укоренение в традиционной ментальности жителей Северного Кавказа рассматриваемого концепта осуществляется с учетом агъдау — неписанного закона коммуникации, в котором женщине предписывается быть, в первую очередь, хранительницей семейного очага.

На основе обработки результатов текстовых фрагментов интервью с деловыми женщинами в средствах массовой коммуникации нами было выделено два базовых блока когнитивных признаков — «Женщина-предприниматель в деловой сфере» и «Женщина-предприниматель в сфере семейных отношений».

Фрейм «Женщина-предприниматель в деловой сфере» составленный когнитивными признаками и их репрезентациями, приводимыми ниже, находится в центре нашего исследовательского внимания:

черты характера, необходимые для ведения бизнеса (148): целеустремленная (24); сильная личность (22); самоуверенная (22); трудолюбие (20); ответст-

венность (16); требовательность к себе (11); хладнокровие (9), самоотверженная (8); терпеливая (5); умение жертвовать (5); слишком сильная (4); скромная (2);

принцип ведения бизнеса (144): идти уверенно к своей цели (28); продолжать упорно работать (25); относиться к бизнесу, как к собственному ребенку (21); не привыкла делиться со своими проблемами и сложностями; жила по принципу — есть проблема/задача, необходимо ее решение (18); уметь крутиться (18); главное иметь мотивацию (16); никогда нельзя сдаваться (6); не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня (4); найти свою нишу (4); уделять внимание каждой мелочи (2); кредиты категорически не беру (1); всегда выполнять свои обещания (1);

бизнес-менеджмент (100): надо конкретно действовать в одном направлении (24); женщины более гибкие (24); женщины более человечны (18); идут на компромиссы (14); женщине сложнее заработать себе авторитет и имя, чем мужчине (6);

условия введения бизнеса (80): каждый день я делаю то, что я люблю и получаю за это деньги (22); ставить перед собой высокую планку (20); трезвый расчет (18); искать новые пути развития своего бизнеса (14); иметь правильную мотивацию (6);

стратегии ведения бизнеса (74): не бояться трудностей (22); не принимать необдуманных действий (22); не совершать никаких действий под влиянием эмоций (16); просчитывать каждый шаг (10); найду выход из любой ситуации (4);

страх ведения бизнеса (66): если что-то не получится, будем жить в нищете (20); страх, что у меня не получится семья, которую я задумала (14); скованность общепринятыми постулатами (10); страх — самый большой мотиватор (12); страхов не было (10);

этапы создания бизнеса (60): начала с нуля (22); поддержки никогда не было (16); денег было ноль (14); переживает «переходные стадии» (8);

бизнес коммуникация (58): ничто другое не играет такой важной роли в моей жизни, как работа с людьми (16); женщины запускают себя (16); воспринимаю своих сотрудников, как одну большую семью (14); женщина-управленец пытается создать внутри своего коллектива семью (8); надо уметь коммуницировать (2); работа с людьми (2);

условия развития бизнеса (54): не останавливаться на достигнутом (22); быть готовой к определенным лишениям (16); нехватка времени (12); были моменты, когда ни поесть, ни поспать времени не было (4);

физическое состояние (50): правильно питаться (22); заниматься спортом (20); обязательно расслабляться (8);

планирование бизнеса (38): получать прибыль (22); работать на себя (22); правильно ставить цели и маленькие, и большие (14);

бизнес-коммуникация (32): старается лидировать (13); активная (10); тактичная (3); быть дипломатом (3); самоорганизация (2); самодисциплина (1);

психоэмоциональное состояние женщины в бизнесе (28): сплошные эмоции (12); адекватная (8); сложно подавить в себе природную мягкость и стать жесткой (6); страх и желание — это две сопряженные вещи (2);

моральные качества деловой женщины (28): ответственность (16); честность (12);

образование (26): высшее (24); всегда учиться чему-то новому (2);

жизненные приоритеты (16): она реализуется в семье или в детях, или в бизнесе (10); бизнес-леди хочет иметь полноценную жизнь, ощущать свою полноценность (2); начала бизнес в декрете (2); навыки тайм-менеджмента помогают справляться с детьми (2);

межгендерные отношения в бизнесе (14): женщина всегда должна доказывать, что она лучше мужчины в чем-то разбирается (10); нет гендерных предпочтений к сотрудникам (3); с мужчинами работать легче (1);

причины занятия бизнесом (12): бизнес — средство заработка, а не цель самореализации (10); живу ради своей большой идеи, цели (2);

режим дня деловой женщины (12): спала по три часа в сутки (6); работала в режиме нон-стоп (6);

фемининная философия благотворительности (11): помогай, спасай других (5); одно доброе дело в день (4); если помогать другим, то добьешься куда больше (1); получать удовольствие от того, что можешь помочь другим (1).

Как демонстрируют приведенные данные, ядро фреймовой структуры концепта «деловая женщина» составляют когнитивные признаки: *черты характера, необходимые для ведения бизнеса* (148), *принцип ведения бизнеса* (144), *бизнес-менеджмент* (100), *условия введения бизнеса* (80) и *стратегии ведения бизнеса* (74).

Наиболее частотный признак — *черты характера, необходимые для ведения бизнеса* — свидетельствует о том, что женщинам необходимо развивать маскулинные особенности личности для занятия бизнесом.

Женские *принципы ведения бизнеса* и *бизнес-менеджмент* сочетают элементы деловой этики, скрупулезность и детализацию как особенности женской психики и необходимость выполнять семейные обязанности.

Когнитивные признаки *условия введения бизнеса* и *стратегии ведения бизнеса* свидетельствуют о полной адаптации женщин в области предпринимательства — их языковая экспликация гендерно нейтральна, единственным фемининным маркером служит гибкость, умение найти выход из любой ситуации.

Периферийные признаки проявляют гендерную специфику построения деловых отношений — воспринимать сотрудников как членов своей семьи. Кроме того, с одной стороны, бизнес-леди отмечают, что гендерное равенство в бизнесе еще сложилось, с другой — что деловые контакты с представительницами женского пола вызывают определенные сложности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение резюмируем, что проведенное исследование когнитивных признаков фрейма концепта «*бизнес-леди*», по данным интервью с женщинами Северного Кавказа, развивающими сектор бизнеса, выявило смешанный, фемининно-маскулинный тип данного ментального образования, сформировавшегося в пост-

советский период. Современная деловая женщина позиционирует себя как предпринимателя, обладающего не только универсальным набором признаков делового человека, социально и исторически ассоциирующегося с мужчиной, но обладающего традиционными фемининными чертами, влияющими на формирование нового, женского лица, в бизнес-сфере.

© Кокова А.В., Тамерьян Т.Ю.
Дата поступления: 18.08.2018
Дата приема в печать: 20.11.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Качмазова А.У., Тамерьян Т.Ю. Этническое пространство языковой стереотипизации «свой—чужие—свой». Владикавказ: СОГУ, 2017.
2. Кокова А.В., Тамерьян Т.Ю. Концепт «бизнес-леди» в русской лингвокультуре // Вестник ПГЛУ, 2016. no 2. С. 30—33.
3. Кокова А.В., Тамерьян Т.Ю. Лингвокультурный типаж «хъуыддаджи лæуд сылгоймаг („деловая женщина“») в фемининной сфере осетинского языкового сознания // Научная мысль Кавказа ЮФУ, 2016. no 4. С. 134—138.
4. Бадалян И.Ф. Концепт «деловая женщина» и его языковая экспликация в современном медивдискурсе (на материале русского и немецкого языков): дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2016.
5. Долгова Е.В. Речевой жанр «Портрет делового человека» в дискурсе СМИ: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2010.
6. Иванова М.М. Языковая объективация концепта «предприниматель» в русском языке: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008.
7. Илюхина М.С. Лингвокультурный типаж «Английский бизнесмен»: эндо- и экзостерейотипы: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.
8. Прошина Е.С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе: дисс. ... канд. филол. наук. 2014.
9. Вести. Режим доступа: <https://www.vestifinance.ru/articles/107225> (дата обращения: 20.09.18).
10. Expert Online. Женское лицо малого бизнеса. Режим доступа: <http://expert.ru/2013/10/30/zhenskoe-litsa-malogo-biznesa/> (дата обращения: 18.09.18).
11. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010.
12. Профессионалы ru. Режим доступа: <http://greatlady.net/intervyu-s-uspeshnoj-sovremennoj-biznes-ledi-marina-fomenko/> (дата обращения: 26.10.18).
13. Журнал «Результат»: Архив № 4. Режим доступа: <http://www.rezultat.vl.ru/archive/04-2004/061> (дата обращения: 26.10.18).
14. Elle. Бизнес и политика. Режим доступа: <https://www.elle.ru/celebrities/interview/eksklyuzivnoe-intervyu-elle-biznesvumen-alena-demina/> (дата обращения: 26.10.18).
15. Livejournal. Режим доступа: <https://nune-av.livejournal.com/538751.html> (дата обращения: 26.10.18).
16. Блоги мам. <http://www.blogimam.com/2011/11/intervyu-s-biznes-mamami-v-sebe-ya-uverena-na-sto-procentov-ya-znayu-chto-vsegda-najdu-vyход-iz-lyuboj-situacii/> (дата обращения: 26.10.18).
17. Ronum.ru. Режим доступа: <http://ronum.ru/interviews/91/1781/>; (дата обращения: 26.10.18).
18. Женщина и бизнес. Режим доступа: <http://mirznanii.com/a/160707/zhenshchina-i-biznes> (дата обращения: 26.10.18).
19. Live Internet. Российский Центр Онлайн Дневников. Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/madera14/post400059864/> (дата обращения: 26.10.18).

20. Businessman.ru. Режим доступа: <https://businessman.ru/istorii-uspeshnyih-jenschin-rossii.html>; lfnf j,hfotybz (дата обращения: 27.10.18).
21. Мир знаний. Женщина и бизнес. Режим доступа: <http://mirznanii.com/a/160707/zhenshchina-i-biznes> (дата обращения: 26.10.2018).
22. Кавказ сегодня. Режим доступа: <http://kavtoday.ru/27158> (дата обращения: 31.01.17).
23. Северная Осетия. Режим доступа: <http://sevosetia.ru/> (дата обращения: 31.01.17).
24. На Северном Кавказе бизнес-леди в кризис не опустили руки и продолжают развивать свое дело // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2015/03/31/reg-skfo/ledi.html> (дата обращения: 31.10.17).
25. Бизнес Леди life. Режим доступа: <https://businesslady-life.ru> (дата обращения: 31.10.17).

УДК: 81'42:338.2:81'27:316.346.2-055.2

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-121-128

THE REPRESENTATION OF THE FEMININE PRINCIPLES IN BUSINESS MANAGEMENT (According to the Media)

Alla V. Kokova, Tatiana Yu. Tameryan

North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov
Vatutin str., 44—46, Vladikavkaz, Russia, 362025

Abstract. In the article, on the material of interviews with women entrepreneurs in the Russian-language press of the North Caucasus, the selfimage of a business woman is built. In sociolinguistic and psycholinguistic perspectives, the self conceptualization of a business woman is carried out through the analysis of feminine principles of management. Based on cognitive, semantic and conceptual approaches cognitive features, ethnic and gender marked values characteristics of the concept and language means of its representation in the female ntrepreneurs Russian-speaking picture of the world in the North Caucasus are established.

Key words: culture type “business woman”; the North Caucasus region; media discourse; verbal representation; cognitive feature; selfimage

REFERENCES

1. Kachmazova A.U. & Tameryan, T.Y. (2017). Ethnic space of language stereotyping “friend-foe-friend”. Vladikavkaz: North Ossetian State University.
2. Kokov, A.V. & Tameryan, T. Y. (2016). Concept of “businesswoman” In Russian linguistic culture. *Vestnik PGLU*, 2, 30—33.
3. Kokova, A.V. & Tameryan, T.Y. (2016). Linguo-cultural type “business woman” in the Ossetic language consciousness. *Scientific thought of Caucasus*, 4, 134—138.
4. Badalian, I.F. (2016). Concept of “business woman” and its language explication in modern mediadiscourse (in the Russian and German languages) [dissertation]. Rostov-on-Don.
5. Dolgova, E.V. (2010). Speech genre “Portrait of a business man” in the media discourse [abstract of dissertation]. Moscow.
6. Ivanova, M.M. (2008). Language objectification of the concept “entrepreneur” In Russian [abstract of dissertation]. Voronezh.

7. Ilyukhin, M.S. (2013). Linguo-cultural type “English businessman”: endo-and esotericity [abstract of dissertation]. Volgograd.
8. Pronina, E.S. (2014). Language means of forming the image of women-politics in the English press [abstract of dissertation].
9. News 20.09.2018. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/107225> (accessed: 20.09.18).
10. Expert Online. The female face of small business. URL: <http://expert.ru/2013/10/30/zhenskoe-litso-malogo-biznesa/> (accessed: 26.10.18).
11. Karasik, V.I. (2010). Language crystallization of sense. Volgograd: Paradigm.
12. Professionals. EN. URL: <http://greatlady.net/intervyu-s-uspeshnoj-sovremennoj-biznes-ledi-marina-fomenko/> (accessed: 26.10.18).
13. Journal “Result”: Archive №4. URL: <http://www.rezultat.vl.ru/archive/04-2004/061> (accessed: 26.10.18).
14. Elle. Business and politics. URL: <https://www.elle.ru/celebrities/interview/eksklyuzivnoe-intervyu-elle-biznesvumen-alena-demina/> (accessed: 26.10.18).
15. Livejournal. URL: <https://nune-av.livejournal.com/538751.html> (accessed: 26.10.18).
16. Blogs mothers. URL: <http://www.blogimam.com/2011/11/intervyu-s-biznes-mamami-v-sebe-ya-uverena-na-sto-procentov-ya-znayu-что-vsegda-najdu-vychod-iz-lyuboj-situacii/> (accessed: 26.10.18).
17. Ronum.ru. URL: <http://ronum.ru/interviews/91/1781/> (accessed: 26.10.18).
18. Woman and business. <http://mirznanii.com/a/160707/zhenshchina-i-biznes> (accessed: 26.10.18).
19. Live Internet. Russian Center Online Diaries. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/madera14/post400059864/> (accessed: 26.10.18).
20. Businessman.ru. <https://businessman.ru/istorii-uspeshnyih-zhenshin-rossii.html> (accessed: 27.10.18).
21. World of knowledge. Woman and business. URL: <http://mirznanii.com/a/160707/zhenshchina-i-biznes> (accessed: 26.10.18).
22. The Caucasus today. <http://kavtoday.ru/27158> (accessed: 31.10.17).
23. North Ossetia. URL: <http://sevosetia.ru/> (accessed: 31.10.17).
24. In the North Caucasus business lady did not give up in the crisis and continue to develop their business. *Russian newspaper*. URL: <https://rg.ru/2015/03/31/reg-skfo/ledi.html> (accessed: 31.10.17).
25. Business Lady life. URL: <https://businesslady-life.ru> (accessed: 31.10.17).

Для цитирования:

Кокова А.В., Тамерьян Т.Ю. Репрезентация фемининных принципов бизнес-менеджмента (по материалам СМИ) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 1. С. 121—128. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-121-128.

For citation:

Kokova, A.V. & Tamerian, T.Yu. (2019). The representation of the feminine principles in business management (according to the media). *RUDN Journal of Linguistic Studies, Semiotics and Semantics*. 10(1), 121—128. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-121-128.

Сведения об авторах:

Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова; научные интересы: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, дискурсология; e-mail: tamertu@mail.ru.

Кокова Алла Владимировна, аспирант кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова; *научные интересы*: психолингвистика, линвокультурология, гендерная лингвистика; *e-mail*: kokowa.alla@yandex.

Information about the authors:

Tatyana Yu. Tameryan, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages for Non-Language Specialties of the North Ossetian State University. K.L. Khetagurov; *research interests*: cognitive linguistics, cultural linguistics, psycholinguistics, discourse studies; *e-mail*: tamertu@mail.ru

Alla V. Klakova, graduate student of the Department of Foreign Languages for Non-Language Specialties of the North Ossetian State University. K.L. Khetagurov; *research interests*: psycholinguistics, cultural linguistics, gender linguistics; *e-mail*: kokowa.alla@yandex

MISCELLANEA: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ОПИСАНИЯХ ЯЗЫКА

УДК: 81
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-129-140

PROBLEM OF LANGUAGE REDUNDANCY ON THE EXAMPLE OF A SCIENTIFIC TEXT

Natalia V. Alontseva, Yury A. Ermoshin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. *Language redundancy* is an actual problem for native Russian speakers. In this article, the authors consider the issue of linguistic redundancy in written communication, and describe some of its aspects using examples derived from various scientific and popular-scientific articles in the field of humanities (psychology, linguistics, literary criticism) selected from public Internet sources. The article describes the history of the scientific study of the problem of linguistic redundancy in texts of various styles, presents a typology of examples of linguistic redundancy primarily at the level of a combination of lexical units and at the level of text construction. The research also gives arguments on the reasons for linguistic redundancy emergence and possible steps to overcome it.

The object of the study is a popular-scientific and scientific text, the subject of the study are stylistic errors and elements of language redundancy. The material of the analysis is represented in the texts obtained by the method of continuous sampling from collections of scientific articles in the Russian language, posted on the Internet. In each specific example, the authors propose their own way of expressing content without unnecessary lexical units, omitting or replacing them with synonyms and synonymous expressions.

The stylistic error causing the problem of linguistic redundancy is a violation of the formal connection of sentences in the text, in which the reference words or link words are repeated. The article provides their typology and examples of errors of this type.

The scientific novelty of the research is primarily related to the lack of research on linguistic redundancy on the material of scientific texts in Russian. The authors of the article see the practical value and possible implementation of the results in the drawing attention of the authors of scientific texts to their works in terms of their compliance with the norm in this aspect.

Key words: language redundancy, scientific text, stylistics, Russian language

1. LANGUAGE REDUNDANCY AS A LINGUISTIC PROBLEM

Redundancy as a property of a language was noticed in research literature in the mid-twentieth century in connection with the emergence and development of information theory, for example, Claude Shannon wrote: “In communication theory it is considered that a language can be regarded as a certain probabilistic process that creates a discrete

(defined) sequence of symbols in accordance with a certain probability system. Each language is associated with a certain parameter D , which can be called the redundancy of this language. Redundancy measures in some sense how much the length of a text in a given language can be reduced without losing any part of the information. A simple example: since in English spelling, only the letter u always follows the letter q , u can be omitted without affecting. Significant number of abbreviations in English can be made using its statistical structure, the frequent recurrence of certain letters or words, etc.” [1]. E.V. Grudeva writes that later redundancy was considered as a necessary condition that ensures adequate reception of information by the addressee, first in communication theory, and then in linguistics. A. Martinet, using the terms of the communication theory, singled out the main function of redundancy — the struggle against noise, i.e. ensuring the perception of the message despite external interference. G. Gleason noted: “Although redundancy in the language directly provides benefits to the speaker, it causes a lot of trouble for the linguist when analyzing and describing the language. Trying to give a conscientious description of any verbal expression, the linguist inevitably drowns in the mass of details that are of no significance due to high redundancy. The main method in linguistics is, in fact, the distinction between the phenomena of redundant and non-redundant” [2].

There is no unambiguous assessment of redundancy in linguistics, thus, G. Gleason believes that “The unrealized transmitting ability of the code arises as a result of the fact that we repeated the signals, and it can be called redundant”. He also links redundancy with the written language: “In any code like written English, there are different levels of organization. Each of these levels has its own restrictions on the message. They are reflected in the redundancy of the language as a code. These restrictions arise simply because the codes have a structure. The structure is nothing else but a system of restrictions that bind freedom of use and therefore inevitably generate redundancy” [3. P. 362].

H. Hokket argues that redundancy should not be understood as something superfluous, since a language without redundancy could function only in ideal external conditions — only in a written, most controlled form, and in hasty speech, so common in many life situations, or noisy room, or with some defects of pronunciation, it would inevitably be incomprehensible. Consequently, redundancy is a kind of a foolproof, which ensures the operation of the mechanism under adverse conditions [4. P. 89].

V.A. Zvegintsev determines the difference between natural and logical languages precisely on the basis of the presence/absence of redundancy and thus determines redundancy: “Redundancy is established statistically; redundancy is established within the same language level (phonetic, morphemic, etc.); when calculating redundancy, the sequence of elements at a given level of language is taken into account. Following F. de Saussure, we can say that it is based on the principle of linearity of the language; knowing the limitations inherent in this code (the structure of the code is a system of these restrictions), we can predict the appearance of subsequent elements that are linearly arranged based on the statistical probability; predictability can condition understanding; the concept of redundancy should be coordinated with the concept of information” [5].

The levels at which redundancy is considered are described by J. Dubois, F. Edelin, J.M. Klinkenberg and others in ‘General Rhetoric’. The authors consider such types of redundancy as:

- 1) phonetic;
- 2) graphic;
- 3) syntactic;
- 4) grammatical;
- 5) semantic;
- 6) conventional redundancy [6].

E.V. Grudeva traced the chronology of the reference to the term redundancy in the national scientific and educational literature and claims that works related to the study of redundancy were conducted in our country as early as the 1960s (N.N. Leontyeva, T.N. Nikitina, M.I. Otkupshchikova, R.G. Piotrovsky [2]).

But for the first time the concept of redundancy in the terminological sense is presented in the textbook ‘Semantics’ by M.A. Krongauz [7]. In the textbook by I.P. Susov on introduction to linguistics in the section ‘Information processes and systems’ there is also a paragraph dedicated to noise and, as a result, the redundancy of the language as a code. In particular, it notes: “Natural languages are usually characterized by high redundancy, allowing us to recognize speech signals with a sufficient degree of reliability” [8].

Nevertheless, assessing the redundancy of the lexical level, first of all we must associate it with a particular style and genre. “The concept of the genre has long been formed in the linguistic tradition. At the heart of its definition there is a number of generalized ideas about the structure, content, author’s attitude and accompanying extralinguistic components, for example, of a text” [9]. A scientific article as a genre of scientific style, in our opinion, should least contain elements of language redundancy.

2. LANGUAGE REDUNDANCY AS A DIDACTIC PROBLEM

It is believed that stylistically and semantically unjustified linguistic redundancy is an indicator of an insufficiently high verbal culture. The increase in the number of deficiencies of this type of a written text has a number of reasons. Thus, for example, a series of collections of scientific articles, which are published in authors’ edition, has increased, whereas the level of text processing by a literary or scientific editor made it possible to reveal the absence of logic in the presentation of individual text fragments and to eliminate infelicities of style, including examples of language redundancy.

Another factor of a certain decrease in the written culture of Russian speakers is a fall in the proportion of written communication in school, in particular by increasing a student’s multiple choice tasks activity.

In our opinion, one of the reasons for the increasing of the use of elements of language redundancy is the lack of examples of elitist language proficiency in the media, as the spontaneous speech of journalists, anchor men, bloggers, actors, and other media people is replete with speech errors.

It is possible, in some cases, to talk about the unwillingness to effectively solve a communicative problem, about a kind of ‘sketching’ lexical units. This is an uneconomic waste of other language means with the expectation that the recipient will choose the minimum of words that will allow to achieve understanding. Redundancy in speech is considered to be represented in superfluous words, constructions, turnovers, the contents of which can be conveyed by a simpler synonymous expression or a single word.

3. ASPECTS OF SPEECH REDUNDANCY

Language redundancy can be considered at different levels of the organization of a statement, for example:

- 1) at the content level;
- 2) at the level of lexical units’ combination;
- 3) at the text level.

Let us note that all the examples below will be presented in the original language (Russian) to save the content and the subject of the study.

Language redundancy *at the content level* is manifested in redundant, secondary information that obscures the meaning of the main statement. The redundant information and the verbose explanation bear record to the inability of the writer to concentrate on the main thing, to express the thought briefly.

At the level of *lexical units’ combination*, three types of speech redundancy are distinguished: pleonasm, tautology, word repetition.

The term pleonasm describes the use in speech of close in meaning and therefore logically redundant words, for example:

◆ *толпа людей*

Толпа людей является кратковременной естественной общностью. Люди сознательно не договариваются о правилах, нормах и законах поведения в толпе, они опираются на резидуальные правила — бессознательно установленные и принятые людьми нормы.

This statement could have the following form: *Толпа является ... кратковременной естественной общностью.* In addition to pleonasm, the new version of the first phrase eliminates the repetition of the word with the root *люд-* (*людей* и *люди*) in two sentences, one of which follows the other, i.e. violates the laws of the formal links of sentences within a paragraph.

The semantics of the lexical unit *толпа* includes seme₁ ‘люди’; seme₂ ‘множество’; seme₃ ‘неорганизованное, стихийное множество’.

◆ *главная суть*

А) *Главная суть «Крика»* [Munch];

В) *Всем известно, в чем главная суть гомеопатии: лекарства в малых дозах действуют на организм иначе, чем в обычных, и лечение может быть более эффективным.*

In these two examples, pleonastic use is motivated by the desire to strengthen the seme ‘выделение самого важного’, ‘иерархическое представление’ of the lexical unit ‘суть’, which already has the meaning ‘the most important and essential thing’ [10].

These errors could be corrected as follows:

А) *Главная суть* «Крика» [Munch] = *Главное в содержании* «Крика» [Munch]

В) *Всем известно, в чем главная суть гомеопатии: лекарства в малых дозах действуют на организм иначе, чем в обычных, и лечение может быть более эффективным.* = *Всем известна суть гомеопатии: лекарства в малых дозах действуют на организм иначе, чем в обычных, и лечение может быть более эффективным.*

Tautology, which is a kind of pleonasm, and occurs when the same-root words are repeated, is represented by the combination of Russian and foreign words with the same meaning:

◆ *ринопластика носа*

С) *Ринопластика носа может иметь функциональную подоплеку в том случае, когда появляются проблемы с дыханием.* = *Пластика носа (ринопластика) может иметь функциональную подоплеку в том случае, когда появляются проблемы с дыханием.*

Д) *Ринопластика горбинки носа является наиболее востребованной причиной обращения к пластическому хирургу.* = *Устранение горбинки носа является наиболее частой причиной обращения к пластическому хирургу.*

In these two examples, tautological use is associated with breaking the link between the lexical unit of Russian *носа* and the term *ринопластика*, which means ‘restoring or correcting the shape of the nose using plastic surgery methods’ [11].

These errors could be corrected as follows:

С) *Ринопластика носа может иметь функциональную подоплеку в том случае, когда появляются проблемы с дыханием.*

Д) *Ринопластика горбинки носа является наиболее востребованной причиной обращения к пластическому хирургу.*

At the text level, a common example of language redundancy is word repetition, which can be classified by several basic types [12]:

1) by the nature of repetitive elements — repetition of words, set expressions, phraseological units, morphological forms, lexical blocks, syntactic structures;

2) by the location of the repetitions relative to each other — contact and distant repetitions;

3) by composition in the structure of the text — anaphoric, ring, epiphoric repetitions;

4) by the number of repetitive figures in the text — double, triple, multiple repetitions;

5) by the quality of the repeating elements, we distinguish complete and partial repetitions.

Let us consider the following example:

Во Франции уверены: любой может¹ достичь² самых высоких целей³, если он получил⁴ соответствующую квалификацию, ну а если он ее получил⁴, то ему попросту обязаны предоставить возможность¹ достичь² всего, чего он хочет, сразу же, как только он докажет, что шел к своей цели³ правильным путем, соблюдая общепринятые нормы и условности.

In this example, four pairs of repetitions can be marked; firstly, the repetition is present in the personal form of the verb *может* and the single-root word *возможность*. This repetition is partial, distant, double. Secondly, the infinitive *достичь* is repeated twice; this case can be described as complete and distant. The nouns *целей* (plural, genitive) and *цели* (singular, dative) are the third described pair, they are partial, distant, double repetition. *Получил* and *получил*, located in the adjacent parts of the complex sentence are partial, distant, double repetition.

If we evaluate the use of these repetitions, then, in our opinion, not all of them are justified. It is probably possible to leave them unchanged (that is, to evaluate repetitions as intentional and relevant) the block *может*¹ *достичь*² and *возможность*¹ *достичь*²; the other two repetitions are elements of language redundancy and can be replaced by: *решил поставленные задачи* and *это сделал*, i.e. express the declared content through context synonyms.

Thus, we can conclude that language redundancy is not always the result of the author's inattentive attitude to the text, but, for example, "one of the sources of the expressiveness of the language" [13].

4. LANGUAGE REDUNDANCY ON THE EXAMPLE THE SCIENTIFIC TEXT

The language redundancy in a scientific text may be manifested in the use of a larger than required number of words for the expression of thoughts and words that supplement no additional sense to what has been said or involuntarily contradict it.

Let us consider the following example:

Таким образом, можно сказать, что основной эмоциональной доминантой¹ в речи первого персонажа выступает положительный эмоциональный² настрой. Наличие перечисленных звуковых коннотаций очень ярко³ характеризует душевное и эмоциональное состояние главной героини, а именно: изменение жизненной ситуации и уравновешенная, рефлексивная, адекватная реакция со стороны⁴ главной героини на сложившиеся новые⁵ обстоятельства.

In the above extract of the article, we noted five elements that can be considered in terms of the presence of language redundancy. In the first case, a special attention is paid to the combination of the adjective *основной*, which has the minimal semantic meaning 'наиболее важный, главный' [10] and the terminological unit *доминанта*. The repetition (*эмоциональной* и *эмоциональный*) also manifests language redundancy.

The emotional-semantic dominant referred to in this text is a complex of cognitive and emotive standards that are characteristic of a certain type of a person and serve as the psychological basis for verbalizing the picture of the world in a literary text. This term is used primarily in the analysis of a literary text and is evaluated as the main method of creating it. In the definition by B.V. Tomaszewski "The aggregate of dominants is the defining moment in the formation of the genre" [14. P. 207]. In a literary text, the emotional-semantic dominant acts as an organizing principle that predetermines the selection of certain plots, characters, syntactic and lexical-semantic means by the author. Given the semantics of this term, it should be considered that the basic

lexical unit *основной* is superfluous, since its lexical meaning contradicts the seme ‘комплекс’ of the term *доминанта*. If the author wants to highlight the emotional standard in the complex of emotive-semantic dominant, it can be expressed as following: *Таким образом, можно сказать, что доминантой¹ в речи первого персонажа выступает положительный эмоциональный² настрой*. Omitting unnecessary words *основной* and *эмоциональной*, we avoid repeating the words *эмоциональной* and *эмоциональный* while maintaining the author’s intention.

The third element that aroused our interest and can be considered from the point of view of the presence of language redundancy is the use of the adverb *очень* in the text of a scientific article in combination with the adverb *ярко*. We argue that the reinforcement which the author wants to express already exists in the semantics of the combination of lexical unit *ярко характеризует*, the verb in this case has the meaning ‘определять (определить) отличительные черты, особенности кого-, чего-л.’ [11]. Probably, the author considers it necessary to highlight one of the elements that describe the emotional state of the main character, in our opinion, the best expression of this intention is: *Наличие перечисленных звуковых коннотаций характеризует душевное и эмоциональное состояние главной героини (без усиления), или Наличие перечисленных звуковых коннотаций точно описывает душевное и эмоциональное состояние главной героини*.

Another example:

Фильм рассказывает о том, как известная оперная певица собирается покинуть Россию и увезти с собой своего¹ сына. Перед отъездом она хочет показать сыну² свою историческую Родину. Во время поездки сына³ она теряет своего сына⁴ и это коренным образом меняет ее судьбу. Анализируемый отрывок текста — это первая сцена фильма, которая представляет собой диалог личного характера между матерью и сыном⁵, мать убеждает своего сына⁶ посетить места, в которых жил его дед, но все доводы матери вызывают у него глубокое⁷ раздражение. Таким образом, в первой сцене фильма развивается драматургический конфликт двух близких людей, в котором один из персонажей пытается наладить контакт, другой же уходит от общения.

First of all, it should be noted that the author, in order to analyze the means of figurativeness, retells the plot of the film, which probably influenced the changes of style from scientific to journalistic and led to the stylistic mistakes we are talking about. We consider the first drawback to be the use of the possessive pronoun *своего* in the first sentence, which is unnecessary, since the context does not involve the discussion of the other characters’ children. We suppose the next mistake is unmotivated direct distant repetition (examples 4—6): in four sentences the lexical unit *сын* is mentioned six times, two of them twice in a sentence. We do not know the content of the film, but it is obvious that a synonymous replacement of the lexeme *сын* to *мальчик*, *юноша*, *молодой человек*, his name, *ребенок*, etc. is possible. The next mistake, in our opinion, is the use of a complicated definition of the subject *диалог — личного характера между матерью и сыном* (example 5). We believe that the use of the preposition *между* is unnecessary, since the normative pattern is *диалог кого?* Further, the adjective *личного* [характера] becomes unclear, the semantics of which is not supported by

subordinate clauses. *Мать убеждает своего сына⁶ посетить места, в которых жил его дед, но все доводы матери вызывают у него глубокое раздражение.* The definition *глубокое* to the complement *раздражение* is unmotivated, since the semantics of the lexical unit *раздражение* already provides the seme 'очень': чувство острого недовольства, досады, злости [15].

Речь второго персонажа окрашена совершенно другими¹ коннотативными значениями. В данном случае доминируют значения с отрицательным эмоциональным настроением. В ней в относительно равной² мере присутствуют значения насмешки, недовольства, удовлетворения, подавленности, возмущения и негодования. Перечисленные значения достаточно четко³ коррелируют с состоянием человека, который может лишиться своего обычного мира и героя, ищущего опоры вне себя. Считаю⁴ важным обратить внимание еще на две особенности, характеризующие звуковую эмотивную коннотативную структуру текста: а) эмотивные коннотативные значения в тексте диалога могут, как резко контрастировать⁵ в речи обоих персонажей⁶, б) так и меняться на протяжении всей реплики в речи того или иного персонажа. Для иллюстрации приведу два примера из речи обоих персонажей⁶. В первом примере видно, как отчетливо меняются⁷ эмотивно коннотативные значения интонации в речи первого персонажа: в начале в голосе слышится размышление, затем недовольство, нежность, и во второй половине реплики эмоциональный подъем сменяется уверенностью и сожалением.

The phrase *совершенно другими¹* [коннотативными значениями], in our opinion, should not be used in the context of a scientific article. In this case, *другие коннотативные значения* is meant, reinforcement of this phrase is not required, the lexical unit *другие* already involves the seme 'абсолютное качество'.

In the following phrase *в относительно равной² мере*, the general lexical meaning is ambiguous, since it is not clear what is meant: 'в равной мере' or 'в пропорциональном отношении', in our opinion, the valence of the adverb *относительно* does not allow to combine it with the adjective in the phrase *равная мера*. *Равный* means 'одинаковый, совершенно сходный, такой же (по величине, значению, качеству)' [10], consequently, *совершенно сходный* cannot be *относительным*.

In the phrase *достаточно четко³ коррелируют* the motives of use of adverbs *достаточно* and *четко* with the verb *коррелировать* are not clear enough: the verb has the meaning 'быть взаимосвязанным с чем-либо по отдельным признакам, параметрам' [15], and the adverbs do not specify the semantics of the verb. The general meaning of the three sentences does not clarify the author's intention either: *в речи второго персонажа присутствуют значения насмешки и т.д., которые коррелируют с определенным (автор называет его) состоянием человека* we may interpret as following: *в речи второго персонажа присутствует значение насмешка и т.д., которые характерны (автор называет его) состоянию человека.* Accordingly, we can state that lexical units *достаточно четко, значения* are redundant.

In the example *Считаю⁴ важным обратить внимание еще на две особенности, характеризующие звуковую эмотивную коннотативную структуру текста: а) эмотивные коннотативные значения в тексте диалога могут, как резко контрастировать⁵ в речи обоих персонажей⁶, б) так и меняться на протяжении*

всей реплики в речи того или иного персонажа⁶. Для иллюстрации приведу два примера из речи обеих персонажей it is possible to note the wrong use of the personal form of the verb *считать* (1st person singular) with the normative use in the scientific style of the personal form — 1st person plural — *мы считаем*. The synonymous replacement of the lexical units *эмотивная коннотативная структура* and *персонажи* is also required. In the first case, the author uses a term, so a substitution with a synonym term is impossible; in the second case, instead *персонажи* it could be better to use the word *герои*. The phrase *резко контрастировать* contains a superfluous refining of the verb *контрастировать*, the semantics of which already involves an element of the meaning *резко* — ‘составлять контраст, представлять собою контраст’ [15]; *контраст* is ‘резко выраженная противоположность в чем-либо’ [15] (authors’ selection).

In the sentence *В первом примере видно, как отчетливо меняются⁷ эмотивно коннотативные значения интонации в речи первого персонажа: в начале в голосе слышится размышление, затем недовольство, нежность, и во второй половине реплики эмоциональный подъем сменяется уверенностью и сожалением* it is necessary to note the different valences of lexical units *отчетливо* and *меняться*: in the first case, the meaning ‘so that all the details, subtleties are well perceived, visible, distinguishable’ states qualities in their static form (constant quality semes); in the second case, the meaning ‘to become different, to acquire new properties and qualities’ actualizes the semantics of change. The use of these two units together in one phrase in a scientific text is undesirable. In our opinion, this sentence could be presented as following:

В первом примере отчетливо видно, как меняются⁷ эмотивно коннотативные значения интонации в речи первого персонажа: в начале в голосе слышится размышление, затем недовольство, нежность, и во второй половине реплики эмоциональный подъем сменяется уверенностью и сожалением.

The final example in our article is an attempt to create an emotionally coloured popular-scientific text:

Весь диалог построен таким образом на антиномиях между явно положительной¹ и явно отрицательной² интонационной экспрессией. ... Разнообразная коннотативная палитра интонации в речи героев психологически обогащает содержание текста и расцвечивает разными красками³ картину события.

Both cases (examples 1 and 2) of the use of adverb *явно* and the adjective is a violation of lexical compatibility, since the word *явно* has the meaning ‘так, что совершенно очевидно, ясно для всех’, which contradicts the semantics of the words *положительный* — ‘свидетельствующий о наличии чего-либо предполагаемого, соответствующий ожидаемому’ — and *отрицательный* — ‘свидетельствующий об отсутствии чего-либо или несоответствующий чему-либо ожидаемому’ and contains the seme of clarity presence. The repetition of this adverb is not justified — we did not see in it an organizing function for this text, any reinforcement is not necessary. The fragment of the text *расцвечивает разными красками³ картину события* not only has unambiguous semantics, but it is not the logical conclusion of a paragraph either: *расцвечивает* is duplicated by *разными* [красками] and the word *палитра*,

картина события are two nouns that mark a certain passage of the work. Thus, we understand the author's intention as following:

... *Разнообразная коннотативная палитра интонации в речи героев психологически обогащает содержание текста и **делает событие объемным/многогранным/неоднородным и расцвечивает разными красками**³ картину события.*

CONCLUSION

1. Language redundancy has relatively recently appeared in the focus of attention of researchers, therefore, in scientific and scientific-didactic works there are no detailed recommendations on the assessment of excessiveness in different styles and genres.

2. In scientific literature language redundancy is assessed as a positive feature of a natural language, something that allows you to add or refine information already indicated.

3. Language redundancy is partly justified in the oral speech, in everyday communication.

4. A scientific text is a special form of written communication, an important condition for its implementation is a preliminary reflection on the statement, a monologue in nature with a fixation on normalized speech.

5. While working with a scientific text, it is necessary to keep in mind that the absolute criterion is the desire to express certain content with a minimum of the most accurate lexical units in compliance with the basic principles of the formal links of parts of the text, which will allow avoiding language redundancy.

© Алонцева Н.В., Ермошин Ю.А.

Дата поступления: 18.10.2018

Дата приема в печать: 20.12.2018

REFERENCES

1. Shannon, K. Communication Theory in Secret Systems. Introduction and summary. URL: http://www.enlight.ru/crypto/articles/shannon/shann_0.htm (accessed: 12/20/2018).
2. Grudeva, E.V. (2008). Redundancy of the text: the history of the issue and the methodology of the research, *News of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen*, 59, 106—114.
3. Gleason, G. (1939). Introduction to descriptive linguistics. Moscow.
4. Hockett, Ch. (1958). A Course in Modern Linguistics. New York.
5. Zvegintsev, V.A. (1967). Theoretical and applied linguistics. Moscow.
6. Dubois, J., Adeline, F., Klikenberg, J., & al. (1986). General rhetoric. Moscow.
7. Krongauz, M.A. (2001). Semantics. Moscow.
8. Susov, I.P. (2007). Introduction to linguistics. Moscow: AST: Vostok—Zapad.
9. Dugalich, N. (2017). The Problem of Translating the Verbal Component of the Creolized Text of the Political Caricature (based upon the material of the Arabic and French languages). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 902—911. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-902-911.
10. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian language. Online version. Access mode: <https://slovarozhegova.ru>. (the date of circulation: 12/20/2018).
11. Efremova, T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (accessed: 12/20/2018).

12. Nikashina, N.V. & Popova, A.O. (2015). Typology of repetitions in Margaret Thatcher's political speeches. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 4, 203—207.
13. Mokrova, N.I., Pozdnyakova, S.Yu. (2013). Means of language redundancy at the syntactic level of the Cologne dialect song text. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*, 1 (72), 263—267.
14. Tomashevsky B.V. *Theory of Literature. Poetics*. М.: Aspect Press, 1996.
15. Wiktionary. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/Wiktionary> (accessed: 12/20/2018).

УДК: 81

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-129-140

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Н.В. Алонцева, Ю.А. Ермошин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия 117198

Языковая избыточность является актуальной проблемой носителей русского языка. В данной статье авторы рассматривают проблему языковой избыточности в письменной коммуникации, описывают отдельные ее аспекты на примерах, взятых из научно-популярных и научных статей гуманитарного профиля (психология, лингвистика, литературная критика), выбранных из открытых интернет-источников. В статье рассмотрена история научного изучения проблемы языковой избыточности в текстах различных стилистической направленности, представлена типология примеров языковой избыточности прежде всего на уровне сочетания лексических единиц и на уровне построения текста, а также приводятся рассуждения о причинах появления языковой избыточности и о возможных шагах по ее преодолению.

Объектом исследования является научно-популярный и научный текст, предметом исследования становятся стилистические погрешности и элементы языковой избыточности. Материалом анализа стали тексты, полученные методом сплошной выборки из сборников научных статей, выложенных в Интернете. В каждом конкретном примере авторы предлагают свой вариант выражения содержания без лишних лексических единиц, опуская их или заменяя их синонимическими оборотами и отдельными синонимами.

Стилистическим недочетом, сближающимся с проблемой языковой избыточности, является нарушение формальной связи предложений в тексте, при котором повторяются опорные слова или слова-связки. В статье приводится их типология и примеры ошибок данного типа.

Научная новизна исследования связана прежде всего с недостаточностью исследований языковой избыточности на материале научных текстов на русском языке. Практическое значение авторы статьи видят в обращении внимания авторов научного текста к своим произведениям с точки зрения их соответствия норме в данном аспекте.

Ключевые слова: языковая избыточность, научный текст, стилистика, русский язык

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шеннон К. Теория связи в секретных системах. Введение и краткое содержание. Режим доступа: http://www.enlight.ru/crypto/articles/shannon/shann_0.htm (дата обращения: 20.12.2018).
2. Грудева Е.В. Избыточность текста: история вопроса и методика исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. no 59. С. 106—114.
3. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1939.

4. *Hockett Ch.* A Cours in Modern Linguistics. New York, 1958.
5. *Звегинцев В.А.* Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1967.
6. *Дюбуа Ж., Эделин Ф., Кликенберг Ж.* и др. *Общая риторика*. М., 1986.
7. *Кронгауз М.А.* Семантика. М., 2001.
8. *Сусов И.П.* Введение в языкознание. М.: АСТ: Восток—Запад, 2007.
9. *Дугалич Н.М.* Проблема перевода вербального компонента креолизованного текста политической карикатуры (на материале арабского и французского языков) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8. no 4. С. 902—911.
10. *Ожегов С.И.* *Словарь русского языка*. Онлайн версия. Режим доступа: <https://slovarozhhegova.ru>. (дата обращения: 20.12.2018).
11. *Ефремова Т.Ф.* *Современный толковый словарь русского языка*. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 20.12.2018).
12. *Никашина Н.В., Попова А.О.* Типология повторов в политических выступлениях Маргарет Тэтчер // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2015. no 4. С. 203—207.
13. *Мокрова Н.И., Позднякова С.Ю.* Средства языковой избыточности на синтаксическом уровне Кёльнского диалектного песенного текста // *Вестник ИрГТУ*. 2013. no 1 (72). С. 263—267.
14. *Томашевский Б.В.* *Теория литературы. Поэтика*. М.: Аспект Пресс, 1996.
15. *Викисловарь*. Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/Викисловарь> (дата обращения: 20.12.2018).

Для цитирования:

Алонцева Н.В., Ермошин Ю.А. Проблема языковой избыточности на примере научного текста // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2019. Т. 10. no 1. С. 129—140. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-129-140.

For citation:

Natalia V. Alontseva & Yuriy A. Ermoshin (2019). Problem of language redundancy on the example of a scientific text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 129—140. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-129-140.

Information about the authors:

Natalia V. Alontseva, Associate professor of the department of foreign languages, RUDN University; *academic interests*: pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages; *e-mail*: alontseva_nv@rudn.university

Yury A. Ermoshin, Associate professor of the department of foreign languages, PhD in Pedagogy, RUDN University; *academic interests*: pragmatics, discourse analysis, methods of teaching foreign languages; *e-mail*: ermoshin_yua@rudn.university

Сведения об авторах:

Алонцева Наталья Владимировна, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: alontseva_nv@rudn.university

Ермошин Юрий Анатольевич, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *научные интересы*: прагматика, дискурсивный анализ, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: ermoshin_yua@rudn.university

УДК: 81:159.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-141-151

ДИНАМИКА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА *KANZLERIN ANGELA MERKEL*

Т.Ю. Гамерьян¹, В.А. Цаголова²

¹Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, Владикавказ, Россия, 362025

²Северо-Кавказское суворовское военное училище
ул. Интернациональная, 22, Владикавказ, Россия, 362002

В статье представлены результаты моделирования многослойной структуры образа *Kanzlerin Angela Merkel*, ядром которого является метафорический пласт политического концепта.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью политической коммуникации в обществе и недостаточной изученностью ее имиджевого аспекта. В фокусе внимания авторов статьи политика с точки зрения целевых установок коммуникации власти, соотношения языка и культуры, эмоции и когниции, отражения в языке ценностной картины мира носителей немецкого языка.

Статья выполнена в рамках лингвокультурологии, лингвокогнитологии, политической лингвистики и дискурсологии. В качестве методологической основы исследования применяются следующие методы и подходы: метод сплошной выборки, классификационный метод, метод когнитивного моделирования, когнитивно-интерпретативный метод, концептуальный анализ, метод статистической обработки данных.

Материалом исследования послужили тексты немецких информационно-политических журналов «Der Spiegel» и «Focus» за 2005—2017 годы.

В исследовании на базе 8180 текстовых фрагментов описываются метафорические модели и их подвиды, выявляются когнитивные признаки и доминанты каждого периода канцлерства А. Меркель.

Ключевые слова: политическая метафора, политический дискурс, метафорическая модель, концепт *Kanzlerin Angela Merkel*, структурная формула модели

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важных характеристик политического дискурса является высокая степень метафорической насыщенности любого жанра политической коммуникации [1. С. 54].

В современном политическом дискурсе метафора стала мощным средством концептуального воздействия на общество [2. С. 63].

Изучение процесса метафоризации — ведущего способа мышления и инструмента аргументации, обладающего «сильным прагматическим эффектом» [3. С. 85], в политической коммуникации базируется на понимании метафоры как способа мировидения и описания политической картины мира. Метафорические модели отражают специфические стереотипные образы, организующие опыт и знания о мире в каждой этнокультуре [4; 5].

Метафора стала неотъемлемой частью политических текстов, воздействует на сознание массового потребителя. Так как метафора в политической сфере является средством формирования представлений, то это предполагает изучение ее когнитивных аспектов. Метафора интенсивно используется в СМИ в целях воздействия на адресата.

А.Н. Баранов полагает, что политическая метафора служит «основным поставщиком альтернатив разрешения проблемных ситуаций. Политическая метафора задает то множество выходов из кризиса, которое далее рассматривается политиком в процессе принятия решений» [6. С. 190].

Материалом исследования послужили тексты из немецких информационно-политических журналов «Der Spiegel» и «Focus» в период с сентября 2005 г. по август 2017 г. В качестве методологической основы исследования применяются следующие методы и подходы: метод сплошной выборки, классификационный метод, метод когнитивного моделирования, когнитивно-интерпретативный метод, концептуальный анализ, метод статистической обработки данных.

Концепт *Kanzlerin Angela Merkel* описан на базе 8180 текстовых фрагментов, из которых 6126 составляют метафорические репрезентации.

Метафора в масс-медийном политическом дискурсе, репрезентирующем концепт *Kanzlerin Angela Merkel*, формирует обширную сферу, связывающую исходную когнитивную область множественными проекциями в разные понятийные области. В терминологии А.П. Чудинова такого рода метафорические «бури» в политической жизни свидетельствуют о нестабильности политической ситуации в стране [2. С. 87].

Анализ динамики метафорической активности, объективирующей образ А. Меркель как субъект политической деятельности в немецком политическом дискурсе, позволяет судить о возрастающей значимости данного персонажа на внутри- и внешнеполитической арене.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА KANZLERIN ANGELA MERKEL

(I срок канцлерства)

Первый срок канцлерства А. Меркель описан на основе 21 вида когнитивной метафоры и 60 моделей, получивших 860 реализаций, второй — на базе 35 видов метафор и 106 моделей, получивших 2412 реализаций; третий (с декабря 2013 г.) — на данный момент реализован 63 видами метафор и 199 моделями, получившими 2854 актуализаций. Весь метафорический арсенал концепта *Kanzlerin Angela Merkel* представлен 71 видом метафор и 365 моделями.

За первый период канцлерства (ноябрь 2005 — октябрь 2009) выявлены следующие виды метафор: *протекционалистская* (30/247), *метафора верховной власти* (10/109), *профессиональная* (7/85), *зооморфная* (5/21), *генетическая* (4/103), *природная* (3/82), *метафора менеджмента* (3/79), *военная* (2/4), *психологическая* (2/5), *религиозная* (2/12), *спортивная* (1/1), *массмедийная* (1/39), *количественная* (1/3), *химическая+соматическая* (1/3), *статусная* (1/17), *метафора отношений* (1/4), *пространственная* (1/4), *метафора посредничества* (1/29), *фило-*

софская (1/3), метафора эталона (1/3) и экологическая (1/7). Первая цифра в скобках означает количество моделей определенного вида метафоры, вторая цифра — количество актуализаций.

Высокую плотность употребления составляли *протекционалистская метафора, метафора верховной власти, профессиональная и зооморфная виды метафор*.

Метафора *верховой власти* репрезентирована следующими моделями: *A.M. — Königin Angela* «А.М. — королева Ангела»; *A.M. — Königin der Seiteneinsteiger* «А.М. — королева пришедших со стороны»; *A.M. — Königin des Ungewollten* «А.М. — королева нежелательного»; *A.M. — Königin des Hinterzimmers* «А.М. — королева подсобного помещения»; *A.M. — die deutsche Queen* «А.М. — немецкая королева»; *A.M. — Herrscherin* «А.М. — государыня»; *A.M. — Monarchin* «А.М. — монарх»; *A.M. — Gipfelkönigin* «А.М. — самая главная королева»; *A.M. — Kaiserin* «А.М. — императрица»; *A.M. — die Königin von Deutschland* «А.М. — королева Германии». Например:

Sie will bleiben, was sie schon in den vergangenen vier Jahren war: die Präsidialkanzlerin. Angela Merkel, Königin von Deutschland. — «Она хочет остаться тем, кем она была в течение четырех прошедших лет: канцлером, наделенным высшей властью. Ангела Меркель, королева Германии» [12].

Зооморфная метафора представлена такими моделями, как: *A.M. — graue Maus aus dem Osten* «серая мышь из Востока»; *A.M. — Mäuschen* «мышка»; *A.M. — die Glucke* «курица-наседка»; *A.M. — Chamäleon* «хамелеон»; *A.M. — Alphantier / Alpha-Tier* «альфа-животное». Концептуальный тип метафоры отражен в приведенном ниже фрагменте:

Auch Merkel ist ein Alpha-Tier, entsprechend wird die Freiheit eingeschränkt. Was zählt, ist nur die Freiheit der Alpha-Tiere. Das spricht dafür, es gibt Leute die leben nicht im Staat, sie leben über dem Staat. Das sind die, die ohne Flieger nicht mehr auskommen. Nur vor dem Abstürzen wollen sie die ersten sein, die — natürlich lebend — rauskommen. <...> Sie verstehen nichts, ihr Verantwortungsgefühl ist negativ, nur auf sich selbst gerichtet. Sie schauen von der Gottebene auf andere herab, die sich noch mit Panzern in andere Landstriche verirren. — «Также Меркель является Альфа-животным, соответственно, у нее ограничена свобода. Для Альфа-животных имеет значение только свобода. Это говорит о том, что есть люди, которые живут не в государстве, они живут над государством. Это те, которые уже не обходятся без самолетов. Только перед крушением они хотят быть первыми, кто выживет. <...> Они ничего не понимают, у них негативное чувство ответственности, направленное только на себя. С высоты Бога они смотрят на других, которые на танках пересекли рубежи других стран [7].

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА KANZLERIN ANGELA MERKEL

(II срок канцлерства)

Второй период (октябрь 2009 — декабрь 2013), на который пришелся пик экономического кризиса в Европе, представлен такими видами метафор, как: *протекционалистская (21/1181), профессиональная (15/201), метафора верховной власти (7/198), метафора менеджмента (6/193), генетическая (4/97), количест-*

венная (4/16), зооморфная (3/36), спортивная (3/7), механическая (3/29), эмоциональная (3/80), интеллектуальная (3/14), метафора-негация (2/49), вещественная (2/13), сексуально-ролевая (2/2), поведенческая (2/17), кинематографическая (2/5), полицейская (2/16), психологическая (2/14), статусная (2/32), пространственная (2/16), криминальная (2/3), библейская (1/2), политико-экономическая (1/21), антимаскулинная (1/1), военная (1/6), людическая (1/7), метафора стабильности (1/1), этническая (1/1), химическая (1/28), химическая + соматическая (1/1), промысловая (1/2), историческая (1/2), темпоральная (1/19), политическая (1/37), метафора посредничества (1/45), морбиальная + физического здоровья (1/1) и метафора ремесленничества (1/3).

Доминанту составили протекционалистская, профессиональная метафора, метафора верховной власти и метафора менеджмента.

Метафора верховной власти эксплицирована посредством следующих моделей: *А.М. — Königin der Macht* «А.М. — королева власти»; *А.М. — Königin Europas* «А.М. — королева Европы»; *А.М. — ungekrönte Königin Europas* «А.М. — некоронованная королева Европы»; *А.М. — die Königin von Deutschland* «А.М. — королева Германии»; *А.М. — Königin Angela* «А.М. — королева Ангела»; *А.М. — die mächtigste Frau der Republik* «А.М. — самая могущественная женщина республики»; *А.М. — deutsche Königin / deutsche Queen* «А.М. — немецкая королева».

Так, модель *А.М. — deutsche Königin / deutsche Queen* «А.М. — немецкая королева» отражена в следующем фрагменте:

Die deutsche Queen. Das Volk diskutiert darüber, ob seine Kanzlerin Angela Merkel eher Protestantin oder Physikerin oder Frau oder Ostdeutsche ist. Dabei lebt die einstige Quereinsteigerin sei Jahren wie in einem Schloss, aus dem sie auf ihr Land und die Welt schaut. — «Немецкая королева. Народ спорит о том, является ли их канцлер Ангела Меркель больше протестанткой, физиком, женщиной или восточной немкой. При этом женщина, когда-то сменившая род деятельности, живет как в замке, из которого она смотрит на свою страну и на мир» [8].

Метафора менеджмента представлена такими моделями, как *А.М. — die alles-wird-teuer-Kanzlerin* «А.М. — все-становится-дорого-канцлер»; *А.М. — die Sparkanzlerin* «А.М. — канцлер экономии»; *А.М. — Krisenkanzlerin* «А.М. — канцлер кризиса»; *А.М. — Managerin* «А.М. — менеджер»; *А.М. — die Strategin* «А.М. — стратег»; *А.М. — Krisenmanagerin* «А.М. — кризисный менеджер». Следующий отрывок демонстрирует данную разновидность:

Merkel, die Krisenkanzlerin. Die Regierungschefin hat einen Ruf zu verlieren: Ihr Krisenmanagement nach der Lehman-Pleite im Jahr 2008 wird gemeinhin als gelungen angesehen. Das Image der kühlen Macherin will sie nicht verlieren. — «Меркель, кризисный менеджер. Глава правительства теряет репутацию: ее кризисный менеджмент после банкротства компании Lehman в 2008 г. в целом рассматривается как удавшийся. Она не хочет терять имидж хладнокровного создателя» [9].

За второй период канцлерства А. Меркель появился 21 новый вид метафор: механическая, эмоциональная, интеллектуальная, метафора-негация вещественная, сексуально-ролевая, поведенческая, кинематографическая, полицейская, кри-

минальная, политико-экономическая, антимаскулинная, людическая, метафора стабильности, этническая, промысловая, историческая, темпоральная, политическая, морбиальная метафора и метафора физического здоровья.

Протекционалистская метафора, метафора верховной власти, генетическая, количественная, статусная и пространственная виды метафор пополнились новыми фреймами.

Профессиональная, зооморфная, военная, психологическая и спортивная виды метафор поменяли аксиологическое значение — прекращается эксплуатация старых моделей, их сменяют новые.

Массмедийная метафора, метафора эталона, метафора отношений, природная, философская и экологическая виды метафор вышли из употребления.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА KANZLERIN ANGELA MERKEL

(III срок канцлерства)

За третий период канцлерства А. Меркель, на который приходится война в Украине, война в Сирии, наплыв беженцев из мусульманских стран в Германию и разлад отношений между странами Запада и странами ЕС, выявлены следующие виды метафор: метафора верховной власти (26/899), протекционалистская (22/781), профессиональная (11/86), метафора посредничества (11/92), зооморфная (8/26), генетическая (8/87), военная (7/20), метафора менеджмента (6/158), геополитическая (5/172), поведенческая (5/27), интеллектуальная (5/141), криминальная (4/10), спортивная (4/4), механическая (4/11), психологическая (4/30), метафора разрушения (4/4), метафора отношений 93/3), темпоральная (3/16), вещественная (3/20), химическая (3/40), природная 93/44), метафора высоких технологий (3/51), историческая (3/5), религиозная (2/8), метафора внешней политики (2/8), метафора верховной власти + транспортная (2/3), антиметафора верховной власти (2/3), маскулинная 92/2), метафора верховной власти + метафора насилия (1/1), метафора верховной власти + стратегическая (1/2), трансформационная (1/2), ювелирная (1/1), интернет-метафора (1/2), метафора верховной власти + генетическая (1/2), фемининная (1/1), пространственная (1/1), растительная (1/2), мебельная (1/1), сексуальная (1/1), финансовая (1/21), метафора эталона (1/2), метафора погрешности (1/1), пространственно-временная (1/1), библейская (1/2), астрономическая (1/1), астрономическая + интернет-метафора (1/2), обструктивная (1/2), управленческая 91/1), туристическая (1/2), икольная (1/1), типографическая (1/1), юридическая (1/1), соматическая (1/1), метафора контейнера (1/1), генетическая+ психологическая (1/1), метафора менеджмента + магическая (1/1), химическая + генетическая (1/1), политическая (1/19), метафора стабильности (1/1), магическая (1/2), метафора искусства (1/1) и метафора ремесленничества (1/3).

Высокую плотность употребления в третий период составляют метафора верховной власти, протекционалистская, профессиональная виды метафор и метафора посредничества.

Метафора верховной власти репрезентирована такими моделями, как: *А.М. — die mächtigste Frau der Welt* «А.М. — самая могущественная женщина мира»;

A.M. — die mächtigste Frau Europas «А.М. — самая могущественная женщина Европы»; *A.M. — die mächtigste Frau der EU* «А.М. — самая могущественная женщина Европейского союза»; *A.M. — Kronprinzessin Nummer eins* «А.М. — наследная принцесса номер один»; *A.M. — neue Königin von Europa* «А.М. — новая королева Европы»; *A.M. — die Königin von Europa / die Königin Europas* «А.М. — королева Европы»; *A.M. — Königin von ganz Europa* «А.М. — королева всей Европы»; *A.M. — europäische Königin* «А.М. — европейская королева»; *A.M. — Königin Merkel* «А.М. — королева Меркель»; *A.M. — Königin von Deutschland* «А.М. — королева Германии»; *A.M. — deutsche Königin* «А.М. — немецкая королева»; *A.M. — ungekrönte Königin von Europa* «А.М. — некоронованная королева Европы»; *A.M. — selbsternannte Königin von Europa* «А.М. — самопровозглашенная королева Европы»; *A.M. — selbsternannte Königin der Welt* «А.М. — самопровозглашенная королева мира»; *A.M. — Königin Merkelchen* «А.М. — королева Меркелишка»; *A.M. — Königin Angela I* «А.М. — королева Ангела Первая»; *A.M. — Königin Angela* «А.М. — королева Ангела»; *A.M. — die heimliche Königin Europas* «А.М. — тайная королева Европы»; *A.M. — die Königin der Phrasen* «А.М. — королева фраз»; *A.M. — die mächtigste Staatschefin in Europa* «А.М. — самый могущественный глава государства в Европе»; *A.M. — die einflussreichste Frau Europas* «А.М. — самая влиятельная женщина Европы»; *A.M. — Anführerin Europas* «А.М. — предводительница Европы»; *A.M. — selbtherrliche Kanzler-Demokratie* «А.М. — самодержавная канцлер-демократия»; *A.M. — die Monarchin* «А.М. — монарх»; *A.M. — die Queen* «А.М. — королева»; *A.M. — Kaiserin Europas* «А.М. — императрица Европы». Следующий фрагмент свидетельствует об указанной модели власти:

<...> und die CDU-Genossen schweigen und kuschen. Die "Kaiserin" kann machen, was sie will. Mit Demokratie hat das nichts zu tun. — «<...> а товарищи по партии ХДС молчат и поджимают хвосты. „Императрица“ может делать все, что хочет. К демократии это не имеет никакого отношения» [10].

Метафора *посредничества* реализована следующими моделями: *A.M. — Krisen-Schlichterin* «А.М. — третейский судья кризисов»; *A.M. — die Schiedsrichterin* «А.М. — третейский судья, посредник»; *A.M. — die ungekrönte Russland-Beauftragte der westlichen Welt* «А.М. — некоронованная уполномоченная западного мира в России»; *A.M. — zentrale Figur im aktuellen Kräfteressen zwischen Russland und dem Westen* «А.М. — центральная фигура в сегодняшнем измерении сил между Россией и Западом»; *A.M. — wie ein ruhender Pol zwischen Obama und Putin* «А.М. — тихий полюс между Обамой и Путиным»; *A.M. — wie eine Art Gesandte Obamas* «А.М. — своего рода посланница Обамы»; *A.M. — Moderatorin* «А.М. — модератор»; *A.M. — Regierungs-Moderatorin* «А.М. — модератор правительства»; *A.M. — Konsens-Moderatorin* «А.М. — модератор консенсуса»; *A.M. — Bindeglied zwischen den Kontinenten* «А.М. — связующее звено между континентами»; *A.M. — Vermittlerin zu Russland* «А.М. — посредница между Россией». Проиллюстрируем это таким примером:

Amerika braucht die Frau aus der Uckermark als Bindeglied zwischen den Kontinenten und als Vermittlerin zu Russland, das entgegen der Einschätzung des amerikanischen Staatschefs eben doch mehr ist als eine Regionalmacht. Merksels Kapital sind Bodenstän-

digkeit und Vertrauenswürdigkeit. Ihre Gesprächspartner schätzen sie, weil sie zuhören kann — und dabei auch mit schwierigen Partnern wie Griechenlands Alexis Tsipras Geduld aufbringt. — «Америке нужна женщина из Уккермарка как связующее звено между континентами и посредница с Россией, что вопреки оценке американского главы государства означает все же больше, чем просто региональная власть. Капиталом Меркель являются основательность и благонадежность. Ее партнеры по переговорам ценят ее, так как она умеет слушать — и при этом даже с трудными партнерами, такими как Алексис Ципрас, она запасается терпением» [11; 12].

За третий период появилось 30 новых видов метафор: *метафора отношений, природная, метафора высоких технологий, метафора разрушения, метафора внешней политики, транспортная, маскулинная, метафора насилия, стратегическая, трансформационная, ювелирная, интернет-метафора, фемининная, растительная, мебельная, финансовая, метафора эталона, метафора погрешности, пространственно-временная, астрономическая, обструктивная, управленческая, туристическая, школьная, типографическая, юридическая, соматическая, метафора контейнера, магическая, метафора искусства.*

Метафора *верховой власти, протекционалистская, генетическая, метафора менеджмента, интеллектуальная, психологическая* и метафора *посредничества* пополнились новыми фреймами.

В *профессиональной, зооморфной, военной, поведенческой, криминальной, спортивной, вещественной, поведенческой, пространственной, библейской, исторической* и *темпоральной* видах метафор прекращается эксплуатация старых моделей, их сменяют новые.

Метафора-негация, сексуально-ролевая, кинематографическая, полицейская, статусная, политико-экономическая, антимаскулинная, людическая, метафора стабильности, этническая и *промысловая* виды метафор вышли из употребления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ канцлера А. Меркель соткан из пестрого полотна многовидовых метафор, служащих эффективным средством построения концептуальной сферы немецкого политического лидера. Причем метафорическое поле насыщено проекциями из разнообразных областей, формирующих как у сторонников, так и у противников данного персонажа ощущение его суперзначимости для нации.

Из 71 вида метафор 7 репрезентируют с разной степенью активности концепт *Kanzlerin Angela Merkel* на протяжении трех периодов канцлерства: *метафора верховной власти, протекционалистская, профессиональная, зооморфная, генетическая, военная, метафора менеджмента, спортивная, психологическая, химическая, религиозная, пространственная, соматическая* [13].

Протекционалистская и *профессиональная* метафоры, метафора *верховой власти* вошли в ядро концепта *Kanzlerin Angela Merkel* в течение трех периодов.

Зооморфная метафора составила нуклеарный центр в первый период, а метафора *менеджмента* — во второй.

Генетическая метафора реализована небольшим количеством моделей (I период — 4 модели и 103 реализации, II период — 4 модели и 97 реализаций, III период — 8 моделей и 87 реализаций), но по частотности употребления она

сохраняет актуальность на протяжении всех периодов канцлерства А. Меркель. Канцлер Германии воплощает в себе универсальный стереотип матери, осуществляя материнскую заботу о немецкой нации, о министрах своего кабинета министров, о странах ЕС, о беженцах.

Протекционалистская, метафора *верховой власти* и *генетическая* виды метафор каждый последующий период дополнялись все большим количеством новых моделей, но наряду с ними продолжалась частичная эксплуатация старых моделей.

Зооморфная, *профессиональная* метафора и метафора *менеджмента* в каждый период канцлерства А. Меркель представлены новыми разновидностями: прекращается эксплуатация старых моделей, их сменяют новые: в *зооморфной* метафоре наблюдается динамика образа от серой мыши (*graue Maus*) до лживой змеи (*falsche Schlange*); в *профессиональной* метафоре наблюдается динамика образа от уровня низшего профессионального звена (*Reinigungskraft* «уборщица» и *Sauberfrau* «техничка») до высшей ступени профессиональной деятельности (*Friedensrichter* «мировой судья» и *Anwältin* «адвокат»).

Три вида метафор — протекционалистская (54/2209), верховной власти (43/1206), профессиональная (32/372) — составили ядро метафорического образа концепта *Kanzlerin Angela Merkel*.

Метафоры, составившие стержень концепта *Kanzlerin Angela Merkel*, репрезентируют следующие когнитивные признаки исследуемого концепта: *внутренняя политика*, *внешняя политика*, *личностные качества*, *политическая компетентность* (профессиональная метафора); *внутренняя политика*, *политическая компетентность*, *внутрипартийная политика*, *внешняя политика*, *интеллектуальные способности*, *статусность*, *мировая миграционная политика*, *антикризисная политика*, *протекционализм* (протекционалистская метафора); *статусность*, *форма правления государством*, *политическая компетентность* (метафора верховной власти).

Из 365 метафорических моделей (100%), репрезентирующих концепт *Kanzlerin Angela Merkel* на протяжении трех периодов канцлерства, 211 моделей (57,81%) маркированы положительно, 132 модели (36,16%) — негативно и 12 моделей (3,29%) — нейтрально.

Таким образом, в метафорическом образе концепта *Kanzlerin Angela Merkel*, созданном в немецких СМИ, преобладает положительная оценка образа политика.

На основе образно-метафорического пласта концепта *Kanzlerin Angela Merkel* формируется образ *матери*, *мачехи*, *хозяйки*, *императрицы* и *железной леди*. Образ *матери* реализуется посредством генетической и протекционалистской видов метафор. Образ *хозяйки* реализуется через метафору менеджмента, образ *императрицы* актуализируется посредством метафоры верховной власти, природной метафоры, метафоры менеджмента. Образ *железной леди* реализуется с помощью химической метафоры. Выявленные образы преимущественно положительно коннотированы.

© Тамерьян Т.Ю., Цаголова В.А.

Дата поступления: 17.10.2018

Дата приема в печать: 16.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Михайлов В.В. Средства реализации образности в институциональном политическом дискурсе: На материале немецкого и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.
2. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.
3. Чудинов А.А. Постулаты уральской школы политической метафорологии // Уральский филологический вестник. 2012. no 2. С. 85—92.
4. Тамерьян Т.Ю. Гетеростереотипные модели в картине мира // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8. no 1. С. 241—245.
5. Тамерьян Т.Ю. Интердискурсивные метафорические модели // Когнитивные исследования языка. 2013. no 14. С. 236—240.
6. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. С. 184—193.
7. Focus online 03.09.2008. Режим доступа: https://www.focus.de/politik/deutschland/g7-gipfel-elmau/die-kanzlerin-kann-gipfel-das-g7-treffen-hat-gezeigt-warum-angela-merkel-die-heimliche-koenigin-europas-ist_id_4736389.html (дата обращения: 08.06.18).
8. Der Spiegel 11.05.2009. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-65330394.html> (дата обращения: 08.09.18).
9. Spiegel online 03.05.2009. Режим доступа: www.spiegel.de/politik/deutschland/merkels-strategie-im-griechen-streit-rueckkehr-der-krisekanzlerin-a-692745.html; (дата обращения: 08.09.18).
10. Focus online 27.06.2017. Режим доступа: https://www.focus.de/politik/deutschland/bundeskanzlerin-merkel-rueckt-vom-nein-der-cdu-zur-ehe-fuer-alle-ab_id_7286941.html (дата обращения: 08.09.18).
11. Focus online 27.06.2017. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecial/d-55972850.html> (дата обращения: 09.09.18).
12. Spiegel online 24.10.2009. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/schwarzgelber-koalitionsstart-koenigin-angela-kaempft-mit-den-ungehorsamen-a-657176.html> (дата обращения: 09.09.18).
13. Тамерьян Т.Ю. Chancellor of Germany in the metaphoric mirror of political discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4 (45). С. 81—87.

УДК: 81:159.9

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-141-151

DYNAMICS OF METAPHORICAL VERBALIZATION IMAGE OF KANZLERIN ANGELA MERKEL

Tatiana Yu. Tameryan¹, Victoria A. Tsagolova²

¹North-Ossetian State University. K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin str., Vladikavkaz, Russia, 362025

²North-Caucasian Suvorov Military School,
22, International str., Vladikavkaz, Russia, 362002

Abstract. The paper presents the results of modeling the multilayer structure of the image of *Kanzlerin Angela Merkel*, the core of which is the metaphorical layer of the political concept. The relevance of the study is due to the growing role of political communication in society and the lack of study of its image aspect. policy in terms of the objectives of the communication of power, the relationship of language and culture, emotion and cognition, the reflection in the language of the value picture of the world of the speakers of the German language.

The article is carried out in the framework of cultural anthropology, linguocognitology, political linguistics and discoursology. As methodological basis of the study the following methods and approaches are used: the method of continuous sampling, the classification method, the method of cognitive modeling, the cognitive-interpretative method, the conceptual analysis, the method of statistical data processing. The analysis is based on the articles from the German information and political journals *Der Spiegel* and *Focus* for the period of 2005—2017.

In the study, based on 8180 text fragments, metaphorical models and their subtypes are described, cognitive features and dominants of each period of the Chancellery A. Merkel are revealed.

Key words: political metaphor, political discourse, metaphorical model, concept Chancellor Angela Merkel, protectionist metaphor, the structural formula of the model

REFERENCES

1. Mikhailov, V.V. (2006). Means of realization of imagery in the institutional political discourse: on the material of the German and Russian languages [dissertation]. Tambov. (In Russ.).
2. Chudinov, A.P. (2013). Essays on modern political metaphorology. Ekaterinburg. (In Russ.).
3. Chudinov, A.A. (2012). Postulates of the Ural School of Political Metaphors. *Urals Philological Bulletin*, 2, 85—92. (In Russ.).
4. Tameryan, T.Yu. (2013a). Heterostereotype models in the world picture. *Theoretical and applied aspects of the study of speech activity*, 8(1), 241—245. (In Russ.).
5. Tameryan, T.Yu. (2013b). Interdiscursive metaphorical models. *Cognitive studies of language*, 14, 236—240. (In Russ.).
6. Baranov, A.N. (1991). A sketch of the cognitive theory of metaphor. In: *Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. Russian political metaphor. Materials to the dictionary*. Moscow: The Institute of the Russian Language, USSR Academy of Sciences. pp 184—193. (In Russ.).
7. Focus online 03.09.2008. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/g7-gipfel-elmau/die-kanzlerin-kann-gipfel-das-g7-treffen-hat-gezeigt-warum-angela-merkel-die-heimliche-koenigin-europas-ist_id_4736389.html (accessed: 08.06.18).
8. *Der Spiegel* 11.05.2009. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-65330394.html> (accessed: 08.09.18).
9. *Spiegel* online 03.05.2009. URL: www.spiegel.de/politik/deutschland/merkels-strategie-im-griechen-streit-rueckkehr-der-krisenkanzlerin-a-692745.html (accessed: 08.09.18).
10. Focus online 27.06.2017. URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/bundeskanzlerin-merkel-rueckt-vom-nein-der-cdu-zur-ehe-fuer-alle-ab_id_7286941.html (accessed: 08.09.18).
11. Focus online 27.06.2017. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/spiegelspecial/d-55972850.html> (accessed: 09.09.18).
12. *Spiegel* online 24.10.2009. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/schwarz-gelber-koalitionsstart-koenigin-angela-kaempft-mit-den-ungehorsamen-a-657176.html> (accessed: 09.09.18).
13. Tameryan, T.Yu. (2015). Chancellor of Germany in the metaphoric mirror of political discourse. *Issues of cognitive linguistics*, 4 (45), 81—87.

Для цитирования:

Тамерьян Т.Ю., Цаголова В.А. Динамика метафорической вербализации образа *Kanzlerin Angela Merkel* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 1. С. 141—151. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-141-151.

For citation:

Tamerian, T.Yu. & Tsagolova, V.A. (2019). Dynamics of metaphorical verbalization of the image of *Kanzlerin Angela Merkel*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 141—151. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-141-151.

Сведения об авторе:

Тамерьян Татьяна Юльевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова; *научные интересы*: политическая лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, дискурсология; *e-mail*: tamertu@mail.ru.

Цаголова Виктория Азаматовна, аспирант кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей, Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, преподаватель немецкого языка Северо-Кавказского суворовского военного училища; *научные интересы*: политическая лингвистика, линвоконцептология; *e-mail*: vika-t77@mail.ru.

Information about the authors:

Tameryan Tatyana Yulievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages for Non-Language Specialties of the North Ossetian State University. K.L. Khetagurov; *research interests*: cognitive linguistics, cultural linguistics, psycholinguistics, discourse studies; *e-mail*: tamertu@mail.ru

Tsagolova Victoria Azamatovna, graduate student of the Department of Foreign Languages for Non-Language Specialties of the North Ossetian State University. K.L. Khetagurov, teacher of German language of the North-Caucasian Suworov military school; *research interests*: political linguistics, lingvoculturology; *e-mail*: vika-t77@mail.ru.

УДК: 811.581'28

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-152-166

КАНТОНСКИЙ ДИАЛЕКТ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ

С.А. Баров¹, М.А. Егорова²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект, 49, Москва, Российская Федерация, 125993

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

Статья посвящена проблеме сохранения кантонского диалекта (языка) в современном Китае, где на протяжении нескольких десятилетий правительством настойчиво проводится политика по распространению общегосударственного китайского языка («pǔtōnghuà» — путунхуа). Кантонский диалект является самым крупным по численности носителей среди всех китайских языков и родным для большинства жителей провинции Гуандун и Гонконга, тем не менее, в отличие от языков национальных меньшинств Китая, не защищен в полной мере законом и последовательно вытесняется из системы образования и из делового общения. В статье авторы внимательно анализируют лингвистическую историю Китая, роль диалектов в системе китайских языков и историко-политическое значение единой письменной нормы. По мнению авторов, разделение Китая на две большие культурно-исторические общности (северную и южную) соответствует сложившемуся языковому делению, однако в отличие от многих других стран мира, имеющиеся этноязыковые и этнокультурные различия между северными и южными китайцами благодаря многовековым объединяющим усилиям центрального правительства не приводят к разделению китайской нации.

В статье подробно рассматривается история кантонского языка, проводится лингвистический анализ отличий кантонского от путунхуа и на этом основании делается вывод, что кантонский стоит отнести скорее не к диалектам китайского, а к отдельному, хотя и близкородственному путунхуа, языку сино-тибетской языковой группы. Проанализировав роль кантонского диалекта в складывании особой культурно-исторической общности жителей провинции Гуандун и Гонконга, авторы приходят к выводу, что утрата кантонского диалекта/языка, которая должна произойти в течение нескольких следующих десятилетий, если языковая и образовательная политика китайского правительства не будет изменена, приведет к потери ими своей самобытности, составляющей часть нематериального культурного наследия всей китайской нации.

Ключевые слова: кантонский диалект/язык; провинция Гуандун и Гонконг; лингвистическая история Китая; политика распространения путунхуа; политика «билингвизма» и «трилингвизма»

ВВЕДЕНИЕ

Политическая и историческая традиции, а также китайская классическая философия заложили в менталитете китайского народа идею о том, что интересами отдельных людей следует пренебрегать ради «общего блага». В эту, веками складывавшуюся идеологическую концепцию, современные китайские власти уже на протяжении 70 лет (с момента образования КНР) пытаются внедрить и идею о том, что языками малых народов и различными диалектами надо пожертвовать ради развития общего китайского языка, несмотря на их лингвистическое и куль-

турное значение. Конечно, в самом Китае такой подход повсеместного и жесткого навязывания государственного языка (путунхуа) нравится далеко не всем, однако голоса недовольных не всегда бывают слышны. В основном все укладывается в рамки общественной дискуссии о том, как не дать исчезнуть сохранившимся до наших дней диалектам в условиях определенной государственной языковой политики, согласно которой детей с раннего возраста начинают обучать путунхуа и запрещают им говорить на родных языках или родных диалектах китайского языка уже в стенах детских садов и школ.

Диалекты, как и сам китайский язык, являются носителями региональной культуры Китая, именно они некогда послужили почвой для построения величественной в своей многоликости китайской цивилизации. Выйдя из народной среды, они являются отражением жизни и менталитета китайцев. По нашему мнению, языковое разнообразие, воплощенное в диалектах, их взаимодействие и даже своего рода конкуренция между ними являются неотъемлемой частью китайской культуры, признаком ее богатства и многогранности, поэтому защита диалектов означает одновременно и защиту китайской культуры, а значит и защиту всей китайской цивилизации.

Китайскую культуру можно условно разделить на два крупных образования: южную и северную, в свою очередь подразделяющихся на 56 локальных этно-национальных культур (по количеству национальных меньшинств). С этим делением фактически совпадает деление лингвистическое, согласно которому в стране выделяют семь основных крупнейших диалектных регионов (см.: [4]):

- 1) северная группа диалектов во главе с пекинским диалектом;
- 2) кантонская группа с основным диалектом этого региона — кантонским (гуанчжоуским) диалектом;
- 3) диалекты У (группа восточных диалектов — провинции Цзянсу и Чжэцзян с наиболее крупными городами: Сучжоу, Ханчжоу, Нинбо, Шанхай), где основными диалектами являются сучжоуский и шанхайский;
- 4) миннаньская группа диалектов во главе с доминирующим сямынским диалектом города Сямынь, близким тайваньскому и иначе называемым «амойский диалект» по бывшему названию Сямыня;
- 5) хунаньская группа, в которой основным является диалект города Чанша — столицы провинции Хунань;
- 6) группа диалектов хакка, в которой доминирует диалект города Мейчжоу;
- 7) группа диалектов провинции Цзянси и основной в этой группе — диалект города Наньчан (тут можно еще выделить диалекты «ичунь» и «цзиань», названные по городам своего распространения).

Каждый из этих крупных диалектов делится на множество более мелких (*fāngyán* 方言), а также и на местные говоры (*tǔyǔ* 土语). Однако наиболее распространенной по количеству носителей является группа северных диалектов, разделенная на северный и северо-западный мандарины, юго-западный мандарин и мандарин «цзянхуай» (*Jiānghuái* 江淮, то есть диалекты междуречья Янцзы и Хуайхэ). При этом термин *fāngyán* (方言) скорее подразумевает под собой не «диалект» в его западном понимании, а дословно «речь определенной местности», «местный говор».

Следует отметить, что применительно к Китаю даже на уровне терминологии в ее привычном понимании существует особая специфика, в частности, в данном случае в определении понятий «диалект» и «родной язык».

Термин «родной язык», понимаемый как «первый язык», то есть язык, усвоенный человеком с рождения, и так называемый «материнский язык» (mǔyǔ 母语 — букв. «материнский язык»), аналогично подразумевающий тот язык, который человек усваивает в детстве, и, как правило, представляющий собой стандартизованный вариант или диалектную форму языка определенной национальности, в Китае не всегда совпадают. В связи с существованием разветвленной диалектной системы в китайской социолингвистике часто наблюдается противопоставление термина «материнский язык» (mǔyǔ 母语) термину «материнский диалект» (mǔyán 母言, букв. «материнская речь»). Таким образом, функционально «первый язык» (dì yī yǔyán 第一语言) по ряду причин не всегда совпадает с «родным языком» (см.: [3]).

Если брать за основу рассмотрения функциональный подход, в котором основное внимание уделяется социальной роли лингвистического многообразия, то мы увидим, что «язык» имеет более широкие функции, чем «диалект»: он может быть средством общения между различными диалектными группами и более «развит» в том смысле, что в нем больший процент кодифицированного и стандартизированного «языка», а также, как правило, он обладает более «высоким авторитетом» среди жителей той или иной локации, чем «диалект». Этот подход отражает восприятие разницы между языком и диалектом со стороны многих нелингвистов при сравнении «простого говора» с нечетко определенным или неразвитым языком.

Случай китайских диалектов является исключительным, не позволяющим оценивать его, применяя функциональный подход. В рамках каждой крупной китайской диалектной группы, обычно есть один или два более престижных «наддиалекта», которые служат в качестве регионального общепринятого языка, например, такие, как кантонский среди диалектов Юэ, группа диалектов хакка, в котором доминирует диалект города Мейчжоу, миннаньская группа диалектов во главе с доминирующим сямынским диалектом города Сямынь, сучжоуский и шанхайский диалекты среди восточных диалектов У.

С одной стороны, это оправдывает рассмотрение основных диалектных групп как языков, с другой, существует один часто цитируемый лингвистический аргумент против оценки китайских диалектов как отдельных языков: наличие общего письменного китайского языка (zhōngwén 中文), которым пользуются все диалекты китайского без каких-либо существенных различий и, соответственно, практически полное отсутствие установленной письменной традиции у диалектов.

На протяжении веков императоры Китая предпринимали целенаправленные шаги по созданию общей письменной системы, которая была бы распространена в самом китайском государстве, а также на зависимых территориях (Кореи, Японии, Вьетнама и других), и тем самым объединяла весь «китайский мир». Вслед за политикой создания общей письменности начала закладываться и китайская литература, созданная на классическом китайском. Уже в период

династии Мин (1368—1644 гг.) была популярна народная литература, написанная на «байхуа» (báihuà 白话, букв. «простая, народная речь»), которая была официальным письменным языком, приближенным к диалекту мандарина.

Стоит отметить, что современный китайский язык является модернизированной версией байхуа. В связи с тем, что байхуа основан на диалектах северокитайского, а дистанция между северными диалектами и южными огромна, то стремление центральных властей распространять байхуа на территории всей страны встретило оппозицию на юге, где полагали, что говорящие на южных диалектах заслуживали отдельного письменного языка, основанного на их местных вариантах.

Кроме того, северная группа диалектов (севернокитайский язык, то есть основная диалектная группа китайского языка, объединяющая близкие друг к другу китайские диалекты, распространенные на большей части Северного и Западного Китая) не была единственной в развитии своего народного письменного языка в этот период. Другие основные диалекты, такие как диалектные группы Юэ и У, также популяризировали народные письменные языки, используемые в религиозных текстах, местных операх, народных песнях и даже в некоторой публикуемой литературе. Циркуляция этих народных письменных текстов помогла распространять базовую грамотность среди простых людей и способствовала развитию и стандартизации народных письменных языков.

Политические волнения и стремление к промышленной модернизации на рубеже XX века привели Китай к масштабной языковой реформе. Великолепный классический китайский стал ассоциироваться в умах китайских революционеров с отсталостью, а диалектное разнообразие рассматривалось как помеха для сильного и модернизированного китайского государства, способного противостоять альянсу западных империалистов и милитаристской Японии. В качестве нового письменного стандарта был выбран основанный на северных диалектах народный письменный язык байхуа. Народная литература во времена империи существовала, в основном, в фокусе популярной культуры и не могла сравниться с блистательными образцами на классическом китайском. Такие его реформаторы, как Ху Ши, стремились повысить статус нового письменного языка, переписав историю китайской литературы, так что литература на байхуа была представлена как новаторская, а не «вульгарная», как считалось ранее (см.: [14]). По сути, престиж новых письменных стандартов исходил не столько от уважаемой литературной традиции, сколько от назначенной ее роли в модернизации или даже «спасении» нации (см.: [5]).

Другими словами, во время языковой реформы начала XX века простонародный письменный язык, основанный на северокитайском диалекте, был выбран в качестве прототипа письменного стандартизированного китайского (путунхуа) и строго продвигался, а местные письменные формы других китайских диалектов постепенно становились маргинальными или же угасали вовсе. Однако позиции некоторых из них оставались достаточно сильными, несмотря на давление путунхуа, и некоторые региональные диалекты даже сумели установить свои традиции письменности.

Унификация и стандартизация китайской письменности, впервые предпринятые более 2 тыс. лет назад, со временем стали означать символическую ханьскую этническую идентичность и культурное единство китайского народа. С тех пор китайский язык известен как ханьский язык. Хотя взаимосвязь между китайскими диалектами столь же сложна, как и те связи, что соединяют целую семью языков, например, романских или славянских, тем не менее, большинство китайцев неизменно считает, что они принадлежат единой нации, а не составляют семью разных народов (см.: [12]).

В чем же заключается важность и ценность диалектов? Диалект — это не просто доступный с детства и понятный инструмент общения, познания и взаимодействия с внешним миром. Обладая и этим безусловным значением, он, в отличие от государственных языков, в большей мере является носителем региональной культуры, что фактически приравнивает защиту диалектов к защите культурных ценностей их носителей.

По мнению многих экспертов, применительно к Китаю эту проблему следует рассматривать в контексте защиты всей китайской цивилизации, поскольку в условиях отсутствия у Китая объединяющего религиозного начала, какое есть, например, у европейцев или среди арабов, именно культура для китайцев становится неким общим источником их исторической уникальности. По мнению известного ученого-синолога О. Завьялова, именно «„изысканный язык“» (у́ауán 雅言, то есть нормативный язык в противопоставлении диалектам) является подлинным носителем китайской цивилизации, а «классические тексты должны войти в жизнь каждого человека», — под этим лозунгом начиная с 2007 г. возобновляется обычай декламировать канонические тексты, которые древние китайцы считали написанными на «изысканном языке». Драгоценным нематериальным культурным наследием стали считаться также любые другие письменные памятники, варианты иероглифов и даже некоторые устные формы китайского. Все они подлежат изучению и сохранению, в том числе — если речь идет о современных диалектах — в звуковой форме на электронных носителях. Исполняющаяся на кантонском диалекте опера 越剧 (yuèjù) и музыкальное представление 南音 (nányīn) на южнофуцзяньских диалектах включены не только в общегосударственный список нематериального культурного наследия КНР, но также и в состав мирового культурного наследия ЮНЕСКО (см.: [2]).

Впрочем, существует противоречие между защитой китайских диалектов, право на использование и изучение которых прописано в Конституции КНР (см.: [16]), и государственной политикой популяризации путунхуа. Правительство Китая пытается насаждать в обществе мнение, что «диалекты» фактически являются синонимом «деревенщины» (tǔ 土) и низкого социального и образовательного уровня их носителей в противопоставлении официальному языку (guānhuà 官话), некогда бывшего доступным лишь самым образованным слоям населения: чиновникам, ученым и пр. (см.: [6]) В последние годы центральные власти активно распространяют лозунг «говорите на путунхуа, используйте стандартизированные иероглифы и будете культурным человеком» (shuō pǔtōnghuà, yòng guānfān zì, zuò

wénmíng rén “说普通话、用规范字、做文明人”), повсеместно трактующийся в том смысле, что те, кто не используют в повседневной жизни путунхуа, автоматически становятся некультурными и необразованными людьми, настоящими маргиналами (см.: [13]).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАНТОНСКОГО ЯЗЫКА: ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ

Кантонский диалект — это, пожалуй, самый привлекающий внимание исследователей китайский диалект, имеющий наибольшее влияние среди всех прочих диалектов китайского, как внутри Китая, так и за его пределами, что обуславливается рядом исторических, социальных и лингвистических особенностей. На кантонском диалекте не только говорят многочисленные иммигранты из Гуанчжоу, проживающие в разных странах мира, но он также имеет тенденцию замещать соседние диалекты и продвигаться севернее, в глубь страны. Огромная кантонская диаспора за рубежом, а также экономическая мощь провинции Гуандун (лидирующий по экономическим показателям регион Китая с середины 1980-х годов) являются заметными факторами, способствующими развитию и укреплению кантонского диалекта. Кроме того, повышению его статуса содействуют обширные исторические, географические и культурные связи с Гонконгом.

Кантонский, как и многие другие южно-китайские языки, фонологически ближе к среднекитайскому, чем северокитайский путунхуа, что еще больше усиливает спор многих лингвистов относительно того, является ли кантонский отдельным языком или же только диалектом китайского. Очевиден лишь факт, что кантонский отличается от путунхуа практически так же, как любые два романских языка отличаются друг от друга.

Употребление термина «диалект» применительно к кантонскому может передать ложное впечатление о том, что кантонский более тесно связан с мандарином, чем это есть на самом деле, и это одна из причин, по которой некоторые ученые-лингвисты утверждают, что кантонский диалект должен рассматриваться как отдельный язык внутри сино-тибетской языковой семьи. Например, в статье 1990 года Ли Цзиньчжун явно отвергает термин «диалект», утверждая, что кантонский должен рассматриваться как независимый язык (см.: [10]). Сторонники этой точки зрения указывают, что хотя разговорный кантонский и мандаринский происходят от одного и того же предка и, следовательно, имеют много общего в грамматике и лексике, тем не менее их отличия в произношении столь велики, что они становятся практически взаимонепонимаемыми на слух их носителями (по сути, кантонский и мандаринский не ближе друг к другу, чем русский и украинский, испанский и итальянский, не говоря уже об испанском и португальском). Противоположная же аргументация основывается скорее на социолингвистических основаниях, чем на чисто лингвистических, и потому, особенно в западной лингвистике, подвергается большой критике как не вполне научная.

Общеизвестно, что часто при определении того, что является «языком», а что «диалектом», политические и культурные факторы имеют большее значение,

нежели мнение лингвистов. Языковые разновидности, которые являются автономными и доминирующими, классифицируются как «языки», тогда как разновидности, являющиеся «гетерогенными», то есть ориентирующимися на стандартный или доминирующий язык в определении собственной нормативности, классифицируются как «диалекты». Основная причина, по которой кантонский диалект считается диалектом, а не отдельным языком, связана больше с политическими факторами, нежели с наличием единого письменного языка. Как гласит распространённый афоризм, приписываемый американскому лингвисту Максу Вайнрайху: «язык — это диалект, у которого есть армия и флот». В Китае таковым является диалект пекинский, получивший на определенном историческом этапе необходимую политическую поддержку властей.

Впрочем, следует отметить, что подобное положение вещей вовсе не является уникальным, реликтовым для современного мира и наблюдается во многих его частях, например, на острове Кипр сложилась абсолютно аналогичная ситуация между кипрским диалектом и греческим языком. По нашему мнению, заострение темы ущемления прав кантонского языка или диалекта в Китае, предпринимаемая западными лингвистами, имеет скорее политические, а не научные цели.

Название «кантонский» должно означать две языковые сущности. В более широком смысле это означает группу Юэ (гуандунский, кантонский, юэский, паква) или группу кантонских диалектов, на которых говорят в провинциях Гуандун и Гуанси вдоль береговой линии Южного Китая. Кантонский также служит названием, используемым для описания любого из диалектов Юэ, он же и родной язык подавляющего большинства жителей Гонконга. Хотя путунхуа является официальным стандартным разговорным языком Китая, кантонский язык используется как «*lingua franca*» во всех вышеперечисленных южных районах, а также во многих зарубежных китайских диаспорах.

Более того, у кантонского даже была возможность стать государственным языком Китая. Существуют свидетельства, что лидер Китайской Республики Сунь Ятсен в связи с переносом столицы в южный Нанкин, подальше от японской «сферы влияния», простиравшейся на всю Манчжурию и частично на северный Китай, предложил сделать кантонский язык государственным (см.: [11]). Однако в ходе последующих событий Второй мировой войны и развернувшейся после нее на территории Китая войны гражданской это предложение так и не было реализовано. Приход к власти коммунистов, ориентировавшихся на Советский Союз, сподвигло китайские власти в целях безопасности перенести столицу обратно на север, в Пекин.

Политика возвышения «севера» по отношению к «югу» привела к появлению лозунга «заставить Юг следовать Северу» (強南就北). После образования КНР для кантонского языка начались сложные времена, продлившиеся вплоть до смерти вождя китайской революции Мао Цзедун, подобно многим диктаторам не терпевшего культурного регионализма и видевшего свою историческую миссию в объединении «всего Китая», причем не столько под стягом социализма, сколько под знаменами единой ханьской нации (Мао Цзедун копировал советскую эконо-

мическую модель и сталинский административно-политический подход, но совсем не советскую политику в сфере культуры, опиравшуюся на незыблемый авторитет интернационалистических ленинских установлений).

После 80-х годов, отмеченных пересмотром итогов «культурной революции», относительной политической либерализацией Дэн Сяопина, более лояльного к вопросам культурного самоопределения, нежели его предшественник, и, главное, быстрым экономическим ростом южных провинций, кантонский язык стал возрождаться, а многие кантонцы даже стали считать его использование показателем «принадлежности» к богатому югу в противовес бедному, «социалистическому» северу (см.: [15]).

КАНТОНСКИЙ ЯЗЫК КАК НОСИТЕЛЬ ОСОБОЙ ИДЕОЛОГИИ, МЕНТАЛИТЕТА И КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЖИТЕЛЕЙ ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН

После «реформы открытости» (1980—1990 гг.) кантонский диалект создал совершенно новый пласт современной популярной китайской культуры и вошел в моду даже в континентальном Китае, не только благодаря тому, что на нем говорили в «прозападном» Гонконге и в Гуандуне, раньше других китайских провинций начавших успешные экономические реформы, но и из-за того, что вследствие повышения образованности широких слоев китайского населения и бурного развития современных средств массовой информации, таких как телевидение и Интернет, кантонский стал восприниматься в остальном Китае как язык уникальный по своей музыкальности и особой мягкой мелодичности, как и большей исторической близости древнекитайскому (в противовес испорченному набегам варваров путунхуа).

Добавок к этому в Гонконге уже длительное время процветала поп-культура, что моментально сделало многих гонконгских певцов и актеров, ведших «притягательный» для «наивного» населения материковой части страны образ жизни, необычайно популярными. После открытия Китая большинство гонконгских деятелей культуры стремительно потянулись на материк осваивать новый гигантский рынок, а кантонская песня, кино и телешоу не только завоевали огромную популярность, но и вывели кантонский диалект на уровень наиболее влиятельного не только в самом Китае, но и везде, где проживают этнические китайцы.

Однако и представители кантонской культуры, желая работать по всему Китаю, не могли не попасть под политику по распространению путунхуа. Для своего продвижения в материковом шоу-бизнесе и развития в сферах популярной масс-культуры им приходится учить официальный язык и избавляться от своих диалектов, что помогает избегать принятого в Китае для таких деятелей голового дублирования и способствует попаданию в наиболее популярные программы на центральных каналах и таким образом дает возможность продвижения на необъятный китайский рынок.

Для многих это становится плохопреодолимой проблемой из-за невозможности искоренения особой мелодики голоса. Добавляя ему очарования и мело-

личности, специфика кантонского произношения навсегда ассоциирует своих носителей с регионом их происхождения, а значит автоматически препятствует выходу на всекитайский уровень. Остроту этому вопросу добавляет сильнейшая конкуренция в этой сфере, ведь в Китае люди шоу-бизнеса обычно совмещают сразу несколько направлений в искусстве: пение, различную музыкальную деятельность, актерство, работу в рекламе и на разных шоу и т.п. По влиянию китайских властей мода на кантонский язык постепенно сменяется модой на правильный путунхуа, оставляя кантонскому место лишь в некоторых областях сценического искусства, там, где это оправдано содержанием и законами жанра, например, в постановках традиционного жанрового китайского комедийного представления «сяншэн» (xiàngsheng 相声), где во всей красе можно передать всю специфику и оттенки общения на местных кантонских говорах.

Однако не стоит думать, что кантонский совершенно потерял влияние, уступая место распространяющемуся путунхуа. Ярким примером этому служит популярность так называемого «кантонского сленга» («moh lei tau»), зародившегося в Гонконге и используемого в районах, где распространен кантонский. По мере расширения связей между Гонконгом и материковым Китаем кантонский сленг постепенно стал проникать в провинцию Гуандун, где был приспособлен и под другие китайские диалекты.

«Mo lei tau» происходит от кантонской фразы «mo lei tau gau» (無厘頭尻), которая буквально означает «не может различать голову и хвост», но чаще всего переводится как «исходящее из ниоткуда» или, проще говоря, «не имеет смысла». Этот термин описывает волну низкопробных, анархических и абсурдных фильмов, которые сатирически высмеивают современное китайское общество. Юмор в виде фарса занимает центральное место в данном жанре, а наиболее примечательным является яркая словесная игра и ее креативное использование для подчеркивания различных тенденций общественной жизни, что является уникальным явлением для китайского общества в целом.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАНТОНСКОГО ЯЗЫКА В СОХРАНЕНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ

Южные провинции Китая оказались в сфере влияния китайских императоров с 214 г. до н. э., когда эти территории вошли в состав империи под властью Цинь Шихуана. В конце 19-го века после периода «опиумных войн» Китай был поделен на сферы влияния между западными державами, а город Гонконг был арендован Великобританией и являлся одной из ее колоний на протяжении 100 лет.

Кантонский диалект — наиболее распространенный язык в Гонконге. В течение большей части британской колониальной эпохи единственным официальным языком был английский, а китайский язык стал таковым только в 1974 году, когда государственный указ «О языке» уравнивал использование обоих языков (английского и китайского) на государственном уровне (см.: [8]). Под «китайским» понимался современный стандарт китайского языка в его письменной форме и кантон-

ский как устная форма в контексте Гонконга, при этом не было никакого конкретного упоминания о юридической позиции кантонского диалекта.

После передачи Гонконга обратно Китаю в 1997 году правительством Гонконга была задумана и реализована языковая политика «билингвизма и трилингвизма». «Билингвизм» подразумевает письменный китайский и английский языки, тогда как «трилингвизм» — кантонский, английский и путунхуа. Примечательно, что политика Гонконга была направлена на «билингвизм», а не «трилингвизм». Термин «билингвизм» не различает отдельные формы письменного китайского языка (например, традиционные и упрощенные символы, кантонскую лексику и синтаксис). Впервые в истории Китая именно на территории Гонконга был официально закреплён юридический статус кантонского языка. Следовательно, не будет преувеличением рассматривать кантонский язык как основной язык в Гонконге.

Если сравнивать языковую ситуацию в провинции Гуандун с Гонконгом, то обладая определенной степенью автономности, в том числе и в языковом плане, у Гонконга на сегодняшний день больше шансов в отстаивании прав кантонского языка. Однако даже в столице провинции Гуандун, городе Гуанчжоу проходят регулярные акции в защиту вытесняемого провинциальными властями кантонского языка (см.: [17]).

Некоторые наблюдатели считают, что можно говорить о том, что это «кантонское» движение в провинции Гуандун инициирует и поощряет подобные акции и в других провинциях Китая, особенно там, где проживают этнические меньшинства, как, например, в ТАР (Тибетский автономный район), где в последние годы появилось неофициальное движение в защиту «тибетского языка». По их мнению, общее между ними состоит в том, что люди и там, и там борются за свои равные языковые права. Они сталкиваются с одной и той же проблемой: из-за усиления путунхуа кантонский и тибетский языки находятся под угрозой деградации и исчезновения (см.: [9]).

Однако кантонский, в отличие, например, от тибетского, официально считается не отдельным языком, а одним из крупнейших китайских диалектов, с которым его роднят общие иероглифика и грамматика, а различаются они только в плане произношения. К тому же носители кантонского языка в целом признают свою общую с ханьцами национальную идентичность, поэтому борьба за права кантонского языка вряд ли может привести к национальному конфликту.

Многие лингвисты все больше выражают озабоченность по поводу долгосрочного выживания или автономии кантонского диалекта, приводя в пример северные области провинции Гуандун, где традиционная кантонская устойчивость к путунхуа ослабевает и где лингвистический баланс, кажется, медленно, но неуклонно переходит от кантонского к новому разговорному стандарту. Эта тенденция также отмечается и в среде китайских иммигрантов. Страх перед языковым сдвигом понятен, учитывая, что цель центрального китайского правительства неизменно на протяжении 70 лет заключается в том, чтобы путунхуа заменил все прочие диалекты китайского (см.: [1]).

Вместе с тем из-за привлекательности развития экономических связей с Гуанчжоу, Шэньчжэнем и Гонконгом китайцы из других регионов изучают кантонский диалект с целью иметь возможность переехать туда работать. Данная тенденция аналогична и для многих китайцев в Гонконге, изучающих путунхуа с целью большей доступности для них получения работы в провинциях к северу от Гуандун. Осознание с обеих сторон, что билингвизм является не потерей идентичности, а дает новые возможности и служит необходимым базисом культурного обмена, облегчает кросс-языковые контакты и распространение обоих языков в южных провинциях, крайне важно с точки зрения формирования в Китае поликультурного общества.

Иммиграционный контроль между Гонконгом и Гуандун в последние годы значительно ослаблен. Это привело к росту неофициальных контактов между жителями провинции Гуандун и жителями Гонконга. Более тесное взаимодействие между Гонконгом и Гуандун представляется неизбежным в ближайшие годы, и это может означать постепенное появление мощного «кантонского лингвистического блока». Обладая сходными интересами, Гонконг и Гуандун могли бы объединиться, чтобы усилить влияние на принятие правительством Китая таких решений в языковых вопросах, которые бы гарантировали выживание кантонского диалекта. Взаимная поддержка могла бы способствовать укреплению языковой автономии Кантона и сохранению его уникальной культурно-исторической идентичности.

ВЫВОДЫ

Кантонский диалект является крупнейшим среди всех диалектов китайского языка, и его отличие от путунхуа столь сильно, что позволяет говорить о том, что он является отдельным языком сино-тибетской языковой группы, тем не менее, в силу ряда исторических причин и определенной политической линии китайского руководства, он не получил в Китае статуса официального языка.

Несмотря на социалистический уклад китайского государства, в современном Китае права даже официально признанных этнических меньшинств не соблюдаются в полной мере, тем более не может быть и речи о поддержке некоторых народообразующих устремлений тех этнических групп, которые находятся в близком культурном и языковом родстве с ханьцами-северянами. Китайское руководство не стремится по образцу Советской России (советской национальной политики в отношении единого русского народа) создавать из единого китайского народа множество отдельных народов, поскольку именно в ленинской национальной политике китайские руководители видят причину гибели Советского Союза.

Данная идеологическая установка, установка на унификацию китайской нации, пронизывает все области государственной политики в сфере культуры и образования.

По нашему мнению, такая политика больше вредит делу просвещения, поскольку лишь в культурном разнообразии можно обрести подлинное единство народов. В отличие от многих западных стран, где сохранение всяческого разнообра-

разия (даже несуществующего) стало культом и порой приобретает абсурдные формы, Китай, где усилиями Коммунистической партии отстаиваются идеи просвещения и культурного прогресса, казалось бы, призван проводить образцовую национальную, культурную и языковую политику, но этого не происходит.

Сложность определения лингвистической принадлежности кантонского диалекта не может быть никак связана с вопросом необходимости его сохранения. Китайским властям следует рассмотреть положительный пример языковой политики гонконгской администрации, не только для того, чтобы упредить потенциальный рост националистических настроений среди части населения провинции Гуандун, но больше для достижения исторической правды, обладание которой, в конечном счете, всегда означает и обладание превосходством, правом на будущее мироустройство, мироустройство в мире, который с каждым столетием, десятилетием, а в современную эпоху уже и годом становится все более близким, настоящей «ойкуменой», в подлинном смысле этого древнего греческого слова. В этом смысле борьба за или против сохранения различных диалектов или языков национальных меньшинств — это больше не вопрос национального выживания, Китай давно прошел этот этап, но скорее вопрос идейной борьбы за будущее человечества, которую неизменно придется вести Китаю как новой мировой державе и которая всегда оказывается решающей, и пример Советского Союза здесь должен быть не менее показателен.

© Баров С.А., Егорова М.А.
Дата поступления: 16.10.2018
Дата приема в печать: 15.01.2019

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Егорова М.А.* Политика Китая в области распространения государственного языка путунхуа // *Языковая политика в условиях глобализации* / под ред. Г.О. Лукьяновой. М.: РУДН, 2017. С. 70—75.
2. *Завьялова О.И.* Языковая ситуация и языковая политика в КНР, 2010, [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/Zavyalova._Language_situation_in_PRC.pdf (дата обращения: 15.10.18).
3. *Каплунова М.Я.* Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2017.
4. Регионы Китая / *Russian. China. Org.* Сп. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/archive/province-new/node_2188967.htm (дата обращения: 15.10.18).
5. *Barnes D.* Nationalism and the Mandarin movement: the first half-century. In R.L. Cooper (Ed.), *Language spread: Studies in diffusion and social change*. Bloomington: Indiana Press, 1982.
6. *Barov S.A., Egorova M.A., Medvedev Y.S.* Educational programs of the Chinese government to popularize Chinese science, culture and language abroad // *INTED2018, Valencia, 5—7 of March 2018*.
7. *Bruche-Schulz G.* Fuzzy' Chinese: The status of Cantonese in Hong Kong // *Journal of Pragmatics* 27, 1997, Режим доступа: http://www.academia.edu/4018338/Fuzzy_Chinese_The_status_of_Cantonese_in_Hong_Kong.
8. Fǎding yǔwén tiáoli, Dì 5 zhāng, dì 3 tiáo, Fǎding yǔwén yǔqí dìwèi yǔ yìngyòng (Указ о языке (Глава 5, пункт 3, Официальные языки, их статус и применение). URL: <http://www.hkllii.hk/chi/hk/legis/ord/5/s3.html> (дата обращения: 15.10.18).

9. *Mò Lì. Chēng Zàngyǔ-Háizimen fāqǐ de wénhuà zījiù/ kàn bùjiàn de Xīzàng*, 2010. Режим доступа: http://woeser.middle-way.net/2010/12/blog-post_16.html (дата обращения: 15.10.18).
10. *Lǐ Jīngzhōng. Yuèyǔ shì hànǔ zúqún zhōng de dúlǐ yǔyán // Yǔyán yǎnbiàn lùn*, Guǎngzhōu, 1994. P. 79—115.
11. *Lǐ Q. Yuèyǔ Cha yì piao” cheng “guoyǔ” bu kao pu / xiānggǎng zhōngguó tōngxùnshè*, 2011. Режим доступа: <http://www.hkcna.hk/content/2011/1009/115868.shtml> (дата обращения: 15.10.18).
12. *Liang S. Language Attitudes and Identities in Multilingual China / Springer International Publishing Switzerland*, 2015. Режим доступа: <https://www.springer.com/gp/book/9783319126180> (дата обращения: 15.10.18).
13. *Luō Fùhé. Méitǐ fēnbùqīng “hànyǔ” hé “pǔtōnghuà” yǐngxiǎng mínzú tuánjié / Fènghuáng wǎng zīxùn*, 2017, Режим доступа: http://news.ifeng.com/a/20170302/50748562_0.shtml (дата обращения: 15.10.18).
14. *Snow Don. Hong Kong and modern diglossia // International Journal of the Sociology of Language*. 2010. P. 155—179.
15. *Wong C. Hong Kong and China: The Language Barrier / The Diplomat* от 18.08.2016. Режим доступа: <http://thediplomat.com/2016/08/hong-kong-and-china-the-language-barrier/> (дата обращения: 15.10.18).
16. *Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó xiànfǎ (quánwén) / Rénmín wǎng* (Конституция КНР, полный текст). Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/shehui/1060/2391834.html> (дата обращения: 15.10.18).
17. УВС *yǔyán xuéjiā pēngjǐ Zhōngguó zhèngfǔ guǎnzhì yuèyǔ bīnwēi*. Режим доступа: <http://m.bcby.com/news/2015/05/01/328752.html> (дата обращения: 15.10.18).

УДК: 811.581'28

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-152-166

CANTONESE DIALECT IN MODERN CHINA: THE PROBLEM OF CONSERVATION

Sergey A. Barov¹, Maia A. Egorova²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy prospekt, 49, Moscow, Russia, 125993

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the problem of preserving the Cantonese dialect (language) in modern China, where for several decades the government persistently pursued a policy of disseminating of the nation-wide Chinese language (“pǔtōnghuà”). Cantonese is the largest language by speakers among all Chinese languages and it is native to most residents of Guangdong and Hong Kong, however, unlike the languages of the national minorities of China, it is not fully protected by law and is consistently ousted from the education system and out of business communication. In the article the authors carefully analyze the linguistic history of China, the role of dialects in the system of Chinese languages and the historical and political significance of a single written norm. According to the authors, the division of China into two large cultural and historical communities (northern and southern) corresponds to the established linguistic division, but unlike many other countries in the world, the ethnolinguistic and ethnocultural differences between the northern and southern Chinese due to the centuries-old unifying efforts of the central government do not lead to the division of the Chinese nation.

The article examines in detail the history of Cantonese, a linguistic analysis of the differences between Cantonese and Putonghua, and on this basis concludes that Cantonese should be considered not as a dialect of Chinese, but rather as a separate language of the Sino-Tibetan language group, albeit closely related to the Chinese language. Analyzing the role of Cantonese in the formation of a special cultural and historical community in Guangdong and Hong Kong, the authors conclude that the declining of the Cantonese dialect (language) will probably occur over the next several decades, unless the language and education policies of the Chinese government are changed. Otherwise this tendency will lead to the loss of the province's identity, which is part of the intangible cultural heritage of the entire Chinese nation.

Key words: Cantonese; Guangdong and Hong Kong; the linguistic history of China; the policy of spreading Putonghua; the policy of “bilingualism” and “trilingualism”

REFERENCES

1. Egorova, M.A. (2017). China's policy in the spread of the state language Putonghua In *Language Policy in the Context of Globalization*, G.O. Lukyanova (Ed.). Moscow: RUDN University. pp. 70—75. (In Russ.).
2. Zavyalova, O.I. (2010). Language situation and language policy in the PRC [Electronic resource]. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/Zavyalova._Language_situation_in_PRC.pdf (accessed: 15.10.18). (In Russ.).
3. Kaplunova, M.Ya. (2017). Language policy and functional development of languages in the PRC [abstract of dissertation]. Moscow. (In Russ.).
4. Regions of China, Russian. China Org. Cn. [Electronic resource]. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/province-new/node_2188967.htm (accessed: 15.10.18).
5. Barnes, D. (1982). Nationalism and the Mandarin movement: the first half-century. In *Language spread: Studies in diffusion and social change*, R.L. Cooper (Ed.). Bloomington: Indiana Press.
6. Barov, S.A., Egorova, M.A. & Medvedev, Y.S. Educational programs of the Chinese government to popularize Chinese science, culture and language abroad In *INTED2018, Valencia, 05—07 of March 2018*.
7. Bruce-Schulz, G. (1997). Fuzzy' Chinese: The status of Cantonese in Hong Kong. *Journal of Pragmatics*, 27 URL: http://www.academia.edu/4018338/Fuzzy_Chinese_The_status_of_Cantonese_in_Hong_Kong (accessed: 15.10.18).
8. Fǎding yǔwén tiáoli, Dì 5 zhāng, dì 3 tiáo, Fǎding yǔwén yǔqí diwèi yǔ yìngyòng (Language Ordinance (Chapter 5, point 3, Official languages, their status and application). URL: <http://www.hkllii.hk/chi/hk/legis/ord/5/s3.html> (accessed: 10.15.18).
9. Mò, Lì (2010). Chēng Zàngyǔ-Háizimen fāqǐ de wénhuà zìjìu / kàn bùjiàn de Xīzàng. URL: http://woeser.middle-way.net/2010/12/blog-post_16.html (access date: 15.10.18).
10. Lǐ, Jìngzhōng (1994). Yuèyǔ shì hànyǔ zúqún zhōng de dúlì yǔyán In *Yǔyán yǎnbiàn lùn, Guǎngzhōu*, 79—115. 11. Lǐ, Q. (2011). Yueyu Cha yi piao "cheng" guoyu "bu kao pu / xiānggǎng zhōngguó tōngxùnshè. Access mode: <http://www.hkna.hk/content/2011/1009/115868.shtml> (accessed: 10.15.18).
12. Liang, S. (2015). Language Attitudes and Identities in Multilingual China In *Springer International Publishing Switzerland* URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783319126180> (accessed: 15.10.18).
13. Luō, Fùhé (2017). Méiti fēnbùqīng “hànyǔ” hé “pǔtōnghuà” yǐngxiǎng mínzú tuánjié In *Fènghuáng wǎng zīxùn*, URL: http://news.ifeng.com/a/20170302/50748562_0.shtml (accessed: 15.10.18).
14. Snow, Don (2010). Hong Kong and modern diglossia. *International Journal of the Sociology of Language*, 155—179.
15. Wong, C. (2016). Hong Kong and China: The Language Barrier In *The Diplomat of 18.08.2016*. URL: <http://thediplomat.com/2016/08/hong-kong-and-china-the-language-barrier/> (accessed: 15.10.18).

16. Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó xiànfǎ (quánwén) / Rénmín wǎng (Constitution of the PRC, full text) URL: <http://www.people.com.cn/GB/shehui/1060/2391834.html> (accessed: 15.10.18).
17. UBC yǔyán xuéjiā pēngjī Zhōngguó zhèngfǔ guǎnzhi yuèyǔ bīnwēi URL: <http://m.bcbay.com/news/2015/05/01/328752.html> (accessed: 15.10.18).

Для цитирования:

Баров С.А., Егорова М.А. Кантонский диалект в современном Китае: проблема сохранения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. № 1. С. 152—166. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-152-166.

For citation:

Barov S.A., Egorova M.A. (2019). Cantonese dialect in modern China: the problem of conservation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 152—166. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-152-166.

Сведения об авторе:

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, доцент Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; *научные интересы*: контрастивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: barov1986@mail.ru

Егорова Майя Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *научные интересы*: сравнительное языкознание; *e-mail*: egorova_ma@pfur.ru

Information about the authors:

Sergey A. Barov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, the Department of Language Training, Financial University under the Government of the Russian Federation; *scientific interests*: contrastive linguistics, linguoculturology; *e-mail*: barov1986@mail.ru

Maia A. Egorova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, PFUR; *scientific interests*: comparative linguistics; *e-mail*: egorova_ma@pfur.ru

УДК: 811.512.122:811.512.133
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-167-176

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ПРЕЗЕНТАЦИЯ СЛОВА-ТЕРМИНА «ЛУҒАТ» В СЛОВАРЯХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (КАЗАХСКИЙ, УЗБЕКСКИЙ)

Маханбет Джусупов

Узбекский государственный университет мировых языков
Узбекистан, Ташкент, 100138, ул. Кичик Халка йули Г-9А, дом 21-а

В статье рассматривается проблема межъязыковых и межкультурных взаимоотношений тюркского мира Евразии с другими лингвокультурными национальными образованиями на основе анализа, заимствованного с арабского языка лексемы *словарь* на материале содержания ее презентации в толковых словарях казахского (луғат) и узбекского (луғат) языков. Термин луғат в казахском и узбекском языках обозначает одно и то же, но в толковых словарях этих языков презентован с различиями. В узбекском словаре значения этой лексемы представлены в большем количестве, чем в словаре казахского языка. В узбекском словаре представлены и слова-термины, образованные от этой лексемы посредством суффиксации (луғатчи, луғатшунос, луғатшунослик), образующие синонимические ряды с терминами лексикограф, лексикография. В казахском словаре слова луғатшы, луғатшылык не представлены самостоятельными словарными статьями, хотя в лексике языка они присутствуют, но употребляются редко, в специальной речи. В узбекском языке эти лексемы окрашены книжной стилистической окраской. В казахском словаре лексема луғат отмечается как книжная. В узбекском словаре не имеет словарной пометы книжная, т.е. слово характеризуется нейтральностью стилистической окраски. Заимствованное слово, ставшее национальным достоянием казахского и узбекского языков, в результате функционирования в этих языках, сохранив свое первоначальное значение, приобрело новые значения, созданные посредством словообразовательных моделей этих языков, что и стало одной из причин появления существенных различий в содержании их презентации в толковых словарях двух тюркских языков-реципиентов.

Ключевые слова: луғат (словарь), Евразия, тюркские, казахский, узбекский, презентация, сходства, различия

ВВЕДЕНИЕ

Евразийское полиэтничное и полилингвальное пространство в плане функционирования тюркских языков характеризуется как моноструктурным, так и полиструктурным билингвизмом и полилингвизмом [см. подробно: 1—6 и др.]. При этом сегодня трудно определить, что доминирует — моноструктурные или полиструктурные (разносистемные) языковые явления. Но безусловно одно: что среди доминантно-звучащих и графически фиксирующихся языков Евразии находятся и тюркские языки, а соответственно и тюркские культуры, тюркский менталитет, имеющие одно общее тюркское древо и более 40 специфических вариаций и вариантов, которые сформировались в самостоятельные языки, культуры, национальные менталитеты. В этом ряду находятся и тюркоязычные народы России. Например, карачаево-балкарский народ — народ со своей историей, со своей

неповторимой культурой, со своим языком, который при всех своих особенностях был, есть и будет и древним, и современным знаковым показателем тюркской звучащей речи в целом, потому что этот язык (как и все другие тюркские языки) легко, без особого напряжения воспринимается родственными тюркскими фонологическими ситами, характеризующимися несколько иными артикуляционно-аккустическими особенностями (казахским, узбекским, кыргызским, татарским и т.д.) [О типологической характеристике тюркских языков см.: 7; 8 и др.].

Тюркские языки во все времена находились в состоянии функционального контактирования с другими (иноструктурными) языками (славянские, арабские, персидские, монгольские, китайские...). Свидетельством тому являются ранние тюркско-славянские взаимоотношения (половецко-славянские и — наоборот) [см.: 9], то, что О.О. Сулейменов назвал тюркославистикой; период Золотой Орды [см.: 10], когда на переднем плане истории Евразии функционировали тюрки, а также взаимоотношения с арабским миром (принятие ислама), с персидским миром и т.д. И тем не менее все тюркские языки в полном виде сохранили свою тюркскую структуру, как в плане сегментном (звуковой строй и др.), так и в плане суперсегментном (прежде всего сингармонизм и др.) [О развитии структуры тюркских языков в иноязычном окружении см.: 11].

Основой звучащей речи является его материальная часть — звук, фонема, слово. Лексика во всех тюркских языках состоит из следующих основных пластов: древнетюркская лексика; современно-общетюркская лексика; современная собственно-национальная лексика (казахская, узбекская, карачаево-балкарская); заимствованная лексика (арабская, персидская, монгольская, русская и др.) [О типологизации и категоризации лексики см.: 12; 13].

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕРМИНА ЛҒАТ (СЛОВАРЬ) В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ КАЗАХСКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Ниже мы рассмотрим данное явление на примере слова-термина лҒат (и производных от него слов), присутствующего во многих тюркских языках, на материале казахского и узбекского языков в плане его презентации в словарях этих языков. Объясняется это тем, что одни и те же слова, похожие и по произношению, и по написанию в разных тюркских языках, имеют общие и в то же время специфические лексико-семантические значения, стилистические маркеры, частотность употребления и т.п. К тому же следует отметить, что особенности развития лексики и звукового строя тюркских языков евразийского пространства (в рамках бывшего СССР и современного СНГ) одинаковые, за исключением некоторых нюансов. Именно поэтому мы считаем, что в данной работе будет достаточно рассмотреть исследуемую проблему на материале двух тюркских языков.

Проблемы лексикологии охватывают как теоретические, так и практические аспекты лексической системы языка, понятия слова, лексемы, а также тесно связаны с лексикографическими работами [см. подробно: 14—16; и др.].

Слово *лұғат* арабского происхождения, книжное, в казахском языке имеет три значения. В 15-томном толковом словаре казахского языка они представлены в следующих формулировках.

1. *Лұғат* (ар.), зат, ескі кіт. Тіл, сөз, сөйлеу [17. С. 714.] — «Язык, слово, говорение или говорить».

В настоящее время слово *лұғат* в этом значении редко употребляется: в речи индивидов, получивших хорошее, не только европейское, но одновременно и восточное образование.

Приведем примеры:

Оның лұғаты бай (его язык, словарный запас богатый).

Өте әдемі лұғаттайды (очень хорошо словарит, т.е. говорит).

2. *Лұғат*, көне. Сөздік (устаревшее, «словарь») [17. С. 715.]. (В 7-м томе 10-томного толкового словаря казахского языка (ҚТТС) слово *лұғат* не имеет словарную помету *көне* (устар.), там следующие пометы: ар. — арабское, зат — имя существительное, кіт. — книжное [18. С. 74].

Мы не разделяем мысль составителей словаря о том, что слово *лұғат* в своем основном значении (в значении словарь) устарело. Это, на наш взгляд, не так. *Сөздік* и *лұғат* в современном казахском языке в значении словарь — полные синонимы. Другое дело, что слово *лұғат* используется, как правило, в книжной речи, тогда как его синоним слово *сөздік* используется во всех стилях речи, а по частоте употребления является доминантой в данном синонимическом ряду. Эти слова одинаково используются в таких сочетаниях слов, как: *сөздік мақала* (словарная статья) — *лұғат (лұғаттық) мақала* (словарная статья), *сөздікші* (составитель словаря), *қазақ тілі сөздігі* (словарь казахского языка) — *қазақ тілі лұғаты* (словарь казахского языка), а также в таких выражениях, как *лұғатты сөз* — слово с глубоким, благородным, высоким смыслом.

3. *Лұғат*. Кітап, жазба, заң [17. С. 715.] — «Книга, письменность, закон».

Это значение слова *лұғат* в казахском языке переносное, редко употребляемое. Например:

Ондай шешім қайсы лұғатта жазылған? — Такое решение в каком законе прописано?

Итак, слово *лұғат* в современном казахском языке в прямом значении употребляется в значении словарь (*сөздік*).

В ҚӘТС кроме словарной статьи *лұғат* есть словарные статьи, посвященные словам, образованным на основе слова *лұғат*.

Лұғатты (*ұлағатты*), т.е. уважаемый, справедливый, добропорядочный (о человеке). Например:

Ары таза, лұғатты (добропорядочный, с чистыми помыслами) [17. С. 715 б].

Лұғатты сөз (слово с благородным, высоким смыслом) [17. С. 715].

Таким образом, в ҚӘТС представлены слова *лұғат* (словарь) и *лұғатты* (в словосочетании *лұғатты сөз*).

В ҚӘТС не представлены слова лўғатшы (узб. лўғатчи) — составитель словаря, лўғатшылық (узб. лўғатчилик) — словареведение, лўғаттану (узб. лўғатшунос) — лексикография.

Эти три слова (и слово лўғат) представлены в толковом словаре узбекского языка [см.: 19. С. 512]. Каждому из них посвящена самостоятельная словарная статья. Таким образом, в толковом словаре узбекского языка в общей сложности зарегистрированы четыре слова с первым компонентом лўғат — словарь.

В толковом словаре казахского языка зарегистрированы слова лўғат, лўғатты и выражение лўғатты сөз. Кроме слова лўғат, представленные в толковых словарях двух языков, слова и выражения, созданные на основе слова лўғат, являются разными.

Рассмотрим словарные статьи этих слов в пятитомном толковом словаре узбекского языка.

В узбекском литературном языке употребляется заимствованное из арабского языка слово лўғат (словарь), которое имеет два значения:

- 1) лўғат (словарь);
- 2) лўғат (словарный (лексический) запас языка) [19. С. 512].

Таким образом, в узбекском языке слово лўғат употребляется и в том значении, в котором оно не употребляется в казахском языке. Например:

Тил лўғати бой (тилинг лўғати бой) т.е. словарный запас языка богатый (имеется в виду всего языка).

В кыпчакских диалектах узбекского языка употребляется и слово сўзлик (словарь), образованное по аналогии с казахским словом сөздік. Это слово (сўзлик) в кыпчакских диалектах узбекского языка в настоящее время используется довольно часто людьми старшего поколения. Молодое поколение в большей степени использует слово лўғат, так как в речи молодых наблюдается доминирование норм узбекского литературного языка.

Слово сўзлик в значении словарь не включено в толковые словари узбекского литературного языка, так как является диалектным.

Итак, слова сөздік (узб. сўзлик) и лўғат присутствуют в обоих языках, но наблюдается большая разница в сферах их функционирования. Так, слово сөздік в казахском языке входит в состав словарного запаса литературного языка, а в узбекском языке (сўзлик) — диалектное.

В казахском языке слово лўғат характеризуется книжным стилистическим оттенком, а в узбекском языке это слово характеризуется нейтральным стилистическим оттенком.

В казахском литературном языке оба слова (сөздік, лўғат) употребляются во всех функциональных стилях, но с разной частотностью, а в узбекском литературном языке функционирует одно слово — слово лўғат.

В пятитомном толковом словаре узбекского языка слово лўғат (словарь) представлено в двух значениях, в отличие от толкового словаря казахского языка, в котором оно представлено в трех значениях.

Луғат [тил, шева; сўз, ибора]

1. Бирор тилдаги сўзларни маълум тартибда (одатда алифбо тартибда) жамлаб, изоҳлаб ёки бошқа тилга таржима қилиб берилган китоб. Изоҳли луғат. Ўзбекча-русча луғат... [19. С. 512] — «Книга, в которой, как правило, в алфавитном порядке расположены слова языка, их значения объясняются словотолкованием или же переводом на другой язык. Толковый словарь. Узбекско-русский словарь...».

Итак, данная словарная статья объясняет слово луғат как словарь (словник). Это значение является первым значением слова луғат в узбекском языке.

В казахском пятнадцатитомном словаре это значение слова луғат (словарь) представлено вторым значением и отмечено словарной пометой «көне» — устаревшее.

Луғат.

2. Сўз; тилдаги барча сўзлар мажмуи: сўз бойлиги... [19. С. 512] — «Слово; словарный запас языка: лексическое богатство языка...». Это значение слова луғат (лексический состав языка) представлено в словарной статье как второе значение слова.

В 15-томном словаре казахского литературного языка (ҚӘТС) это значение слова луғат представлено первым значением, но со словарной пометой «көне, кіт.», т.е. устаревшее, книжное.

Таким образом, то значение, которое в толковом словаре казахского языка представлено как устаревшее, т.е. в настоящее время редко употребляющееся, в толковом словаре узбекского языка представлено без словарной пометы «устаревшее», а следовательно, значение слова луғат (в значении словарь) в современном узбекском литературном языке является современным, и слово луғат в этом значении является высокочастотным в употреблении.

Луғатчи. Луғат тузиш иши билан шуғулланувчи шахс [19. С. 512] — «Человек, занимающийся составлением словаря, т.е. лексикограф».

В казахоязычном варианте оформления это заимствованное из арабского языка слово звучит и пишется луғатшы (человек, занимающийся составлением словарей). В современном казахском языке слово луғатшы употребляется очень редко, как правило, или в высокой книжной речи, или в разговорной речи специалистов с оттенком иронии или наоборот — похвалы. В толковых словарях казахского языка это слово не зарегистрировано, хотя следует отметить, что оно образовано по одной из основных словообразовательных моделей казахского (и не только казахского) языка «корень плюс суффикс» (луғат+шы= луғатшы).

Мы думаем, что слово луғатшы должно иметь свое место в толковых словарях казахского языка (как это есть в толковых словарях узбекского языка) и оформляться самостоятельной словарной статьей.

Доказательствами такого положения служат:

во-первых, возможность образования большого количества словосочетаний и микротекстов с использованием этого слова, например:

луғатшылар тобы (группа составителей словаря, т.е. лексикографы);

луғатшы жасаган еңбек — работа (произведение), исполненная составителем словаря (лексикографом);

лұғатшы ұсынған лұғаттық белгілер (словарные пометы, предложенные составителем словаря, т.е. лексикографом) и т.д.;

во-вторых, соответствие способа образования слова *лұғатшы* словообразовательным законам казахского языка;

в-третьих, наличие в значении слова *лұғатшы* казахского понимания понятия «лексикограф», т.е. и по звучанию, и по написанию восприятие этого слова казахоязычным индивидом как казахского слова, а не как чужого (иноязычного);

в-четвертых, слово *лұғатшы* расширяет синонимический ряд в значении человек, занимающийся составлением словаря: *сөздікші, лұғатшы, лексикограф*;

в-пятых, психообраз языковой единицы *лұғатшы* в сознании определенной части казахского населения сформирован: слово *лұғатшы* в соответствующем контексте воспринимается рядовым казахоязычным индивидом без лингвоструктурного и без лингвографического напряжения в сравнении, например, с такими заимствованными словами, как *фацилитация, интерференция* и др.

В узбекском языке *лұғатшинос... лұғатларнинг, лұғат тузиши ишининг назарий ва амалий жиҳатларини, уларни такомиллаштириши йўлларини ўрганувчи шахс* [19. С. 512—513] — «Человек (личность), занимающийся теоретическими и практическими аспектами и систематизацией словареведения, т.е. словаревед, или лексикограф».

Итак, в узбекском языке есть два слова, обозначающих человека, занимающегося составлением словарей — *лұғатчи* (человек, занимающийся составлением словаря) и *лұғатшинос* (человек, занимающийся теоретическими и практическими аспектами науки о словарях). Таким образом, в узбекском языке осуществлена дифференциация личностей, занимающихся проблемами словарей — практики (*лұғатчи*), теоретики (*лұғатшинос*).

В казахском языке и в казахских словарях слова *лұғатшинос* (или *лұғатшынос*) нет. Словообразование с суффиксом *-шинос* не свойственно казахскому языку. (В узбекском языке это заимствованный суффикс). К тому же в казахском языке специалисты, занимающиеся проблемами лексикографии, не подразделяются на практиков и теоретиков. Итак, слово *лұғатшинос*, образованное на основе заимствованного из арабского языка слова *лұғат* (общего для исследуемых языков), свойственно узбекскому языку.

Лұғатчилик. 1. Лұғат тузиш ва у билан боғлиқ ишлар... [19. С. 516] — «Работа по созданию словаря и работы, связанные с ней, т.е. лексикография».

Итак, в узбекском языке термин лексикография имеет синоним *лұғатчилик*: лексикография = *лұғатчилик*.

Понимание лексикографии в узбекском языке связано не только со значением термина лексикография, но и термина *лұғатчилик*, созданного по словообразовательной модели узбекского (и других тюркских и нетюркских) языков — корень плюс суффикс (суффиксы): *лұғат+чи+лик*.

В сознании узбекского специалиста в области лингвистики этот целостный психообраз сформирован в виде двух слов — *лұғатчилик, лексикография*.

Старшее поколение узбекских лингвистов больше употребляет интертермин лексикография, лексикограф, младшее поколение склонно употреблять термин, созданный на основе законов словообразования узбекского языка — *лұғатчи, лұғатчилик*.

В толковых словарях казахского языка (ҚТТС; ҚӘТС) и в терминологическом словаре [20] есть самостоятельные словарные статьи, посвященные слову-термину лексикография. Слово лұғатшылық (узб.: лұғатчилик) в этих словарях не зарегистрировано. В казахском языке слово лұғатшылық, созданное по законам казахского словообразования, практически не употребляется, за редким исключением. Например:

а) когда необходимо разъяснение значения термина лексикография казахской аудитории, не владеющей русским языком. В этом случае объяснение может осуществляться с использованием слов, отражающих значение слова-термина лексикография в казахском языке — лұғатшылық, сөздікшілік;

б) когда в процессе профессиональной речи, в частной беседе необходимо подчеркнуть не на русском, а на казахском языке значимость лексикографии как науки.

Мы считаем, что, хотя и слова лұғатшылық и сөздікшілік малоупотребительны и поэтому они казахским фонологическим (слуховым) ситом воспринимаются с некоторой напряженностью, их следует включать и в толковые, и в терминологические словари казахского языка. Ведь синонимический ряд лексикография — сөздікшілік — лұғатшылық в казахском языке есть, хоть и находится на периферии синонимической системы процесса словоупотребления. В случае включения этих слов в словари казахского языка мы получим официально-научное подтверждение об этих словах в казахском языке, а следовательно и синонимического ряда — лексикография — сөздікшілік — лұғатшылық.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в евразийском полиэтническом и полилингвальном пространстве развитие тюркских языков имеет одну общую тенденцию, которая характеризуется внутриязыковыми и межязыковыми особенностями. Оба аспекта свойственны всем уровням языка, но, прежде всего лексическому уровню, так как именно в лексике начинается формирование новых понятий, новых значений, выражающиеся теми или иными языковыми единицами (собственно-национальными или заимствованными). Такая универсальная тенденция в развитии тюркских языков в настоящее время не зависит от большого или малого количества людей, говорящих на них. Другое дело, что сегодня в одних тюркских языках в процессе заимствования доминирует лексика из восточных языков над лексикой из европейских языков (например, узбекский язык — из фарси и арабского), а в других — из европейских языков, а в третьих — примерно пропорциональное сочетание лексики из восточных и европейских языков (например, казахский или кыргызский языки). Такое развитие тюркских языков, будет иметь место и в перспективе, так как тюркские языки Евразии, а так же и другие языки Евразии, не могут функционировать в условиях изоляции, потому что межкультурная и межязыковая коммуникация являются одной из серьезных основ развития всех языков, всех культур, всех народов в настоящем и в будущем.

© Джусупов М.

Дата поступления: 10.08.18

Дата приема в печать: 10.01.19

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Хасанов Б.Х.* Казахско-русское двуязычие (социально-лингвистический аспект). Алма-Ата, 1987.
2. *Хасанов Б.Х.* Национальные языки. Двуязычие и многоязычие: поиски и перспективы. Алма-Ата: Казахстан, 1989.
3. *Джусупов М.* Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. Ташкент: Фан, 1991.
4. *Джусупов М.* Фонемография А. Байтурсынова и фонология сингармонизма. Ташкент: Узбекистан, 1995.
5. *Маханбет Жүсіпұлы (Джусупов М.).* Ахмет Байтұрсынов және қазіргі қазақ тілі фонологиясы. Алматы: Ғылым, 1998.
6. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI. С. 25—60.
7. *Баскаков Н.А.* Тюркские языки (общие сведения и типологические характеристики) // Языки народов СССР. Тюркские языки. М., 1966. Т. 2. С. 7—42.
8. *Ярцева В.Н.* О сопоставительном методе изучения языков // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1960. № 1. С. 12—15.
9. *Сулейменов О.О.* Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алматы: Жазушы, 1975.
10. *Мурад Аджи.* Полюнь половецкого поля. (В переводе на казахский язык: Мейірхан Акдәулет ұлы). Ақтобе, 2011.
11. *Гаркавец А.Н.* Развитие структуры тюркских языков в иноязычном окружении. АДД. М., 1985.
12. *Рождественский Ю.В.* Типология слова. Москва: Высшая школа, 1969.
13. *Расулова М.И.* Основы лексической категоризации в лингвистике. Ташкент, ФАН, 2005.
14. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М.: Наука, 1974.
15. *Гак В.Г.* Лексикология // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Издательство Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 259—261.
16. *Мейе А.* Сравнительный метод в истории языкознания. М., 1954.
17. Қазақ әдеби тілінің сөздігі. 15-томдық. Алматы, 2011. Т. 10.
18. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. 10-томдық. Алматы: Ғылым, 1983. Т. 7.
19. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5-жилдли. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси Давлат илмий нашриёти, 2006. Т. 2.
20. Тіл білімі сөздігі. Словарь по языкознанию. Алматы: Ғылым, 1998.

УДК: 811.512.122:811.512.133

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-167-176

EURASIAN MULTILINGUAL AREA: PRESENTATION OF WORD-TERM “LUGAT” IN DICTIONARIES OF TURKIC LANGUAGES (KAZAKH, UZBEK)

M. Dzhusupov

Uzbekistan State University of World Languages
Uzbekistan, Tashkent, 100138, Kichik Halka Yuli str. G-9A, 21-a

Abstract. This paper deals with the problem of interlingual and intercultural interrelations of the Turkic world of Eurasia with other lingual and cultural national entities. Issue of such interrelations is based on the analysis of lexeme ‘dictionary’, which was borrowed from the Arabic language on the material

of the content of its definition in explanatory dictionaries of the Kazakh (лұғат) and Uzbek (луғат) languages. Term *lugat* (лұғат) means the same in the Kazakh and Uzbek languages, but it is presented differently in the explanatory dictionaries. Meanings of lexeme ‘dictionary’ are presented in more quantity in the Uzbek dictionary, than they are in the Kazakh dictionary. There are also presented word-terms, which were formed from the lexeme *lugat* by suffixation (лұғатчи (*lugatchi*), лұғатшунос (*lugatshunos*), лұғатшунослик (*lugatshunoslik*), which form synonymic rows with the terms lexicographer, lexicography. Words лұғатшы (*lugatshy*), лұғатшылық (*lugatshylyk*) aren’t presented as independent dictionary entries in the Kazakh dictionary. Given words exist in lexis of the Kazakh language, but their usage is rare in the speech of linguists. These lexemes are stylistically colored units in the Uzbek language. Lexeme *lugat* is marked as literary in the Kazakh dictionary. Lexeme *lugat* hasn’t dictionary mark “literary” in the Uzbek dictionary, i.e. the word is characterized with neutral stylistic nuance. Borrowed word, which was became a heritage of the Kazakh and Uzbek languages, kept its original semantics, but it acquired new meanings, which were created by word-formative models of the two languages. It became one of the reasons of appearance of essential distinctions in the content of their presentation in explanatory dictionaries of two Turkic recipient languages.

Key words: *lugat* (dictionary), Eurasia, Turkic, Kazakh, Uzbek, presentation, similarities, differences

REFERENCES

1. Khasanov, B.Kh. (1987). *Kazakh-Russian bilingualism (social and linguistic aspect)*. Alma-Ata. (In Russ).
2. Khasanov, B.Kh. (1989). *National languages. Bilingualism and multilingualism: researches and perspectives*. Alma-Ata: Kazakhstan. (In Russ).
3. Dzhusupov, M. (1991). *Acoustic system of the Russian and Kazakh languages. Syllable. Interference. Teaching of pronunciation*. Tashkent: Fan. (In Russ).
4. Dzhusupov, M.A. (1995). *Baitursynov’s phonemography and phonology of synharmonism*. Tashkent: Uzbekistan. (In Russ).
5. Makhanbet, Zhusipuly (Dzhusupov, M.). (1998). *Akhmet Bajtursynov and phonology of the modern kazakh language*. Almaty: Ylym. (in Kazakh).
6. Weinreich, W. (1972). *Monosemantism and polysemantism* In *New in linguistics*. Moscow. Issue VI. pp. 25—60. (In Russ).
7. Baskakov, N.A. (1966). *The Turkic languages (common information and typological features* In *Languages of the peoples of the USSR. Turkic languages*. Moscow. Vol. 2. pp. 7—42. (In Russ).
8. Yartseva, V.N. (1960). *About comparative method of teaching languages, Scientific reports of higher education, Philology, 1, 12—15*. (In Russ).
9. Suleimenov, O.O. (1975). *Az and I. A book of well-meaning reader*. Almaty: Zhazushi. (In Russ).
10. Murad, Adzhi (2011). *Wormwood of Polovtsian field*. (In translation on the Kazakh language: Mejrhan Aqdaulet uly. Aktobe. (in Kazakh).
11. Garkavets, A.N. (1985). *Development of structure of the Turkic languages in foreign area*. Moscow. (In Russ).
12. Rozhdestvensky, Yu.V. (1969). *Typology of a word*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ).
13. Rasulova, M.I. (2005). *Foundation of lexical categorization in linguistics*. Tashkent: FAN.
14. Апресян, Ю.Д. (1974). *Lexical semantics*. Moscow: Nauka. (In Russ).
15. Gak, V.G. (2000). *Lexicology* In *Big Encyclopedic Dictionary. Linguistics*. Moscow: Izdatel'stvo Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2000. pp. 259—261. (In Russ).
16. Мейе, А. (1954). *Comparative method in history of linguistics*. Moscow.
17. Қазақ әдеби тілінің сөздігі (2011). [The dictionary of the literary Kazakh language]. 15 volumes. Almaty. 10th volume. (in Kazakh).
18. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (1983). [The explanatory dictionary of the Kazakh language]. 10 volumes. Almaty: Gylım. Vol. 7. (in Kazakh).

19. Izbek Tilining reported lufati (2006). [The explanatory dictionary of the Uzbek language]. 5-veins T. 2. Tashkent: Uzbekistan uk encyclopedia Davlat ilmiy nashrieti, 2006. (in Uzbek).
20. Til bilimi sozdigi (1998). Dictionary of linguistics. Almaty: Ylym, 1998. (in Kazakh, In Russ).

Для цитирования:

Джусупов М. Евразийское полилингвальное пространство: презентация слова-термина «лугат» в словарях тюркских языков (казахский, узбекский) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 10. no 1. С. 167—176. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-167-176.

For citation:

Dzhusupov, M. (2018) Eurasian multilingual area: presentation of word-term “lugat” in dictionaries of Turkic languages (Kazakh, Uzbek). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 167—176. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-167-176.

Сведения об авторе:

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, профессор Узбекского государственного университета мировых языков; *научные интересы:* фонетика и фонология; стилистика; сравнительное языкознание; социолингвистика; лексикография; контактирование русского и тюркских языков: билингвизм, интерференция; лингводидактика и методика; *e-mail:* mah.dzhusupov@mail.ru

Information about the author:

Mahanbet Dzhusupov is a Doctor of Science in Philology, professor, professor of Uzbek state university of world languages; *Interests:* Phonetics and phonology; stylistics; comparative linguistics, lexicography; contacting of the Russian and Turkic languages: bilingualism, interference; linguodidactics and methodology; *e-mail:* mah.dzhusupov@mail.ru

УДК: 811.131.1'276.6:008
DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-177-186

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ (ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ) КОМПЕТЕНЦИИ ИТАЛЬЯНСКИХ СТУДЕНТОВ-КУЛЬТУРОЛОГОВ

С.Г. Персиянова¹, Е.Г. Ростова²

¹Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается проблема формирования профессиональной (лингвокультурной) компетенции итальянских студентов-культурологов, специализирующихся на изучении русской культуры в ее синхроническом и диахроническом рассмотрении. Авторами предлагается описание и анализ программы, реализуемой Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина совместно с Миланским государственным университетом. Программа включает курсы: «История русской культуры», «Современная русская литература», «Язык и культура».

Основное внимание в статье уделяется входящему в программу оригинальному курсу «Язык и культура», основанному на анализе особенностей связи русского языка и культуры в разные исторические периоды, что принципиально отличает его от традиционных курсов лингвострановедения. В статье описываются особенности структуры и содержания курса «Язык и культура» для студентов-культурологов, его цели, задачи и методический аппарат. Курс включает пять тематических блоков: «Язык и культура Древней Руси», «Русский язык и культура XVIII в.», «Русский язык и культура XIX в.», «Русский язык и культура XX в.».

Основной целью курса является углубление знаний учащихся о связи русского языка и культуры (во взаимодействии диахронной и синхронной составляющих), развитие их коммуникативной компетенции, преимущественно в социально-культурной сфере общения, связанной с будущей профессиональной деятельностью культуролога. Важной составляющей среди средств обучения в рамках данного курса является Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия», находящийся в открытом доступе на портале Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Материалы словаря (статьи, медиатека, интерактивные задания) формируют основной контент курса.

Ключевые слова: русский язык, русская культура, коммуникативная компетенция, профессиональная (лингвокультурная) компетенция

ВВЕДЕНИЕ

В середине и в конце прошлого века знание русского языка представляло интерес для итальянцев в первую очередь как возможность изучать русскую культуру, читать русскую художественную литературу в подлиннике и заниматься переводом.

До университетской реформы конца 90-х годов в университетах русский язык (как и все языки) преподавался не как отдельный предмет, а как средство для подготовки литературоведов и филологов. После реформы 1999 г. изучение языка стало самостоятельным предметом, тем самым дав стимул к подготовке кадров нового профиля, с лингвистическим образованием, для только образовавшихся университетских курсов [1].

Сегодня в основу обучения закладывается общеевропейская концепция владения иностранным языком, в которой во главу угла всего образовательного процесса ставится приобретение учащимися межкультурного и коммуникативного опыта. Министерство образования Италии настоятельно рекомендует при составлении программ по иностранным языкам, а также при выборе учебной литературы пользоваться принципами, заложенными в Quadro comune europeo di riferimento per la conoscenza delle lingue (Общеевропейские компетенции владения иностранным языком)¹.

1. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ПРОГРАММЫ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИТАЛИИ

В последнее время в Италии присутствует большой интерес к специализированным программам по русскому языку, адресованным специалистам различных профессий, учитывающих конкретные потребности зарубежных образовательных организаций. Набор этих программ широкий: программы для культурологов, социологов, политологов, дипломатов, работников сферы туризма и гостиничного бизнеса, медиков, программы экономического профиля, по русскому языку делового общения [2].

Цель каждой программы — формирование коммуникативной компетенции не только в повседневной сфере, но и в сфере профессиональной коммуникации, изучение специальной и терминологической лексики, расширение страноведческих знаний. Отбор языкового материала подчинен ситуациям, актуальным для профессиональной деятельности работников той или иной сферы, в связи с чем в учебные планы кроме практического курса русского языка включаются дисциплины, направленные на формирование профессиональной компетенции.

1. ОСОБЕННОСТИ ПРОГРАММЫ ДЛЯ КУЛЬТУРОЛОГОВ ГОС. ИРЯ ИМ. А.С. ПУШКИНА

В программу для культурологов, успешно реализуемую в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина совместно с двумя факультетами Миланского государственного университета, входят такие дисциплины, как «История русской культуры», «Язык и культура», «Современная русская литература».

В чем особенность содержания программы? Главное — в том, что она ориентирована на будущую профессию студентов. Поэтому программы всех трех дисциплин курса согласованы и реализуют в совокупности и диахронический, и синхронический подход к изучению русской культуры.

В курсе «История русской культуры», как следует из названия, прослеживаются основные этапы развития русской культуры, то есть доминирует диахронический подход.

---

¹ Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К.М. Ирисхановой. М.: Изд-во МГЛУ, 2003.

Курс «Современная русская литература» предназначен для ознакомления студентов с сегодняшними тенденциями развития русской литературы как части культуры, включая и традиции, и новации.

В курсе «Язык и культура» выявляются особенности связи языка и культуры в разные исторические периоды, вплоть до современности.

3. КУРС «ЯЗЫК И КУЛЬТУРА»: ОРИГИНАЛЬНОСТЬ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Остановимся подробнее на курсе «Язык и культура» как лингвострановедческом курсе, более других направленном и на развитие коммуникативной компетенции учащихся, и на подготовку их как специалистов, обладающих знаниями процессов взаимодействия языка и культуры.

Данный курс состоит из пяти тематических блоков: «Язык и культура Древней Руси», «Русский язык и культура XVIII в.», «Русский язык и культура XIX в.», «Русский язык и культура XX в.».

Кратко учебную программу спецкурса можно представить таким образом.

Раздел 1. «Культура Древней Руси. Связь языка и культуры Древней Руси с современным русским языком и культурой» (6 часов).

Тема 1.1. «Имена мифологических и сказочных персонажей, их функционирование в современном русском языке и культуре» (2 часа).

Тема 1.2. «Древнерусские топонимы и антропонимы, их функционирование в современном русском языке и культуре» (2 часа).

Тема 1.3. «Историзмы и архаизмы. Процесс деархаизации в современном русском языке» (2 часа).

Раздел 2. «Культура России XVIII в. Связь языка и культуры России XVIII в. с современным русским языком и культурой».

Тема 2.1. «Иноязычные заимствования в русском языке XVIII в. Становление русской терминологии» (2 часа).

Тема 2.2. «Оттопонимические номинации иностранных артефактов» (2 часа).

Тема 2.3. «Русская литература XVIII в. Как источник прецедентных имен и цитат (произведения Д.И. Фонвизина и Н.М. Карамзина)» (2 часа).

Раздел 3. «Культура России XIX в. Связь языка и культуры России XIX в. с современным русским языком и культурой».

Тема 3.1. «Процесс формирования современного литературного языка. Славянофилы и западники. Иноязычные заимствования в русском языке XIX в.» (2 часа).

Тема 3.2. «Русская литература XIX в. как основа корпуса русских прецедентных текстов (произведения И.А. Крылова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н.Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.П. Чехова и др.)» (2 часа).

Тема 3.3. «Изобразительное и музыкальное искусство XIX в. как основа корпуса русских прецедентных феноменов (произведения В.М. Васнецова, И.Е. Репина, П.И. Чайковского и др.)».

Раздел 4. Культура России XX в. Связь языка и культуры России XX в. с современным русским языком и культурой.

Тема 4.1. «Особенности языка советской эпохи. Советизмы и аббревиация сегодня» (2 часа).

Тема 4.2. «Прецедентные тексты русского искусства и литературы XX в. Их функционирование в современной речи и в СМИ» (2 часа).

Разумеется, этот перечень не исчерпывает всех вариантов связей русского языка и культуры в каждую из эпох. Отобранные для курса темы предлагают лингвострановедческий материал, который более других очевиден, не требует от учащихся глубоких культурологических знаний и доступен по языку иностранным учащимся, учитывая, что в лучшем случае их языковые знания соотносимы с уровнями В1—В2.

На наш взгляд, предлагаемый подход имеет преимущества перед курсом по традиционным лингвистическим темам в том, что этот подход:

— демонстрирует, что появление или актуализация (в том числе и деархаизация) в языке единиц с национально-культурным компонентом семантики органически связаны с определенной исторической эпохой и особенностями культуры данного периода, то есть экстралингвистическими факторами, имеющими определяющее влияние на язык;

— вносит некоторую упорядоченность в знания о взаимосвязи языка и культуры и о времени появления в России тех или иных реалий, а также их номинаций — слов или выражений. Так, например, известный во всем мире русский сувенир матрешка является русским брендом лишь с конца XIX века, хотя многим матрешки представляются значительно старше. Аналогичные культурно-языковые парадоксы порой возникают со словами *чай*, *самовар* и *картошка* и, соответственно, с фразеологизмами, пословицами и поговорками, в состав которых входят эти слова (*картошка в России — второй хлеб, в Тулу со своим самоваром не ездят*);

— обязательной завершающей составляющей каждого занятия является обращение к современным текстам СМИ или Интернета, подтверждающим, что появившееся не сегодня слова и выражения продолжают употребляться в русской речи в разнообразных контекстах.

Проиллюстрируем декларируемое на нескольких примерах.

**Раздел «Культура Древней Руси. Связь языка и культуры Древней Руси с современным русским языком и культурой
Тема «Имена мифологических и сказочных персонажей, их функционирование в современном русском языке и культуре»**

Как правило, изучение этой темы предполагает знакомство с древними верованиями славян, с обрядами и обычаями, с пантеоном языческих богов и с именами мифологических персонажей — духов дома, воды, леса, то есть Водяным, Домовым, Лешим, Кикиморой и пр. Часть их сегодня связывается в сознании носителей языка исключительно с Древней Русью; часть — актуальна до сих пор; часть обрела новые смыслы в последние десятилетия. Следовательно, рассказывая

о том или ином языческом персонаже, преподаватель может сразу же определять его место в истории культуры и в языке. Разумеется, подробнее должны быть рассмотрены только те единицы, которые более других значимы как хранители культуры. Отобратить их поможет Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» [Мультимедийный 2014]. Так, в статье «Язычество» мы находим упоминание имен языческих богов, духов, других мифологических персонажей, названия праздников, названия произведений литературы и искусства, тематически связанных с язычеством, а также фамилии их авторов. Таким образом, отобрав наиболее ценный с точки зрения лингвострановедения материал, преподаватель может выстроить содержание занятия, связав изучаемый культурологический материал с языковым.

Завершить занятие по избранной теме может обращение к текстам (вербальным и невербальным), иллюстрирующим современное понимание и интерпретацию мифологических персонажей типа Домового, Лешего, Водяного. Это необходимый этап занятия еще и потому, что если в фольклорных произведениях названные персонажи олицетворяют собой злые силы, опасные для жизни человека, то в современных интерпретациях они постепенно превращаются в персонажей анекдотов и детских мультфильмов, где в комической форме обыгрываются их характеры и атрибутика. Так, например, Водяной из мультфильма «Летучий корабль» (которого, кстати, нет в одноименной сказке так же, как нет в ней и хора Бабок Ёжек) вызывает даже некоторое сочувствие во многом благодаря песне М. Дунаевского на слова Ю. Энтина, а хор Бабок Ёжек и даже сама форма множественного числа от имени собственного Баба Яга — естественную иронию. Заслужил искреннюю симпатию зрителей и домовенок Кузя из мультсериала А. Зябликовой по сказке Т. Александровой.

Не лишним будет в конце занятия упомянуть и о том, что сегодня имена многих фольклорных персонажей используются как названия артефактов, например, сеть магазинов аквариумов и экзотических рыбок носит название «Водяной», а магазинов товаров для дома и ремонта — «Домовой».

Вероятно, именно такие явления можно рассматривать как своего рода диахронический диалог текстов в рамках одной культуры, что в свою очередь, является развитием семантики слова и его национально-культурного фона.

Осмысление того или иного явления, факта, события, персонажа в языковых формах происходит иногда неоднократно. И первые номинации передают лишь прямое значение, связанное с появлением данной реалии в культуре. Со временем же номинация может получить большее количество значений, войти во фразеологические обороты, устойчивые сравнения, в состав крылатых слов. Так произошло, например, с номинацией *шапка Мономаха*. В XVI веке на Русь привезли шапку Мономаха, но лишь после публикации трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» в русском языке появилось выражение «Тяжела ты, шапка Мономаха», популярное до сих пор. Это подтверждается, например, тем, что в поисковых системах Интернета количество сайтов с упоминанием этой крылатой фразы составляет более 60 000.

Раздел «Культура России XVIII в. Связь языка и культуры России XVIII в. с современным русским языком и культурой».
Тема «Русская литература XVIII в. как источник прецедентных имен и цитат (произведения Д.И. Фонвизина и Н.М. Карамзина)»

Как правило, изучение этой темы предполагает знакомство с основными событиями века, основными гуманитарными проблемами века, его видными деятелями, литературными произведениями и произведениями разных видов изобразительного искусства. Если соотнести ключевые с точки зрения культуры слова этой эпохи с известной классификацией безэквивалентной и фоновой лексики [3], то окажется очевидным, что это будут историзмы, слова церковнославянского языка, заимствования из иностранных языков, пришедшие в Россию в Петровскую или в Екатерининскую эпохи, и неологизмы, появление которых в русском языке этого периода связано часто с именем Н.М. Карамзина. Часть этих слов и выражений сегодня в сознании носителей языка ассоциируются исключительно с XVIII в.; часть — актуальна до сих пор и не всегда осознается носителями как слова, возникшие в русском языке только в XVIII в. и более того, как неологизмы, имеющие известного автора.

Разумеется, в коротком курсе невозможно охватить всю лексику и фразеологию века, но возможно сосредоточить внимания на тех языковых единицах, которые более других значимы для нас как слова — культурные знаки эпохи [4]. Отобрать их можно, используя материалы Мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия», обращение к материалам которого в курсе проводится регулярно. Так, например, в статьях «Бедная Лиза» и «Недоросль» мы находим именно ту информацию, которая как обязательный минимум необходима для наших учащихся. Приведем в пример цитаты из этих статей (рубрики «В языке и культуре»).

Из статьи «Бедная Лиза»:

У современного читателя интерес к повести не сохранился, но некоторые строки «Бедной Лизы» стали крылатыми словами, например: *И крестьянки любить умеют*. Выражение *бедная Лиза* иногда используется при сожалении о несчастной судьбе и любви простой девушки.

В 1997 г. на экраны вышел художественный фильм режиссера Т. Кеосаяна с названием-перифразой «Бедная Саша», где название повести Карамзина обыгрывается в современной криминально-комедийной ситуации.

Из статьи «Недоросль»:

Благодаря комедии Фонвизина слово *недоросль* (прежде нейтральное) получило новое переносное значение — «недоучившийся, глуповатый молодой человек», а имя *Митрофанушка* стало нарицательным обозначением лодыря, лоботряса, лентяя.

Слова Митрофанушки *Не хочу учиться, хочу жениться* стали крылатыми, употребляются как шутка.

Таким образом, отобрав наиболее ценный с точки зрения лингвострановедения материал, преподаватель может выстроить содержание занятия, не отягощая его избыточной информацией, что чрезвычайно важно особенно при работе в иностранной аудитории, и связав изучаемый культурологический материал с языковым.

Завершить занятие по избранной теме может обращение к текстам (вербальным и невербальным), иллюстрирующим современное понимание и интерпретацию прецедентных текстов XVIII в. Это необходимый этап занятия еще и потому, что в современных интерпретациях довольно часто общеизвестные названия литературных произведений, крылатые слова, имена исторических деятелей или литературных персонажей прошедших эпох обыгрываются юмористически. Так, например, название повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» трансформировалось в «Бедную Сашу» (лирическая новогодняя комедия Т. Кеосаяна) и в «Бедную Настю» (телесериал П. Штейна). Это, однако, не исключает включения текстов далекого прошлого в современный культурный контекст в их оригинальном виде. Например, на сцене московского Театра у Никитских ворот с успехом идет спектакль «Бедная Лиза». Именно потому, что этот спектакль — о вечном, и мастерство режиссера, композитора, всех актеров сделало текст XVIII в. интересным для сегодняшнего молодого зрителя. Режиссер спектакля Марк Розовский так пишет о своей работе: «Жизнь спектакля „Бедная Лиза“ доказала уже, что с помощью музыкально-поэтических добавлений великое русское слово действует и сегодня на души людей, заставляет и посмеяться и всплакнуть» [5].

Кажется, что не будет преувеличением предположить, что именно такие художественные интерпретации подтверждают, что вообще в культуре сохраняется лишь то, что получает новые интерпретации, отстоящие от времени появления интерпретируемого текста порою на многие века.

Раздел «Культура России XIX в. Связь языка и культуры России XIX в. с современным русским языком и культурой».
Тема «Изобразительное и музыкальное искусство XIX в. как основа корпуса русских прецедентных феноменов (произведения В.М. Васнецова, И.Е. Репина, П.И. Чайковского и др.)»

Одно из занятий этой темы посвящено творчеству художников-передвижников, их подвижнической деятельности в последние десятилетия XIX — начала XX в. Но не только этим интересно творчество знаменитого объединения. Для изучения языка и культуры важным является тот факт, что названия многих картин передвижников вошли в русский речевой оборот как устойчивые сравнения, фразеологизмы или образные наименования для типичных ситуаций общения. Например, название картины В.М. Васнецова «Аленушка» используется в речи для характеристики грустно сидящей девушки или девочки. Возможно также выражение *сидит как Аленушка*; тремя богатырями русские могут назвать рядом стоящих трех высоких, крепко сложенных мужчин, вспоминая знаменитую картину В.М. Васнецова «Богатыри»; название картины А.К. Саврасова «Грачи прилетели» в разговорной речи используется как устойчивое сочетание, обозначающее начало весны; название картины И.Е. Репина «Не ждали» иногда звучит как шуточный комментарий к неожиданному появлению кого-либо. Этому интереснейшему явлению в русской культуре и языке посвящены интерактивные задания мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия», в которых студентам предла-

гается посмотреть на современные фотографии, коллажи, инсталляции, в названиях которых авторы использовали прецедентные названия картин передвижников, и объяснить, почему это возможно в современных контекстах.

Раздел «Культура России XX в. Связь языка и культуры России XX в. с современным русским языком и культурой».

Тема «Особенности языка советской эпохи. Советизмы и аббревиация сегодня»

В первом семестре 2017—2018 учебного года одно из занятий спецкурса проводилось на выставке «1917 г. Революция в языке» [6], открывшейся в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина накануне 100-летия Октябрьской революции. Материалы выставки познакомили студентов с историей реформы правописания 1917—1918 гг.; с изменением системы обращений, прошедшим в течение одного года; с языком первых декретов советской власти; с неологизмами, вошедшими в узус в связи с революционными событиями (аббревиатурами и сложносокращенными словами); с новыми именами собственными, включая курьезные личные имена, рожденные революцией; с текстами художественной литературы и изобразительного искусства, т.е. культуры в целом, характерными для революционной и послереволюционной эпохи, и т.д. Студенты также получили возможность узнать и о том, как на революционные изменения в русском языке среагировало русское зарубежье. Например, прочитать письма И.А. Бунина и С.В. Рахманинова, сохранившие дореволюционную орфографию и подтверждающие факт неприятия реформы 1918 г. их знаменитыми авторами.

В материалы занятия включаются и современные тексты СМИ и Интернета, в которых обыгрывается дореволюционная орфография (название газеты «Коммерсантъ», журнал «Ять») или обсуждается проблема отсутствия в русском языке нейтрального обращения и т.д.

В завершение каждой темы курса студенты выполняют обязательную самостоятельную работу, предполагающую поиск в СМИ, особенно в Интернете (рубрика «Новости» в браузере поисковой системы Google и др.), материалов, включающих актуальные сегодня слова и выражения, история которых уходит вглубь веков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как следует из статьи, систематизация знаний о связях языка и культуры, актуальная для будущих культурологов, возможна в спецкурсе, построенном на изучении хронологической последовательности тем, иллюстрирующих особенности каждого этапа развития русской культуры, отраженные в языке. Такой подход также дает возможность преподавателю связать исторические процессы с культурой и языком современности, так как курс предполагает регулярное обновление контента, что, по мнению авторов, совершенно необходимо для формирования и совершенствования профессиональной компетенции культурологов, изучающих русскую культуру в ее историческом развитии и современном состоянии.

© Персиянова С.Г., Ростова Е.Г.
Дата поступления: 18.11.2018
Дата приема в печать: 26.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бончани Д., Романьоли Р., Смыкунова Н.В. Мир тесен: Учебное пособие по русской культуре и страноведению России для университетов и лингвистических лицеев // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13—20 сентября 2015 г.): В 15 т. СПб., 2015.
2. Рамузино П. К., Персиянова С.Г. Об изучении русского языка в Италии // Русский язык за рубежом. Спецвыпуск «Русистика Италии». 2017. С. 4—7.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990.
4. Прохоров Ю.Е. «Знаки культуры в произведениях Ю. Полякова. Испытание реализмом» // Творчество Юрия Полякова. Традиция и новаторство (к 60-летию писателя): материалы научно-теоретической конф. 2015. С. 50—68.
5. Бедная Лиза — мюзикл. Фрагменты из режиссерской тетради. Режим доступа: http://www.teatrunikitskiivorot.ru/spektakli/bednaya_liza/ (дата обращения: 06.08.18).
6. Научная концепция проекта «1917. Революция в языке». Режим доступа: http://www.pushkin.institute/projects/1917_revolyuciya_v_yazyke/ (accessed: 06.08.2018).
7. Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия». Режим доступа: <https://ls.pushkininstitute.ru> (accessed: 06.08.2018).

УДК: 811.131.1'276.6:008

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-177-186

FORMATION OF PROFESSIONAL (LINGVOCULTURAL) COMPETENCE OF ITALIAN STUDENTS-CULTUROLOGISTS

Svetlana G. Persiyanova¹, Evgeniya G. Rostova²

¹Pushkin State Russian Language Institute
6 Ac. Volgin Str., Moscow, 117485, Russia

²Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Abstract. The article deals with the problem of the formation of the professional (linguistic and cultural) competence of Italian students-culturologists, specializing in the study of Russian culture in its synchronic and diachronic examination. The authors offer a description and analysis of the program implemented by the Pushkin State Russian Language Institute together with the Milan State University. The program includes courses: “History of Russian Culture”, “Modern Russian Literature”, “Language and Culture”.

The article focuses on the original course “Language and Culture”, which is part of the program, based on an analysis of the peculiarities of the connection between the Russian language and culture in different historical periods, which fundamentally distinguishes it from traditional language and culture courses. The article describes the features of the structure and content of the course “Language and Culture” for students-culturologists, its goals, tasks and methodological apparatus. The course includes five thematic sections: “The Language and Culture of Ancient Russia”, “The Russian Language and Culture of the 18th Century”, “The Russian Language and Culture of the 19th Century”, “The Russian Language and Culture of the 20th Century”.

The main goal of the course is to deepen students’ knowledge of the relationship between the Russian language and culture (in the interaction of diachronic and synchronous components), the development of their communicative competence, mainly in the socio-cultural sphere of communication associated with the future professional activities of the culturologist. An important component of the training in this course is the Multimedia language and culture Dictionary “Russia”, which is publicly available on the Pushkin State Russian Language Institute portal. The dictionary materials (articles, media library, interactive tasks) form the main content of the course.

Key words: Russian language, Russian culture, communicative competence, professional (lingvocultural) competence

REFERENCES

1. Bonciani, D., Romagnoli, R. & Smykunova, N.V. (2015). It's a small world: the training manual on Russian culture and Russian studies for universities and linguistic lyceums, *Russian language and literature in the space of the world culture: Materials of XII MAPRYAL's International Congress* (Granada, Spain, September, 13—20): in 15 volumes. St. Petersburg.
2. Ramusino, P.C. & Persiyanova, S.G. (2017). On the study of the Russian language in Italy. *The journal Russian language abroad*. Special issue "Russian Studies in Italy", 4—7. (In Russ.).
3. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990). Language and culture. Moscow: Russian Language publ. (In Russ.).
4. Prokhorov, Yu.E. (2015). Signs of culture in the works of Y. Polyakov. Testing by realism. *Materials of the theoretical and theoretical conference "Creativity of Yuri Polyakov: Tradition and Innovation" (to the 60th anniversary of the writer)*. Moscow. (In Russ.).
5. Poor Lisa is a musical. Fragments from the director's notebook. URL: http://www.teatrunikitskihvoro.ru/spektakli/bednaya_liza/ (accessed: 06.08.18).
6. Scientific concept of the project "1917. The revolution in language". http://www.pushkin.institute/projects/1917_revoluciya_v_yazyke (accessed: 06.08.2018).
7. Multimedia language and culture dictionary "Russia". URL: <https://ls.pushkininstitute.ru> (accessed: 06.08.18).

Для цитирования:

Персиянова С.Г., Ростова Е.Г. Формирование профессиональной (лингвокультурной) компетенции итальянских студентов-культурологов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. Т. 10. no 1. С. 177—186. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-177-186.

For citation:

Persiyanova, S. & Rostova, E. (2019). Formation of professional (lingvocultural) competence of italian students-culturologists. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 177—186. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-177-186.

Сведения об авторах:

Персиянова Светлана Георгиевна, к.ф.н., декан факультета обучения русскому языку как иностранному Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, доцент; *научные интересы*: функциональная грамматика, функциональный синтаксис, методика преподавания РКИ, русский язык и культура; *e-mail*: SGPersiyanova@pushkin.institute

Ростова Евгения Гелиевна, доцент кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова; *научные интересы*: лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, методика преподавания РКИ, русский язык и культура; *e-mail*: Rostova_evgenija@mail.ru

Information about the authors:

Persiyanova Svetlana G., PhD, Dean of the faculty of teaching Russian as a foreign language of the state Institute of Russian language. A.S. Pushkin; *research interests*: functional grammar, functional syntax, methods of teaching, as a foreign language, Russian language and culture; *e-mail*: SGPersiyanova@pushkin.institute

Rostova Evgeniya G., Associate Professor of the Department of comparative language studies, faculty of foreign languages and regional studies, Moscow state University. M.V. Lomonosov; *research interests*: linguistic Culturology, linguistics, intercultural communication, methods of teaching, as a foreign language, Russian language and culture; *e-mail*: Rostova_evgenija@mail.ru

УДК: 81'276.6:62

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-187-196

EFFECTIVENESS VS. EFFICIENCY: AN ANALYSIS OF VALENCY AND COLLOCABILITY IN A TECHNICAL CONTEXT

Yulia A. Filyasova

Saint-Petersburg Mining University
21st Line, 2, Vasilievsky Island, St. Petersburg, Russia, 199106

Abstract. The article presents the results of a lexico-syntactic analysis of valency and collocability of English words, related to one semantic group: *effectiveness* and *efficiency*. The aim of the research was to study the ability of these words to syntactically and lexically contact with other words, taking into consideration certain difference between their lexical meanings. The objectives included determining semantic variations and analysis of word classes in the left and right contexts. The material, 177,144 words, comprised 700 article titles and abstracts from seven international journals with geological and petroleum-related specializations. Methods of study involved continuous sampling, classification, and analysis of lexical meanings of relevant words. It was found that the frequency of *effectiveness* was 40% higher than that of *efficiency*. Both of them had similarities in syntactic valency: they occurred in identical syntactic structures, however, with different rates of occurrence. The difference is the most obvious in such syntactic structures as N(E)+of+N — characteristic of *effectiveness*, and V+A+N(E) — specific to *efficiency*. A typical example of *effectiveness* was *the effectiveness of the proposed method*, while that of *efficiency* — *improve production efficiency*. *Effectiveness* collocated more often with method-related notions, whereas *efficiency* — with processes. The gained data correlate with the definitions: *effectiveness* has a wider semantic field (which explains a higher rate of its occurrence) and is oriented towards result, while *efficiency* implies process and has an additional technical meaning. The data can be used in the practice of teaching English as a second language for students with technical specializations and technical translation.

Key words: valency, collocability, word frequency, syntactic structure, the English language

INTRODUCTION

Lexical valency is defined as the aptness of a word to appear in various combinations. The range of the lexical valency of words is linguistically restricted by the inner structure of the English word-stock. This can be easily observed in the selection of synonyms found in different word-groups. Though the verbs *lift* and *raise* are usually treated as synonyms, it is only the latter that is collocated with the noun *question*. The verb *take* may be synonymically interpreted as *grasp*, *seize*, *catch*, *lay hold of*, etc., but it is only *take* that is found in collocation with the nouns *examination*, *measures*, *precautions*, etc.; only *catch* in *catch smb. napping* and *grasp* in *grasp the truth* [1. p. 64—65]. Lexical collocability is understood as the ability of a lexeme to collocate with a class of lexemes (allexemes) on the basis of the common classeme, which is a case of semantic accord. The class of lexemes forms the domain of the use of the lexeme delimited by the explanation of its sememe. This explanation represents the semantic norm of the lexeme [2. p. 176]. The terms *collocability* and *valency* are considered to be

distinct in the following manner: the former is defined as a *particular actualization* of a lexical unit’s ability to collocate with other lexical units, leading to a conceptual combination; the latter is opposed as *potential ability* of lexical units to collocate with other units of the same category [3. p. 75]. Valency is also understood as the ability of lexical units to interact with other units at close and distant relations, or in micro and macro contexts. Valency is related to such notions as ‘position’ and ‘function’. According to S.D. Katznelson, in such languages as English valency and collocability are purely distinct [4. p. 20].

For speech production, lexical meaning has a more important function, in contrast to grammatical meaning, for identification of potential collocations, syntactic structures and their components. In other words, lexical meaning sets those main parameters of a sentence-utterance, which pre-determine extra-linguistic reality [5. p. 41]. Despite the fact that lexical system is difficult to study in contrast with phonetic and grammatical systems, as it is based on hundreds of thousands of units, exposed to social and other influences, and therefore, vulnerable to dramatic and seemingly non-systemic changes [6. p. 23], research into lexical valency is relevant nowadays, as it opens new horizons in understanding implicit connections of nominations, collocability, interactions of linguistic structures, and communication [7. p. 112—114].

Each speaker of a human language knows that words in sentences are organized into classes of hierarchically-defined phrases, each with distinctive clusters of properties pertaining to internal structure and external distribution [8. p. 2]. The most obvious formal property of utterances is their bracketing into constituents of various types that is ‘the tree structure’ associated with them [9. p. 12] (Fig. 1). Within a sentence, the following types of phrase can be distinguished: nominal, verbal, adjectival, adverbial, and stative phrases [10. p. 319].

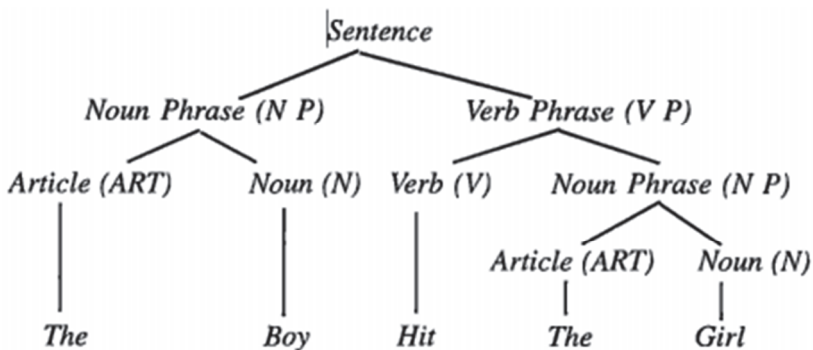

Fig. 1. Structural representation of a sentence /
Рис. 1. Структурная репрезентация предложения

Semantics and grammar are closely related areas: “the semantic component determines the semantic interpretation of a sentence. That is, it relates a structure generated by the syntactic component to a certain semantic representation” [9. p. 16]. Similarly, lexical and grammatical types of valency are closely interconnected [11. p. 78]. Syntactic valency of a word ‘A’ is a system of potential positions which other words can take, when ‘A’ occurs in speech. Lexical valency is a particular set of words which occur

in speech together with ‘A’. Valency of a word depends on its lexical class, on the one hand, and its lexical meaning, on the other hand. Semantics of a word determines its valency properties. It is important to note that the semantic spectrum of a word, which appears in a context, is often different from that in dictionaries [12. p. 39]. Context is a mechanism and a result of actualization of syntagmatic properties, characteristic of lexical units. Such properties are determined and regulated by collocation norms of words in a text [13. p. 50].

Semantic groups can be divided into two types: 1) *contextual*, in which words collocate because the phenomena they denote are frequently used in one context, for example, *sun, shine* and *brightly*; and 2) *logical*, in which words are grouped because they denote generic terms, e.g. *shine, light, blaze, flare, flash, gleam, glimmer, glint, glow, shimmer, spark, sparkle, twinkle* [14. p. 93].

The words *effectiveness* (EFS) and *efficiency* (EFC) are interrelated and constitute one logical semantic group as they have similar components of meaning, for examples, *work well* and *produce good results*. However, contextually they are not always replaceable. This study is aimed at understanding syntactic valency and lexical collocability of these lexical units through their contextual illustration on the material of technical research article titles and abstracts on petroleum science. Practically, the results could be of interest for specialists in technical translation and teaching technical English as a second language (L2) [15]. Learners of a foreign language never make semantic mistakes since logical principles, determining the structure of actual denotation, are common for all languages; however, they might not know the rules of lexical collocability [16. p. 120].

MATERIAL

700 headlines and abstracts from seven journals: *Journal of Petroleum Geology* [17], *Petroleum Geoscience* [18], *Journal of Unconventional Oil and Gas Resources* [19], *Journal of Petroleum Science and Engineering* [20], *Marine and Petroleum Geology* [21], *Petroleum Exploration and Development* [22], *Petroleum Science* [23] — were equally selected (100 from each) over the recent five years 2013—2018 and analyzed for the valency and collocability of the words EFS and EFC in the technical context. The volume of the original material was 1,210,427 characters, or 177,444 words. The rates of occurrence were 150 for EFS and 89 for EFC.

The analysis of dictionary definitions revealed common and distinctive features in the semantics of these words:

- ◆ Common — 1) working well; 2) producing good results [24].
- ◆ Distinctive — **effective**: a. successful; b. if changes, laws, etc become effective, they officially start; c. used to say what the real situation is although officially it is different [25]; d. producing a decided, decisive, or desired effect; e. impressive, striking; f. actual; g. ready for service or action [26].

Efficient: using the available time, money, supplies, and energy.

Efficiency: the ratio of the useful energy delivered by a dynamic system to the energy supplied to it [26]; (*technical*) the ratio of the useful work performed by a machine or in a process to the total energy expended or heat taken in [27].

Generally, EFS has a wider semantic field and is oriented towards result, while EFC is more of a process-oriented word, with a technical meaning.

METHODS

Collocations of EFS and EFC were counted and compared in the left and right contexts. A contextual study made it possible to distinguish the following generalized syntactic phrase structures, typical of both EFS and EFC, for their further lexical analysis, where (E) stands for Effectiveness/Efficiency:

1. Verbal structure: V+N(E)+of+N.
2. Nominal structure: N(E)+of+N.
3. Verbal structure: V+A+N(E).
4. Nominal structure: A+N(E).
5. Adjectival structure: A(E)+N.
6. Miscellaneous.

RESULTS

1. Verbal structure: V+N(E)+of+N. For the first structure, there were 48 contextual realizations of EFS (Tb. 1). Verbs in the left context included: *assess (7), change, compare, control, demonstrate (2), diminish, discuss, enhance, establish, evaluate (7), gauge, illustrate (2), improve (4), indicate, investigate (2), manipulate, re-evaluate, quantify (2), show (3), study, test, validate, verify (5).*

Table 1 / Таблица 1

**Syntactic structure / Синтаксическая структура:
V (verb)+Article+N(E)+P (preposition)+A (adjective)/Article +N (noun)**

V	Art.+EFS (P)	A/Art.+N
re-evaluate	the EFS of	chemical blends
illustrate	the EFS of	the method
quantify	the EFS of	degradable fibers
evaluate	the EFS of	different viscosity reducers
V	Art.+EFC+P	A+N
improve	the EFC of	mining
determine	the EFC of	volcanic reservoirs
increase	the EFC of	calcium sulfate scale prevention
compare	the EFC of	combustion and pyrolysis

As for EFC, there were only 19 cases of occurrence, only 40% of those of EFS (Tb. 1). The verbs in the left context were the following: *analyze, compare, control, determine, enhance (3), evaluate (2), improve (7), increase, investigate, quantify.*

Six verbs were identical for EFS and EFC: *compare, control, enhance, evaluate, improve, and quantify.* Taking into consideration repeated use of some of the verbs, 16 of them were identical, which means that 33% (16/48) of coincidence for EFS, and 79% (15/19) — for EFC. Hence, the collocability of EFS with verbs was wider.

EFS’s right context included method-related concepts (14): *geostatistical methods*; industrial activities (12): *CO2-enhanced oil shale recovery*; systemic notions (7): *the operator training system*; objects of industrial activity (6): *highly-conductive zone*; substances (4): *additives*; time-space characteristics (4): *horizontal interval*; industrial processes (1): *acidizing*. That of EFC — industrial activities (7): *mining*; industrial processes (6): *the fracturing process*; systemic notions (2): *Venezuela’s economic system*; objects of industrial activity (2): *the multi-strategy classifier*; time-space characteristics (1):

volcanic reservoirs; substances (1): *various drag reducing agents*. Collocations with EFS comprised method-related concepts, which were not typical of EFC. EFS’s left verbal context (*assess, evaluate, verify*) also matched the semantics of *method*.

2. Nominal structure: N(E)+of+N. The overwhelming majority of realizations, 50, belonged to EFS; while only six — to EFC: *the efficiency of play; carbonate based solutions; natural gas-fired electricity; the inhibitor; enhanced oil recovery; this technique*. The presence of EFC in this syntactic structure testifies that this word can take this position, but not very commonly. The right context for EFS included methods (21): *the proposed technique, the proposed approach*; industrial processes and activities (13): *gas generation*; industrial objects (8): *secondary play*; substances (8): *the surfactant*.

3. Verbal structure: V+A+N(E). Its difference from structure (1) is that it exposes the nouns’ opportunities to collocate with other nominals in the left context, following the verb (Tb. 2). 11 realizations of this structure were observed for EFS and 33 — for EFC, six phrases with the post-position in the right context among them. 27 verbs in the left context included: *affect, double, enhance, have impact on, identify, improve (12), increase (2), influence (2), maintain, recover, result in (3), suffer from*. Comparing them to those, relating to EFS, only one verb was identical: *improve: improve the development EFS of reservoir; improve gas recovery / the sweep / displacement / production / market EFC*.

Table 2 / Таблица 2

**Syntactic structure / Синтаксическая структура:
V (verb)+Art. (article)+A (adjective)+N(E)+P(preposition)+A+N**

V	(Art.)+A	EFS (+P)	N
evaluate	the job	EFS	
evaluate	fracture	EFS	
evaluate	weathered crust reservoir	EFS	
improve	the development	EFS of	reservoir
V	(Art.)+A	EFC(+P)	A+N
double	proppant placement	EFC	
result in	poor sweep	EFC	
improve	the development	EFC of	heavy oil, shale oil and other resources
improve	the inversion	EFC of	highly deviated and horizontal wells logging data
increase	the inhibition	EFC of	calcium sulfate scale formation in oil reservoirs
estimate	the displacement	EFC of	water displacing oil

EFS included nine attributes in the left context: methods (6), industrial activities and processes (4), production-related indicators (2), and an adjective, e.g. *development, applications, fracture, expected*. EFC was preceded by industrial activities and processes (19, or 57%), ratio (12, or 37%), economy-related terms (2), e.g. *recovery, production, inversion, inhibition, market, sweep*.

4. Nominal structure: A+N(E). This structure leaves out the verb in the initial position (cf. 3). It was represented by 32 realizations of EFS, and 22 those of EFC. EFS was preceded by lexical units denoting objects of industrial activities and processes (27, or 84%), substances (2, or 6%), adjectives (2, or 6%), equipment (3%), e.g. *diversion, exploration, production, stimulation, reduction, stimulation, reservoir, source, foam, fracture, compounds, three chemical fluid compositions, acid, regional-distinct, pump*; EFC — by nouns, denoting industrial activities and processes (15, or 70%), and

5 (or 30%) nouns, related to the meaning of ratio, e.g. *displacement, production, recovery, sealing, energy transfer, expulsion, inhibition, injection, brake thermal, catalytic, WAG (water-alternating gas), sweep*. The percentage of the constituent groups demonstrates the presence of process-related nouns in the left context of both EFS and EFC; however, the majority characterizes EFC.

5. Adjectival structure: A(E)+N. This group included three examples for EFS: *well-log EFS estimation, acid EFS evaluation and sealing EFS ratio*; and two realizations of EFC: *wormhole EFC relationships and EFC development technique*. Arguably, the adjectival position is not typical either of EFS or EFC.

6. Miscellaneous. The structure A+N(E)+of+N was observed twice for EFC: *the system EFC of single well and the maximum conversion EFC of fatty acids*, in which EFC had the technical meaning of ratio. EFS had two realizations, related to methods in the right context: *the recovery EFS of the two production methods and the development EFS of SAGD (steam-assisted gravity drainage)*. Structures, rarely occurring in the technical context, also included N+P+N(E)+P+N: *evaluation of the EFS of chemical flooding, the reduction of the EFS of these processes, impact on the EFC of enhanced oil recovery*; and N+of+N(E): *a good indicator of the EFS, three tiers of EFS, the comparison of the EFC*. Occasional examples were *the effects of CO₂ molecular diffusion, nanopore confinement, and stress-dependent deformation on CO₂-EOR EFS; the effects of addition of sodium hydroxide to the solution on the gas sweetening performance and EFC*; among others.

Table 3 / Таблица 3

**Consolidated data on syntactic valency /
Сводные данные о синтаксической валентности**

Syntactic structures	Effectiveness	Efficiency
1. Verbal structure: V+N(E)+of+N	32%	21%
2. Nominal structure: N(E)+of+N	33%	7%
3. Verbal structure: V+A+N(E)	7%	37%
4. Nominal structure: A+N(E)	21%	25%
5. Adjectival structure: A(E)+N	2%	2%
6. Miscellaneous	5%	7%

CONCLUSION

To summarize, in this article, an attempt to analyze valency and collocability of the words *effectiveness* and *efficiency* was made on the material of 700 titles and abstracts of technical research articles on petroleum science. According to dictionary definitions, these notions possess both common and different features. However, for the purposes of teaching English for specific purposes and technical translation, they need more specification. The results of a comparative analysis showed that, firstly, *effectiveness* appeared to be 40% more frequently used (Tb. 3). Secondly, despite some similarities in syntactic valency, there were clear distinctions, related to the frequency of their occurrence in those syntactic positions. Typical syntactic structures for *effectiveness* were V+N(E)+of+N: *assess the effectiveness of the proposed method*; N(E)+of+N: *the effectiveness of the designated mud pulse generator*; and less frequently V+A+N(E): *foam effectiveness*. Whereas, *efficiency* normally occurred in V+A+N(E): *improve production efficiency*; A+N(E): *injection efficiency*, and less frequently in V+N(E)+of+N: *increase*

the efficiency of calcium sulfate scale prevention. Thirdly, *effectiveness* tended to combine with method-related notions; while *efficiency* — with lexical units denoting processes, actualizing its technical meaning. Finally, both *effectiveness* and *efficiency* were occasionally used as attributes.

© Филясова ЮА.

Дата поступления: 18.08.2018

Дата приема в печать: 26.01.2019

REFERENCES

1. Ginzburg, R.S., Khidekel, S.S., Knyazeva, G.Y., & Sankin, A.A. (1979). A course in modern English lexicology. Moscow: Higher School. (In Russ.).
2. Filipec, J. (1994). Lexicology and lexicography: Development and state of the research. In: *Prague school of structural and functional linguistics*, Ph.A. Luelsdorff (Ed). Amsterdam: John Benjamins B.V. pp. 163—185.
3. Yudina, N.V. (2006). On some new phenomena in lexeme collocating in the modern Russian language (based on attributive-substantive complexes). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science*, 16, 75—84. (In Russ.).
4. Katznelson, S.D. (1987). To the notion of types of valency. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*, 3, 20—32. (In Russ.).
5. Kobrina, N.A. (2007). Is there any regular correspondence between the lexical meaning of a verb and its grammatical paradigm? *Issues of Cognitive Linguistics*, 4, 40—43. (In Russ.)
6. Paducheva, E.V. (2001). About the structure of the semantic field “perception”. *Topics in the Study of Language*, 4, 23—44. (In Russ.).
7. Kalinina, O.N. (2008). Unity of the notions valency, function and position. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science*, 69, 111—114. (In Russ.).
8. Stowell, T.A. (1981). Origins of phrase structure [abstract of dissertation]. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology.
9. Chomsky, N. (1965). Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
10. Kobrina, N.A., Korneeva, E.A., Ossovskaya, M.I. & Guseeva, K.A. (2004). Grammar of the English language: Morphology. Syntax: A coursebook. St. Petersburg: Union.
11. Ermilova, M.L. (1993). Collocability of phraseological units with words, *Vestnik of Saint-Petersburg University*, 4, 78—80. (In Russ.)
12. Mitrofanova, I.I. & Chernova, N.V. (2013). Work on lexical combinability based on political texts in foreign audience. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 3, 39—43. (In Russ.)
13. Novikov, L.A. (2011). The reflection of stylistic synonymy in the context of literary works, *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 49—53. (In Russ.)
14. Arnold, I.V. (2012). Lexicology of modern English language: A coursebook. Moscow: FLINTA.
15. Filyasova, Y.A. (2015). Continuous and end-of-module assessment system modelling for second-language communicative competence evaluation. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 4, 220—223. (In Russ.)
16. Arutyunova, N.D. (1976). Sentence and its meaning: Logical and semantic issues. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Journals / Журналы

17. Journal of Petroleum Geology. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/journal/17475457> (accessed: 5.07.18).
18. Petroleum Geoscience. URL: <http://pg.lyellcollection.org/> (accessed: 8.07.18).

19. Journal of Unconventional Oil and Gas Resources. URL: <https://www.journals.elsevier.com/journal-of-unconventional-oil-and-gas-resources> (accessed: 10.07.18).
20. Journal of Petroleum Science and Engineering. URL: <https://www.journals.elsevier.com/journal-of-petroleum-science-and-engineering> (accessed: 12.07.18).
21. Marine and Petroleum Geology. URL: <https://www.journals.elsevier.com/marine-and-petroleum-geology> (accessed: 15.07.18).
22. Petroleum Exploration and Development. URL: <https://www.journals.elsevier.com/petroleum-exploration-and-development> (accessed: 1.07.18).
23. Petroleum Science. URL: <https://www.springer.com/earth+sciences+and+geography/mineralogy+%26+sedimentology/journal/12182> (accessed: 7.07.18).

Dictionaries / Словари

24. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 7.07.18).
25. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 7.07.18).
26. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 7.07.18).
27. Oxford Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (accessed: 7.07.18).

УДК: 81'276.6:62

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-187-196

EFFECTIVENESS VS. EFFICIENCY: АНАЛИЗ ВАЛЕНТНОСТИ И СОЧЕТАЕМОСТИ В ТЕХНИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Ю.А. Филясова

Санкт-Петербургский горный университет

21-я линия, д. 2, Васильевский остров, Санкт-Петербург, Россия, 199106

В статье представлены результаты лексико-синтаксического анализа валентности и сочетаемости английских слов, относящихся к одной семантической группе: *effectiveness* и *efficiency*. Целью исследования было изучить способность данных слов вступать в лексические и синтаксические связи, учитывая некоторую разницу в их лексических значениях, представленных в словарных дефинициях. В задачи исследования входило определение семантических различий и анализ частей речи слов в левом и правом контекстах. Материалом анализа стали 700 заголовков и аннотаций статей из семи международных журналов по геологоразведочной и нефтегазовой тематике. Объем материала составил 177,444 слов. Методы исследования включали сплошную выборку, классификацию, анализ дефиниций, синтаксических связей и лексических значений релевантных слов. В результате исследования было выявлено, что частота употребления слова *effectiveness* на 40% выше, чем слова *efficiency*. *Effectiveness* и *efficiency* имеют сходства на уровне синтаксической валентности: они встречаются в одинаковых синтаксических структурах, однако, с разной частотностью. Разница наиболее заметна в таких синтаксических последовательностях как N(E)+of+N, которая характерна для *effectiveness*, и V+A+N(E) — для *efficiency*. Типичным примером для *effectiveness* может служить *the effectiveness of the proposed method*; для *efficiency* — *improve production efficiency*. В отношении лексической сочетаемости необходимо отметить, что *effectiveness* чаще употребляется с лексическими единицами, обозначающими методы, в то время как *efficiency* — процессы. Полученные данные соотносятся с информацией, полученной из словарных дефиниций: *effectiveness* имеет более широкое семантическое поле (что объясняет более высокую частоту встречаемости) и ориентировано на результат, в то время как *efficiency* в большей степени указывает на процесс и имеет дополнительное техническое значение. Результаты анализа могут быть исполь-

зованы в практике преподавания английского языка как иностранного для технических направлений подготовки студентов и перевода технических текстов.

Key words: валентность, сочетаемость, частотность слов, синтаксическая структура, английский язык

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гинзбург Р.З., Хидекель С.С., Князева Г.Ю., Санкин А.А. Курс по современной английской лексикологии. М.: Высшая школа, 1979.
2. Филлипс Дж. Лексикология и лексикография: Развитие и современное состояние исследований. В: Пражская школа структурной и функциональной лингвистики / Под ред. Ф.А. Луельсдорфа. Амстердам: Джон Бенжаминс Б.В., 1994. С. 163—185.
3. Юдина Н.В. О некоторых новых явлениях в сочетаемости лексем современного русского языка (на материале атрибутивно-субстантивных комплексов) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. no 16. С. 75—84.
4. Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. no. С. 20—32.
5. Кобрин Н.А. Вопрос о соотношении между лексическим значением глагола и полнотой его парадигм // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 40—43.
6. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» // Вопросы языкознания. 2001. no 4. С. 23—44.
7. Калинина О.Н. Единство понятий валентности, функции и позиции // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. no 69. С. 111—114.
8. Стоуэлл Т.А. Истоки структуры фразы: дисс. ... д.ф.н. Массачусетс: Массачусетский технологический институт (МТИ), 1981.
9. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Массачусетс: МТИ Пресс, 1965.
10. Кобрин Н.А., Корнеева Е.А., Оссовская М.И., Гузеева К.А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис: учеб. пособие. СПб.: Союз, 2004.
11. Ермилова М.Л. Сочетаемость фразеологических единиц со словами // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 1993. no 4. С. 78—80.
12. Митрофанова И.И., Чернова Н.В. Лексическая сочетаемость в общественно-политических текстах и работа над ней в иностранной аудитории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. no 3. С. 39—43.
13. Новиков А.Л. Отражение стилистической синонимии в контексте художественных произведений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. no 2. С. 49—53.
14. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
15. Филасова Ю.А. Моделирование системы непрерывного и тематического контроля уровня развития иноязычной коммуникативной компетенции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. no 4. С. 210—223.
16. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.

Для цитирования:

Филасова Ю.А. Effectiveness vs. efficiency: анализ валентности и сочетаемости в техническом контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 1. С. 187—196. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-187-196.

For citation:

Filyasova Yu.A. (2019) Effectiveness vs. efficiency: an analysis of valency and collocability in a technical context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 187—196. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-187-196.

Сведения об авторе:

Филясова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского горного университета (Россия); *научные интересы*: лингвистика, фонетика, деловой английский, технический перевод, медиадискурс, преподавание английского языка; *e-mail*: phill.yield@gmail.com

Information about the author:

Filyasova Yulia Anatolyevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Saint-Petersburg Mining University (Russia); *scientific interests*: linguistics, phonetics, business English, technical translation, media discourse, English language teaching; *e-mail*: phill.yield@gmail.com

НАУКА 21.0

УДК: 81:1

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-197-212

ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ВОЙНА» И «МИР» В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Е.А. Голубенко

Федеральное государственное бюджетное учреждение
«3 Центральный научно-исследовательский институт»
Министерства обороны Российской Федерации
ул. Красная, 85, Бронницы, Московская обл., Россия, 140170

В настоящее время в отечественной и зарубежной лингвистике в плане изучения национальной культуры широко распространен антропоцентрический подход, доказывающий появление лингвокультурного направления в современной науке, в рамках которого возник и развивается интерес к вопросам концептуализации и языковой картины мира.

Языковая картина мира — основополагающий объект исследований многих современных ученых, представляющий собой сложный процесс, изучение которого продиктовано как развитием лингвистики в целом, так и ее отдельных направлений, в частности лингвокультурологии.

Концепт как носитель культурной информации того или иного народа и неотъемлемый компонент национальной концептосферы объединяет весь спектр системы концептуальных понятий и научных воззрений. Концепт — это понятийное образование, содержащее в себе индивидуальные суждения и общепризнанные стандартные значения, т.е. возможное понятийное содержание исследуемого объекта или языкового феномена.

Статья посвящена рассмотрению основных результатов сопоставительного исследования концептов «война» и «мир» и их репрезентации в языковой картине мира русского, английского и японского языков. Итогом изучения данных концептов служит моделирование их полевой организации в виде словесного и графического представлений, т.е. содержания концептов в виде их полевых структур.

Данное моделирование позволяет утверждать, что полевая организация концептов при осуществлении их сопоставительного анализа раскрывает взаимосвязь языка с существующей реальностью, а также выявляет национально-специфические характеристики языкового сознания этноса.

Реакции респондентов на концепты «война» и «мир» напрямую зависят от их языковой идентичности и типа культуры, к которой они принадлежат. Моделирование полевой организации дает полную картину о национально-специфичном характере исследуемых концептов. Именно концепт «война», а не «мир», обладает более высоким уровнем частотности и экспрессивности в сознании носителей всех трех анализируемых языков, что неудивительно, так как респонденты независимо от их культурных различий постоянно сталкиваются с явлениями внешнего мира и испытывают одни и те же основные эмоции.

Ключевые слова: полевая организация, полевая структура, ядро, периферия, концепт, языковая картина мира, война, мир

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в лингвистике сформировалась новая область исследования — концептология, которая понимается как ментально-познавательный процесс, заключающийся в осознании человеком информации, поступающей из внешнего мира, в форме концептов — языковых средств, раскрывающих его лингвокультурные особенности [1. С. 90; 2. С. 20].

Принципиальная особенность исследования любого концепта заключается в том, что невозможно провести анализ абсолютно всех языковых средств, и ни один из всех существующих методов и приемов не может зафиксировать все без исключения значения концепта. Однако несомненным остается тот факт, что чем больше анализов и методов мы используем в нашем исследовании, тем больше признаков, характеризующих концепты «война» и «мир», мы выявим и тем ближе подойдем к их истинным моделям. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «исследователь в любом случае моделирует концепт по косвенным признакам его проявления. Любая модель концепта — это лишь исследовательская модель» [3. С. 165].

Для построения полевой организации концептов «война» и «мир» мы основываемся на их структуре и выявленных когнитивных признаках. Так, например, И.А. Стернин выделяет базовый слой, в который входит ядро и когнитивные слои (ближняя и дальняя периферии концепта), наиболее тесно примыкающие к нему, а Ю.С. Степанов — три компонента: внутреннюю форму (ядро), основные и дополнительные признаки [4. С. 61; 5. С. 41].

Мы представляем структуры концептов «война» и «мир» в форме кругов. В центре расположено основное понятие (ядро), а на периферии — все то, что выражено под влиянием традиций, культуры и индивидуального опыта носителей языка [6. С. 616] (рис. 1).

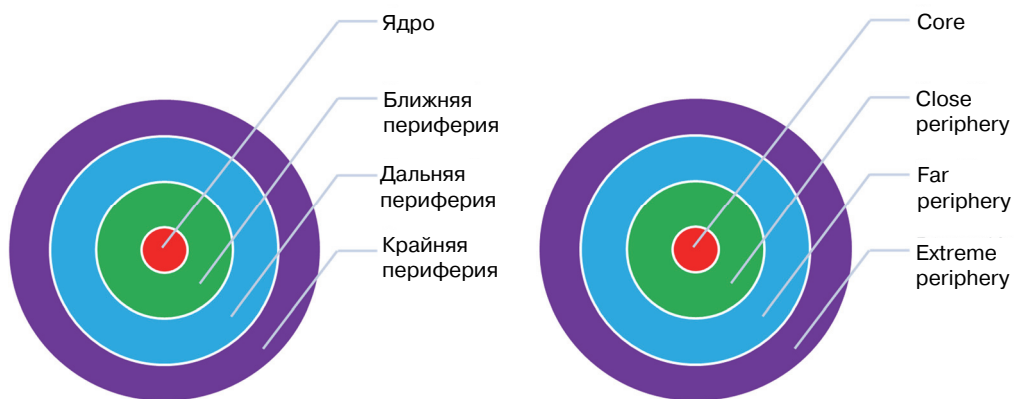

Рис. 1. Полевая структура концепта

Figure 1. Field structure of the concept

Ядро — это дефинитивные значения ключевого слова концептов «война» и «мир». Периферия — личный опыт респондентов и различные ассоциативные связи. Далее периферийный уровень делится на ближний, дальний и крайний. В ядро входят лексемы с высокой частотой использования носителями языка. Они используются в прямом значении, нейтральные по стилю, без эмоциональной

окраски и минимально зависят от контекстуальных ситуаций. Лексемы, частота использования которых превышает частоту других лексем в ядре, входят в центр ядра. К ближней периферии относятся те лексемы, частота которых ниже по сравнению с ядерными лексемами, но они также стилистически нейтральны и минимально зависят от контекста. Дальняя периферия включает лексемы со сравнительно невысокой частотностью. Они могут быть как многозначными, так и однозначными. По сравнению с первыми двумя группами лексемы дальней периферии ограничены эмоционально-экспрессивной и стилистической окраской. Крайняя периферия содержит в себе лексемы с довольно низкой частотой использования в языке. Это лексемы, напротив, стилистически окрашены и отличаются эмоциональной экспрессивностью. К данной группе также относятся лексемы, которые чаще употребляются в переносном значении или входят в другие лексико-семантические группы [7. С. 894].

ЦЕЛЬ

Цель данного исследования — анализ многоуровневых концептов «война» и «мир» в языковой картине мира русского, английского и японского языков; моделирование полевой организации данных концептов, состоящих из ядра и периферии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниками исследования послужили результаты лексикографического анализа (с указанием совокупного индекса словарной фиксации) и данные двух методов психолингвистического эксперимента — свободного ассоциативного эксперимента и метода субъективной дефиниции (с указанием совокупного индекса яркости) как способов репрезентации концептов «война» и «мир» (табл. 1—6).

Таблица 1

Сопоставление значений ключевых слов концепта «война» в русском языке

Унифицированные значения	Метод обобщения лексикографических значений (совокупный индекс словарной фиксации)	Свободный ассоциативный эксперимент (совокупный индекс яркости)	Метод субъективной дефиниции (совокупный индекс яркости)
стресс	—	0,97	0,78
борьба	1,4	0,37	0,93
прекращение жизни	—	0,75	0,52
разорение	—	0,65	0,6
уголовное преступление	—	0,62	0,15
наглядный пример из жизни	—	—	0,72
разногласия	—	—	0,71
опасение за жизнь своей семьи	—	0,08	0,39
достижение и успех	—	0,32	—
компьютерная игра	—	—	0,25
массовые беспорядки	—	—	0,21
применение вооруженной техники	—	—	0,2
патриотизм	—	0,02	0,17
чрезвычайные ситуации	—	—	0,16
государственные перспективы	—	0,05	—
взаимодействие	—	0,02	—
резкие изменения	—	0,02	—

Table 1

Comparison of the meanings of the key words of the concept “war” in the Russian language

Standardized values	Generalization of the lexicographical values (cumulative index of dictionary fixation)	Free associative experiment (cumulative index of brightness)	Subjective definition method (cumulative index of brightness)
stress	—	0,97	0,78
fight	1,4	0,37	0,93
termination of life	—	0,75	0,52
ruin	—	0,65	0,6
criminal offence	—	0,62	0,15
a good example from life	—	—	0,72
disagreement	—	—	0,71
fear for the life of your family	—	0,08	0,39
achievement and success	—	0,32	—
computer game	—	—	0,25
mass disorders	—	—	0,21
the use of military equipment	—	—	0,2
patriotism	—	0,02	0,17
emergency situation	—	—	0,16
state prospects	—	0,05	—
interaction	—	0,02	—
sharp changes	—	0,02	—

Таблица 2

Сопоставление значений ключевых слов концепта «мир» в русском языке

Унифицированные значения	Метод обобщения лексикографических значений (совокупный индекс словарной фиксации)	Свободный ассоциативный эксперимент (совокупный индекс яркости)	Метод субъективной дефиниции (совокупный индекс яркости)
благополучие	—	0,95	2,06
спокойствие	3,2	1,5	1,12
детство	—	—	0,99
семья	—	0,62	0,29
правосудие	—	0,59	—
мироздание	—	0,45	—
международное сотрудничество	—	—	0,42
почтительное отношение	—	0,35	—
духовная сторона жизни	—	—	0,29
отсутствие вражды	0,8	0,02	—
альтернатива	—	0,02	—

Table 2

Comparison of the meanings of the key words of the concept “peace” in the Russian language

Standardized values	Generalization of the lexicographical values (cumulative index of dictionary fixation)	Free associative experiment (cumulative index of brightness)	Subjective definition method (cumulative index of brightness)
welfare	—	0,95	2,06
calm	3,2	1,5	1,12
childhood	—	—	0,99
family	—	0,62	0,29
justice	—	0,59	—
creation	—	0,45	—
international cooperation	—	—	0,42
deference	—	0,35	—
inwardness	—	—	0,29
absence of enmity	0,8	0,02	—
alternative	—	0,02	—

Таблица 3

Сопоставление значений ключевых слов концепта «война» в английском языке

Унифицированные значения	Метод обобщения лексикографических значений (совокупный индекс словарной фиксации)	Свободный ассоциативный эксперимент (совокупный индекс яркости)	Метод субъективной дефиниции (совокупный индекс яркости)
fight	1,4	1,42	2,54
stress	—	2,07	1,11
fatality	—	1,3	—
benefit	—	—	1,08
armed forces	—	0,72	—
collapse	—	0,61	—
casualty	—	0,27	—
World War II	—	—	0,13
death	—	—	0,13
colour	—	0,02	—
occupancy	—	—	0,02

Table 3

Comparison of the meanings of the key words of the concept “war” in the English language

Standardized values	Generalization of the lexicographical values (cumulative index of dictionary fixation)	Free associative experiment (cumulative index of brightness)	Subjective definition method (cumulative index of brightness)
fight	1,4	1,42	2,54
stress	—	2,07	1,11
fatality	—	1,3	—
benefit	—	—	1,08
armed forces	—	0,72	—
collapse	—	0,61	—
casualty	—	0,27	—
World War II	—	—	0,13
death	—	—	0,13
colour	—	0,02	—
occupancy	—	—	0,02

Таблица 4

Сопоставление значений ключевых слов концепта «мир» в английском языке

Унифицированные значения	Метод обобщения лексикографических значений (совокупный индекс словарной фиксации)	Свободный ассоциативный эксперимент (совокупный индекс яркости)	Метод субъективной дефиниции (совокупный индекс яркости)
welfare	—	1,47	2,79
calmness	2	2	1,13
absence of conflict	1	—	0,61
alliance	—	0,52	—
charity	—	0,51	—
creativity	—	0,5	—
job	—	—	0,02

Table 4

Comparison of the meanings of the key words of the concept “peace” in the English language

Standardized values	Generalization of the lexicographical values (cumulative index of dictionary fixation)	Free associative experiment (cumulative index of brightness)	Subjective definition method (cumulative index of brightness)
welfare	—	1,47	2,79
calmness	2	2	1,13
absence of conflict	1	—	0,61
alliance	—	0,52	—
charity	—	0,51	—
creativity	—	0,5	—
job	—	—	0,02

Таблица 5

Сопоставление значений ключевых слов концепта «война» в японском языке

Унифицированные значения	Метод обобщения лексикографических значений (совокупный индекс словарной фиксации)	Свободный ассоциативный эксперимент (совокупный индекс яркости)	Метод субъективной дефиниции (совокупный индекс яркости)
戦い ('борьба')	0,6	2,62	2,17
独裁 ('тирания')	—	1,36	—
ストレス ('стресс')	—	0,81	0,42
壊滅 ('гибель')	—	0,66	0,52
不幸 ('беда')	—	0,76	—
確執 ('вражда')	—	—	0,6

Table 5

Comparison of the meanings of the key words of the concept “war” in the Japanese language

Standardized values	Generalization of the lexicographical values (cumulative index of dictionary fixation)	Free associative experiment (cumulative index of brightness)	Subjective definition method (cumulative index of brightness)
戦い ('борьба')	0,6	2,62	2,17
独裁 ('тирания')	—	1,36	—
ストレス ('стресс')	—	0,81	0,42
壊滅 ('гибель')	—	0,66	0,52
不幸 ('беда')	—	0,76	—
確執 ('вражда')	—	—	0,6

Таблица 6

Сопоставление значений ключевых слов концепта «мир» в японском языке

Унифицированные значения	Метод обобщения лексикографических значений (совокупный индекс словарной фиксации)	Свободный ассоциативный эксперимент (совокупный индекс яркости)	Метод субъективной дефиниции (совокупный индекс яркости)
幸せ ('благополучие')	—	2,63	2,46
太平 ('спокойствие')	0,9	0,03	0,55
安泰 ('безопасность')	—	—	0,5
社会 ('общество')	0,1	—	0,02

**Comparison of the meanings of the key words of the concept “peace”
in the Japanese language**

Standardized values	Generalization of the lexicographical values (cumulative index of dictionary fixation)	Free associative experiment (cumulative index of brightness)	Subjective definition method (cumulative index of brightness)
幸せ ('welfare')	—	2,63	2,46
太平 ('calm')	0,9	0,03	0,55
安泰 ('safety')	—	—	0,5
社会 ('society')	0,1	—	0,02

Для выявления ключевых характеристик исследуемых концептов, отраженных в языковом сознании народа, прежде всего, необходимо проведение лексикографического исследования, опирающегося на языковые данные различных словарей, фиксирующих понятийные характеристики исследуемых концептов. Роль использования лингвистических словарей в современной концептологии давно признана [8. С. 93; 9. С. 184; 10. С. 204; 11. С. 247].

В целях проведения лексикографического анализа концептов «война» и «мир» мы обратились к словарным дефинициям следующих толковых словарей:

1) в русском языке — к Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, толковому словарю русского языка (под ред. Д.В. Дмитриева), Большому толковому словарю русского языка (под ред. С.А. Кузнецова), толковому словарю русского языка (под ред. С.И. Ожегова), толковому словарю русского языка (под ред. Д.Н. Ушакова) [12—16];

2) в английском языке — Cambridge Dictionary, Longman Advanced American Dictionary, Macmillan English Dictionary: for advanced learners, Merriam-Webster Dictionary, Oxford Advanced Learner's Dictionary [17; 18; 19; 20; 21];

3) в японском языке — デジタル大辞泉, 大辞林 第三版, 三省堂 Web Dictionary [22—24].

На основе сопоставления результатов, полученных посредством лексикографического анализа ключевых слов, репрезентирующих концепты «война» и «мир», нам удалось выделить частные и общие признаки менталитета носителей русского, английского и японского языков.

Отражение явлений «война» и «мир» в русской, английской и японской языковых картинах мира имеет длинную историю, поэтому в концептуальных рамках они во многом тождественны. Это можно объяснить общим предметом исследования — социальный характер и вечная борьба за жизнь и покой имели место в прошлом всех трех народов. Выделенные значения из словарных дефиниций позволяют думать, что конкретизация понятийных характеристик концептов «война» и «мир» также свидетельствуют об общности русской, английской и японской лингвокультур. При этом в рассматриваемых сферах можно найти и различия. Так, в русском языке в значении слова «война» основная сема — «борьба», в то время как у английского war и японского 戦争 (сэнсō, война) обнаруживается одинаковая сема — «armed conflict» / «武装紛争 (бусōфунсō, вооруженный конфликт)».

В современной русской языковой картине мира *борьба*, будучи одним из популярных элементов концепта «война», представляет собой «зеркало» социальной обстановки внутри российского общества, а следовательно, и мировоззрения носителей русского языка. Причиной борьбы, скорее всего, может быть недовольство из-за сложившихся обстоятельств, вызванных чувством тревоги людей, и стремления быстрого разрешения социальных проблем. Отсюда война до победного конца. Но поскольку русский народ достаточно миролюбивый, борьба в ряде ситуаций допускает основанный на уступках компромисс или мир [25. С. 43].

Вместе с тем довольно тесную связь с семой «борьба» в английском и японском языках имеет сема «вооруженный конфликт». Этому можно найти объяснение — довольно «стабильная» историческая память всех народов о Второй мировой войне и борьбе с фашистской Германией. Можно без преувеличения сказать, что эта болезненная память до сих крепко держится в сознании практически всех народов мира [26. С. 139].

Примечательно, что в словарных дефинициях слова 戦争 выделяется еще одна сема — «сила». По мнению японского политолога Каору Июкибэ, одним из мощных инструментов влияния на общество служит так называемая «мягкая сила», с помощью которой можно воздействовать на мир в культурном и социально-гуманитарном плане [27].

Кроме того, согласно данным лексикографического анализа выяснилось, что единственное общее значение для ключевого слова концепта «мир» во всех трех исследуемых языках — «покой». В наши дни, в ритме быстрого темпа современной жизни, способность сохранять спокойствие (или *покой*) помогает не терять самоконтроль, что часто приводит к той же *борьбе* и *конфликтам* [28. С. 114].

В рамках психолингвистического эксперимента в общей сложности приняли участие 218 человек: из числа студентов Российской Федерации, Миссурийского университета (Соединенные Штаты Америки), Университета Суррея (Великобритания), Университета Софии и Токийского университета (Япония), а также из числа военнослужащих танковых войск Вооруженных Сил Российской Федерации, Корпуса морской пехоты США и морских сил самообороны Японии.

Такой выбор респондентов не случаен. Цель эксперимента — выявить сходства и различия в мировоззрениях людей, имеющих опыт в военном деле и боевых действиях, и лиц, не имеющих непосредственного к этому отношения; определить современное понимание таких социальных феноменов как война и мир.

Для получения объективной и полной картины о понятийных признаках изучаемых концептов привлекались респонденты в возрасте от 17 до 63 лет. Респондентам была предложена анкета с 25 вопросами. Открытые вопросы сформулированы с учетом поставленной цели для получения наиболее точной и достоверной информации. Анкета составлена так, чтобы можно было определить общие культурные признаки, а также особенности, характеризующие языковую картину мира русского, английского и японского языков. Чтобы избежать «вторичных» (или «не первых») реакций респондентов, учитывалось время для ответов. С уче-

том общего количества вопросов в среднем было отведено около 20 минут. Респонденты количеством порождаемых словесных реакций ограничены не были.

Анализ полученных реакций в ходе психолингвистического эксперимента методами свободного ассоциативного эксперимента и субъективной дефиниции показывает, что характеристики ведения боевых действий и отношение к мирному времени в трех сравниваемых лингвокультурах практически одинаковы, поскольку это следует из тактики нападения, сражения, отступления и заключения мирных соглашений. Различия в русской, английской и японской языковых картинах мира проявляются при акцентировании сути понятийного компонента концепта «война». В русском языковом сознании война воспринимается как причинение насильственной смерти и лишение жизни. В английском языковом сознании — как состязание, спор или борьба сильнейшего. В японском сознании — абсолютное неприятие любого вида проявления жестокости, следствием которого становится война [29. С. 953]. Однако абсолютно все респонденты единодушны во мнении, отождествляя концепт «мир» с покоем и благополучием — правильным образом жизни, превалированием положительных эмоций и соответствием принятой в конкретной культуре системе ценностей, т.е. удовлетворенностью жизнью.

ПОЛЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ВОЙНА» И «МИР»

Итогом моделирования полевой организации концептов «война» и «мир» в рамках сопоставительного исследования послужило словесное представление смыслового содержания концептов в виде их полевых структур. Для последующего распределения когнитивных признаков концептов по ядерному и периферийному уровням был осуществлен расчет показателей индекса яркости данных признаков. Поскольку было проведено два вида исследования концептов (лексикографическое и экспериментальное), то для распределения их когнитивных признаков был вычислен средний индекс яркости [30. С. 32]. Количество респондентов, давших одинаковый ответ, указывалось после соответствующего признака. Затем ответы ранжировались по частотным группам, в порядке убывания. Для максимальной точности показатели когнитивных признаков исследуемых концептов указывались с сотыми долями. При равной частотности внутри одного уровня когнитивные признаки распределялись в алфавитном порядке.

1. Полевая структура концепта «война» в русском языке

Ядро: *Стресс 0,87; Сражение 0,85.*

Ближняя периферия: *Разногласия 0,65; Прекращение жизни 0,63; Вооруженная борьба 0,4; Уголовное преступление 0,38; Наглядный пример из жизни 0,36; Причина распада 0,32; Разорение 0,3; Вражда 0,2.*

Дальняя периферия: *Компьютерная игра 0,12; Конфликт 0,1; Массовые беспорядки 0,1; Оставление детей без защиты 0,1; Применение вооруженной техники 0,1; Раздор 0,1; Ссора 0,1.*

Крайняя периферия: *Патриотизм 0,09; Укрытие для защиты от средств нападения 0,09; Чрезвычайная ситуация 0,08; Достижение и успех 0,06; Опасение за жизнь своей семьи 0,04; Неприязнь 0,03; Государственные перспективы 0,02; Взаимодействие 0,01; Резкие изменения 0,01.*

2. Полевая структура концепта «война» в английском языке

Ядро: *Stress 1,27; Fight 1,2.*

Ближняя периферия: *Fatality 0,65; Benefit 0,54; Armed conflict 0,5; Armed forces 0,36; Collapse 0,3; Collision 0,3; Hostility/antagonism 0,3.*

Дальняя периферия: *Casualty 0,13; Struggle 0,1; Conflict 0,1.*

Крайняя периферия: *Colour 0,01.*

3. Полевая структура концепта «война» в японском языке

Ядро: 戦い 'Борьба' 1,31; 衝突 'Collision' 1,08; 壊滅 'Гибель' 0,87.

Ближняя периферия: 独裁 'Тирания' 0,68; ストレス 'Стресс' 0,61; 不幸 'Бедя' 0,38; 競争 'Конкуренция' 0,33; 武装紛争 'Вооруженный конфликт' 0,33; 確執 'Вражда' 0,3.

Дальняя периферия: 軍隊 'Армия' 0,16; 武器 'Оружие' 0,16; 会戦 'Сражение' 0,16.

Крайняя периферия: 力 'Сила' 0,08.

4. Полевая структура концепта «мир» в русском языке

Ядро: *Благополучие 1,45; Покой 1,4.*

Ближняя периферия: *Природа 0,6; Детство 0,5; Общество 0,41; Отсутствие вражды 0,41; Вселенная 0,4; Земля 0,4; Мирный договор 0,3; Отдельная область жизни/науки 0,3; Правосудие 0,3; Соглашение 0,3; Мироздание 0,22; Сила 0,22; Международное сотрудничество 0,21; Планета 0,2; Почтительное отношение 0,2; Светская жизнь 0,2.*

Дальняя периферия: *Духовная сторона жизни человека 0,14; Психическое состояние человека 0,1.*

Крайняя периферия: *Согласие 0,05; Альтернатива 0,01.*

5. Полевая структура концепта «мир» в английском языке

Ядро: *Calm 1,5; Welfare 1,15; Absence of conflict 0,85.*

Ближняя периферия: *Planet 0,5; Countries 0,4; Earth 0,4; Society 0,4; Absence of worries 0,3; Group of living things 0,3; Period in history 0,3; Way of life 0,3; Alliance 0,26; Creativity 0,25; Charity 0,25; Absence of arguing and fighting 0,2; Area of some sphere 0,2; Course of life 0,2; Formal agreement 0,2; Universe 0,2.*

Крайняя периферия: *Job 0,01.*

6. Полевая структура концепта «мир» в японском языке

Ядро: 幸せ 'Благополучие' 2,41; 平安 'Покой' 1,3.

Ближняя периферия: 宇宙 'Вселенная' 0,3; 国家 'Государство' 0,3; 地球 'Земля' 0,3; 特別区域の後 'Специализированная область' 0,3.

Дальняя периферия: 安全 'Безопасность' 0,25; 存在 'Бытие' 0,15; 契約 'Договор' 0,15; 惑星 'Планета' 0,15; 共存 'Сосуществование' 0,15.

Крайняя периферия: 社会 'Общество' 0,06.

Результаты нашего эксперимента были подвергнуты статистическому анализу, на основании которого были сделаны выводы о ядерных и периферийных признаках рассматриваемых концептов «война» и «мир» [31. С. 85]. Ядерные значения концепта отличаются «наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичными наиболее яркими образами». Периферию концепта составляют «более абстрактные признаки, <...> указывающие на меру его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления» [32. С. 16].

Кроме того, для интерпретации данных полевых структур и разъяснения выявленных признаков концептов «война» и «мир» была проведена эксперт-оценка, заключающаяся в анализе актуальности значений исследуемых концептов, их экспрессивности и специфики использования в речи носителей.

Эксперт-оценку по данному вопросу осуществляли 14 ведущих специалистов, компетентных в области русской, английской и японской филологии, из Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, Омского автобронетанкового инженерного института и Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского.

Цель эксперт-оценки — смысловой анализ выявленных когнитивных признаков концептов «война» и «мир» в русской, английской и японской языковых картинах мира.

Предмет эксперт-оценки — когнитивные признаки концептов «война» и «мир», выделенные в ходе лексикографического и психолингвистического исследований.

Эксперты ответили на шесть вопросов, непосредственно связанных с когнитивными признаками исследуемых концептов. Большинство из экспертов сходятся во мнении, что значение *войны* и *мира* как социальных явлений на современном этапе развития общества в России, Соединенных Штатах Америки, Великобритании и Японии заключается в обеспечении национальной безопасности и противодействии международному терроризму на дальних рубежах. А значит, концепты «война» и «мир» для современного общества могут быть осмыслены одновременно как единый взаимосвязанный лингвистический феномен и как социальный феномен безопасности вооруженных сил нынешних и грядущих поколений.

Все эксперты единодушны во мнении, что *война* и *мир* представляют собой сложное психолингвистическое явление, исследование которого строится, прежде всего, на изучении роли войны и мира в жизни обычных носителей языка.

В ходе анализа оценок, данных экспертами, нам удалось выявить следующее. Во-первых, отношение к данному социальному явлению определяется характером мировоззрения и состоянием языкового фонда конкретного языка в определенный период времени. Так, эксперты полностью согласны с респондентами психолингвистического эксперимента, что на современном этапе развития общества *борьба с войной* — это стремление к достижению мира путем проявления лучших своих качеств: отваги, храбрости, мужества, силы и *спокойствия*, с одной стороны, и предотвращение самых страшных результатов любой войны: человеческих жертв, душевных травм и потери близких и родных, с другой стороны. Во-вторых, из-за слишком большого количества социальных, политических и экономических противоречий, современное общество, к сожалению, не готово следовать законам пацифизма. В-третьих, несмотря на то, что все респонденты и эксперты гордятся своей «военной» историей, они полагают, что в настоящее время необходимо следовать курсу сотрудничества между нациями и обеспечивать доверие между ними, тем самым укрепляя мир во всем мире.

ВЫВОДЫ

Таким образом, сопоставительный анализ полевых структур показал, что, во-первых, исследуемые концепты совпадают по содержанию и объему ядерных зон, но различаются когнитивными признаками периферии. При этом уровни ближней и дальней периферии не схожи ни по содержанию, ни по объему. Лишь частичное совпадение имеют зоны крайней периферии — по объему, но не по содержанию. Во-вторых, периферийные зоны концептов «война» и «мир» в трех языках довольно значительны, что говорит о многообразии языковых средств, репрезентирующих данные концепты и доказывающих их актуальность в современном мировом обществе. В-третьих, результаты психолингвистического эксперимента корректируют полученные в ходе лексикографического анализа языковой материал, что значительно расширяет границы понимания и увеличивает глубину содержания концептов «война» и «мир».

Комплексное сочетание лексикографического анализа и психолингвистического эксперимента в действительности помогает раскрыть исследуемые концепты, выявить их самые значимые концептуальные признаки (имеющие высокую частоту реакций), которые можно обнаружить только при анализе экспериментальных методов на материале трех языков [33. С. 1249]. Концепт невозможно изучать как исключительно лингвистический феномен, поскольку нельзя игнорировать его культурную составляющую. Любой концепт — это «маркер» социальной жизни народа, его видения и стереотипы.

©Голубева Е.А.

Дата поступления: 18.11.2018

Дата приема в печать: 26.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Издательство МГУ, 1996.
2. Fillmore C.J. Frame Semantics and the Nature of Language. Origins and Evolution of Language and Speech. New York: New York Academy of Sciences, 1976.

3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
4. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 2001.
5. Millon Th., Lerner M.J. *Developmental Psychology // Handbook of Psychology*. 2003. Vol. 6, pp. 616—628.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.
7. Luthra S., Fox N.P., Blumstein S.E. Speaker Information Affects False Recognition of Unstudied Lexical-Semantic Associates // *Attention, Perception & Psychophysics*. 2018. Vol. 80, no 4, pp. 894—912.
8. Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики. Уфа: РИО БашГУ, 2006.
9. Гак В.Г. Человек в языке // *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. М.: Индрик, 1999.
10. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007.
11. Шмелёв Д.Н. Проблема семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Либроком, ЛКИ, КомКнига, 1973.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Наука, 1999.
13. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003.
14. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.
16. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2000.
17. Cambridge Dictionary. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 09.07.18).
18. Longman Advanced American Dictionary. Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 10.07.18).
19. Macmillan English Dictionary. Режим доступа: <http://www.macmillandictionaries.com> (дата обращения: 10.07.18).
20. Merriam-Webster Dictionary. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 10.07.18).
21. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 10.07.18).
22. 三省堂 Web Dictionary (Word-Wise Web Dictionary). Режим доступа: http://www.sanseido.biz/Main/Dictionary/hanrei/daijirin_v3.aspx (дата обращения: 11.07.18).
23. デジタル大辞泉 (Japan knowledge). Режим доступа: <https://japanknowledge.com> (дата обращения: 11.07.18).
24. 大辞林 第三版 (Sanseido daijirin). Режим доступа: <https://weblio.jp/cat/dictionary/ssdji> (дата обращения: 11.07.18)/
25. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.
26. Inghilleri M. *Interpreting Justice: Ethics, Politics and Language (Routledge Advances in Translation and Interpreting Studies)*. Routledge: Taylor&Francis, 2012.
27. Iokibe K. *Political Musings by the Waterside: Examining Linkage between Politics and Society // Social Science Japan*. 2017. no 37, pp. 9—13.
28. Dickson P. *War Slang: American Fighting Words & Phrases since the Civil War*. D.C.: Brassey, 2003.
29. Mitsugi S. Incremental Comprehension of Japanese Passives: Evidence from the Visual-World Paradigm // *Applied Psycholinguistics*. 2017. Vol. 38, no 2, pp. 953—983.

30. *Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение и его описание: теоретические проблемы. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
31. *Griffiths T.L., Daniels D., Austerweil J.L., Tenenbaum J.B.* Subjective Randomness as Statistical Inference // *Cognitive Psychology*. 2018. Vol. 103, pp. 85—109.
32. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Истоки, 2002.
33. *Rákosi C.* Replication of Psycholinguistic Experiments and the Resolution of Inconsistencies // *Journal of Psycholinguistic Research*. 2017. Vol. 46, no 5, pp. 1249—1271.

УДК: 81:1

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-197-212

FIELD ORGANIZATION OF CONCERTS “WAR” AND “PEACE” IN THE MODERN LINGUISTIC WORLD VIEW

Elena A. Golubenko

Federal State-Owned Budgetary Establishment
“The 3rd Central Research Institute
of the Ministry of Defense of the Russian Federation”
Krasnaya St., 85, Bronnitsy, Moscow region, Russia, 140170

Abstract. Nowadays anthropocentric approach is widely used in the study of national culture in the Russian and foreign linguistics. It proves the emergence of linguistic and cultural trends in modern science, in which there is an interest in the issues of conceptualization and linguistic world view.

Linguistic world view is a fundamental object of many modern scientists’ research, which is a complex process, the study of which is dictated by the development of linguistics and its individual areas in particular linguoculturology.

The concept as a carrier of cultural information of a particular nation and an integral component of the national conceptual sphere unites the whole range of conceptual concepts and scientific views. The concept is a conceptual formation containing individual judgments and generally recognized standard values, i.e. the possible conceptual content of the object study or a linguistic phenomenon.

The article considers the main results of the comparative study of the concepts “war” and “peace” and their representation in the linguistic world view of the Russian, English and Japanese languages. The result of the study of these concepts is the modeling of their field organization in the form of verbal and graphical representations, i.e. the content of concepts in the form of their field structures.

This modeling allows us to confirm that the field organization of concepts in the implementation of their comparative analysis reveals the relationship of language with the existing reality, as well as reveals the national and specific characteristics of the linguistic consciousness of the ethnic group.

The respondents’ reactions to the concepts “war” and “peace” directly depend on their linguistic identity and the type of culture they belong to. The modeling of the field organization provides a complete picture of the national and specific nature of the concepts. It is the concept “war” rather than “peace” that has a higher level of frequency and expressiveness in the native speakers’ minds of all three analyzed languages, that is not surprising, since respondents regardless of their cultural differences constantly face the outside world phenomena and experience the same basic emotions.

Key words: field organization, field structure, core, periphery, concept, linguistic world view, war, peace

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (1996). Short dictionary of cognitive terms. Moscow: Izdatel'stvo MGU publ. (In Russ.).
2. Fillmore, C.J. (1976). *Frame Semantics and the Nature of Language. Origins and Evolution of Language and Speech*. New York: New York Academy of Sciences.
3. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). *Cognitive linguistics*. Moscow: AST: Vostok-Zapad publ. (In Russ.).
4. Sternin, I.A. (2001). *Research methodology of concept structure*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo Universiteta publ. (In Russ.).
5. Millon, Th. & Lerner, M.J. (2003). *Developmental Psychology*. In: *Handbook of Psychology*, 6, 616—628.
6. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of the Russian culture. Research experience*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury publ. (In Russ.).
7. Luthra, S., Fox, N.P. & Blumstein, S.E. (2018). *Speaker Information Affects False Recognition of Unstudied Lexical-Semantic Associates*. In: *Attention, Perception & Psychophysics*, 80 (4), 894—912.
8. Vasil'ev, L.M. (2006). *Theoretical problems of general linguistics, Slavic studies, Russian studies*. Ufa: RIO BashGU publ. (In Russ.).
9. Gak, V.G. (1999). *Human in the language*. In: *Logical analysis of language. Human image in culture and language*. Moscow: Indrik publ. (In Russ.).
10. Sternin, I.A. (2007). *Contrastive linguistics. The issues of theory and research methodology*. Moscow: AST: Vostok-Zapad publ. (In Russ.).
11. Shmelyov, D.N. (1973). *The issue of semantic analysis of the vocabulary (by the example of the Russian language)*. Moscow: Librikom, LKI, Komkniga. (In Russ.).
12. Dal', V.I. (1999). *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.).
13. Dmitriev, D.V. (2003). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Astrel': AST publ. (In Russ.).
14. Kuznetsov, S.A. (2008). *Big explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint publ. (In Russ.).
15. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Az' publ. (In Russ.).
16. Ushakov, D.N. (2000). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Astrel', AST publ. (In Russ.).
17. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 09.07.18)
18. Longman Advanced American Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.ldoceonline.com> (accessed: 10.07.2018).
19. Macmillan English Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.macmillandictionaries.com> (accessed: 10.07.18).
20. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 10.07.18).
21. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed: 10.07.18).
22. 三省堂 Web Dictionary (Word-Wise Web Dictionary) [Electronic resource]. URL: http://www.sanseido.biz/Main/Dictionary/hanrei/daijirin_v3.aspx (accessed: 11.07.18).
23. デジタル大辞泉 (Japan knowledge) [Electronic resource]. URL: <https://japanknowledge.com> (accessed: 11.07.18).

24. 大辞林 第三版 (Sanseido daijirin) [Electronic resource]. URL: <https://weblio.jp/cat/dictionary/ssdij> (accessed: 11.07.18).
25. Stepanov, Yu.S. (2007). Concepts. Thin film of civilization. Moscow: Languages of the Slavic cultures publ. (In Russ.).
26. Inghilleri, M. (2012). Interpreting Justice: Ethics, Politics and Language (Routledge Advances in Translation and Interpreting Studies). Routledge: Taylor & Francis.
27. Iokibe, K. (2017). Political Musings by the Waterside: Examining Linkage between Politics and Society. In: *Social Science Japan*, 37, 9—13.
28. Dickson, P. (2003). War Slang: American Fighting Words & Phrases since the Civil War. D.C.: Brassey.
29. Mitsugi, S. (2017). Incremental Comprehension of Japanese Passives: Evidence from the Visual-World Paradigm. In: *Applied Psycholinguistics*, 38(2), 953—983.
30. Sternin, I.A. & Rudakova, A.V. (2011). Psycholinguistic meaning and its description: theoretical problems. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publ. (In Russ.).
31. Griffiths, T.L., Daniels, D., Austerweil, J.L. & Tenenbaum, J.B. (2018). Subjective Randomness as Statistical Inference. In: *Cognitive Psychology*, 103, 85—109.
32. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2002). Language and national consciousness. Issues of theory and methodology. Voronezh: Istoki publ. (In Russ.).
33. Rákosi, C. (2017). Replication of Psycholinguistic Experiments and the Resolution of Inconsistencies. In: *Journal of Psycholinguistic Research*, 46(5), 1249—1271.

Для цитирования:

Голубенко Е.А. Полевая организация концептов «война» и «мир» в современной языковой картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 1. С. 197—212. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-197-212.

For citation:

Golubenko E.A. (2019). Field organization of concepts “war” and “peace” in the modern linguistic world view. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 197—212. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-197-212.

Сведения об авторе:

Голубенко Елена Александровна, младший научный Федерального государственного бюджетного учреждения «3 Центральный научно-исследовательский институт» Министерства обороны Российской Федерации; научные интересы: сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, изучение разноструктурных языков на семантическом и психологическом уровнях, лексикографические исследования; e-mail: selenagol@rambler.ru.

Information about the author:

Golubenko Elena Aleksandrovna, a Junior researcher of the Federal State-Owned Budgetary Establishment “The 3rd Central Research Institute of the Ministry of Defense of the Russian Federation”; research interests: comparative-historical, typological and contrastive linguistics, the study of languages of different structures on the semantic and psychological levels, lexicographical researches; e-mail: selenagol@rambler.ru.

УДК: 81'255.2:821.111-31

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-213-224

ПЕРЕДАЧА ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ ПОВЕСТИ «ПИТЕР ПЭН»

Е.П. Юнкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Автор исследует перевод художественного текста с английского на русский язык на предмет передачи лингвокультурам. В связи с этим дается развернутое, многогранное определение понятия лингвокультуры на основе обобщения исследований этого понятия. Автор предлагает к рассмотрению не только русскоязычные, но и зарубежные теоретические наработки по теме базовых лингвокультурологических понятий. Таким образом, через синтез отечественных и испаноязычных работ предлагается опорное определение лингвокультуры. Для удобства и большей наглядности за основу берется четырехкомпонентная классификация культурем. Материалом для исследования послужили русскоязычные варианты перевода английской повести «Питер Пэн». Цель сопоставительного исследования переводов — пронаблюдать частотность культурем, встречающихся в художественном тексте, и классифицировать их, а также продемонстрировать разнообразие переводческих стратегий при подборе релевантной замены в языке перевода. Результаты исследования направлены на то, чтобы подтвердить тезис о принадлежности лингвокультуры к безэквивалентным единицам, являющимся источником переводческой проблемы. Сопоставление двух русскоязычных переводов и прагматический анализ выбираемых для каждого случая соответствий также подтверждает выдвинутый тезис о влиянии потенциального адресата перевода на выбор языковых единиц в переводном тексте. Актуальность данного исследования заключается в попытке изучения перевода как подвида межкультурной коммуникации на оригинальном языковом материале.

Ключевые слова: художественный текст, реалия, лингвокультура, культура, адресат, реципиент, переводческие стратегии, английский язык

ВВЕДЕНИЕ

Современные исследования перевода, в том числе сопоставления переводов художественных текстов, проводятся с учетом междисциплинарного характера научного знания. Собственно, сам перевод как предмет исследования рассматривается с нескольких научных ракурсов: с позиции текстологии, дискурс-анализа, прагматики и межкультурной коммуникации. Одним из базовых определений перевода будем считать представление перевода как вида языкового посредничества, особая функция которого — «служить полноправной заменой исходного сообщения (оригинала)» [1. С. 110].

Среди лингвистических исследований, посвященных изучению переводов, можно выделить те, где объектом исследования являются особенности переводов художественных текстов. Очевидно, что подобные исследования имеют целый ряд характеристик. Принципиально важно рассматривать такой перевод как адаптацию (по крайней мере, ее попытку) исходного текста к другой лингвокультуре — что,

в свою очередь, требует учета целого ряда факторов. Художественный (или литературный) перевод, по мнению видного теоретика и практика перевода В.Н. Комиссарова, призван удовлетворить «важную социально-культурную потребность» [1. С. 99].

РЕАЛИЯ ИЛИ КУЛЬТУРЕМА: НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Исходя из общего определения перевода как одного из видов языкового посредничества, делаем вывод о максимально возможной точности перевода как о важнейшей цели, которую ставит перед собой любой переводчик. «Эффективность межъязыковой коммуникации во многом определяется степенью близости перевода к оригиналу» [1. С. 113].

Что, в свою очередь, можно подразумевать под «эффективностью коммуникации», когда речь идет о художественном тексте? Находим закономерный ответ у того же исследователя в другой его работе: «...в художественном переводе основные проблемы переводчика связаны с необходимостью передавать художественно-эстетические достоинства оригинала и его индивидуально-авторские особенности» [1. С. 14].

Действительно, одной из важных задач в таком случае является сохранение эстетического послания произведения, что в глобальном смысле и является одной из граней межкультурной адаптации художественного текста. В то же время задача переводчика не так проста, как кажется: языковые и культурные различия становятся источниками переводческих проблем, для преодоления которых и служат так называемые переводческие стратегии. Текст в результате такой сложной и многоуровневой деятельности подвергается освоению, неизбежно приобретая изменения [2. С. 21].

Сегодня в основе интерпретации художественного текста лежит принцип системности языка и лингвистической многоплановости его исследования [3. С. 6]. Именно комплексный подход позволяет, в свою очередь, рассматривать перевод не как череду переводческих трансформаций, а как «систему транспонирования смыслов текста из одного языка в другой, из одной культуры в другую» [4. С. 5]; не как «примитивное перекодирование» текста, но как передачу системы ценностей культуры, к которой принадлежит исходный текст [5. С. 855]. Следовательно, анализ смысловой составляющей текста перевода должен осуществляться не только в рамках текста или дискурса, но и в рамках культуры, к которой этот текст принадлежит.

Если рассматривать проблему более пристально, общая формулировка «культурные различия» подразумевает несколько явлений, весьма любопытных для исследования в работе лингвистического толка. Можно сделать справедливый вывод, что особый интерес для исследования в переводе представляют этноспецифические понятия, относящиеся к реалиям. Впервые сам термин «реалия» появился в сфере лингвострановедения (или лингвокультурологии): эта дисциплина, родившаяся на стыке нескольких прикладных научных направлений, «обращается к культурной значимости языковых единиц, культурному пространству народа сквозь призму языка» [6. С. 5].

Стоит отметить, что в работах различных исследователей фигурируют разные термины, отвечающие за деноминацию этноспецифических понятий. Термин «реалия» является одним из частотных. В общем смысле реалия имеет следующее определение: «предмет материальной культуры, служащий основой для номинативного значения слова» [7]. Глубокая проработка понятия в работах некоторых современных исследованиях позволяет говорить классификации реалий по тем или иным признакам. Например, с точки зрения денотата (предметного значения), помимо материальных реалий могут выделяться рекламные реалии, метафорические реалии, а также реалии афористического уровня [8. С. 8].

Если понятие реалии достаточно прочно укоренилось в исследовательских трудах, то понятие культураны для русской научной терминологии менее частотное. Считается, что культураны как термин ввел в обиход русский религиозный философ Л.П. Карсавин. Будучи феноменом, порождаемым носителями определенной культуры, понятие культураны неразрывно связано с понятием концепта и так же, как и реалия, принадлежит сфере лингвокультурологии.

Намного чаще в научном дискурсе встречается понятие лингвокультураны. В широком смысле лингвокультураны принято называть «культурные знания, облеченные в языковую форму», которые в своем комплексе образуют языковую картину мира — «систему взглядов носителей языка» через призму этого языка [6. С. 5]. О лингвокультуране еще можно сказать, что она, с одной стороны, может быть представлена такими единицами, как лакуна, мифологема, метафора, символ, стереотип; с точки зрения формы это могут быть фразеологизмы, паремии, прецедентные феномены, грамматические единицы. С другой стороны, лингвокультурологией выводится термин «лингвокультурный концепт», синтезирующий единство культуры, языка и сознания [6. С. 6] и, по видимому, являющийся термином-гипонимом по отношению к лингвокультуране.

Мы можем отметить, что в контексте русскоязычной научной филологической мысли связаны понятия «реалия» и «культураны». Известный ученый-романист В.Г. Гак считает реалию неотъемлемой составляющей культурного пространства, которая включает в себя как материальную, так и духовную культуру и может рассматриваться как «совокупность определенных признаков (культураны)» [8. С. 9]. Под реалиями понимается все, что относится к культуре, культураны же — это «языковое выражение реалии, формальный и содержательный знак, который соотносится с определенным элементом действительности для выражения и обозначения некоторой реалии — предмета или ситуации» [8. С. 9; 9. С. 142].

Однако это не единственное определение реалии, что подтверждает мысль о нерешенности вопроса, связанного с дефиницией этого термина на сегодняшний день. Реалией называют как сам предмет реальной действительности, так и его языковой номинант. Периодически можно встретить попытки уточнить термин с помощью дополнительных терминов (отсюда «слова-реалии», «имена-реалии», «реалии-американизмы» и другие наименования). Ситуацию усложняет употребление целого ряда синонимичных (а по выводам некоторых исследователей, квазисинонимичных) определений: лингвокультураны, локализм, экзотизм, варваризм,

этнолексема, бытовое слово [8. С. 10]. Отсутствие единства в терминологии не является препятствием для детальных и кропотливых исследований в сфере переводоведения с применением арсенала лингвокультурологических средств, однако свидетельствует об отсутствии общепринятого подхода и универсальной классификации.

В данном исследовании хотелось бы отметить и распространенность термина «культурема» в работах западных переводоведов. Так, в статье, посвященной эмпирическому исследованию перевода культурем (на основе испанского и немецкого языков), авторы Christian Olalla Soler и Amparo Hurtado Albir подчеркивают неизбежность влияния культурных элементов, в том числе и культурем, на процесс и результат перевода. Исследователи предлагают свое определение понятия культуремы, опираясь на работу другого лингвиста, Л. Молины: «...вербальный или паравербальный элемент, достаточно весомый в рамках данной культуры, который, при контакте этой культуры с некой другой культурой, осуществляемом в рамках перевода, может провоцировать сложности межкультурной адаптации в тексте перевода» [10. С. 12] (пер. наш — Е.Ю.).

Исследование Л. Молины, в свою очередь, содержит в себе достаточно глубокое, продуманное изучение природы культуремы. Основываясь на работах Ю. Найды, Молина разрабатывает свою классификацию видов культурем, содержащую четыре пункта. Согласно этой типологии (мы приведем здесь ее в сжатом виде), культурема может отражать:

- 1) естественную среду (особенности климата, флоры, фауны, атмосферные явления, географические особенности местности, а также топонимы);
- 2) культурное наследие (исторические факты, элементы религиозной культуры, фольклора, мифов и преданий, объекты и продукты национальной культуры: музыка, фильмы и т.д.);
- 3) социокультуру (общественные установки и привычки, формы вежливого общения, моральные ценности, политическое устройство);
- 4) лингвокультуру (пословицы, устойчивые выражения, имена собственные, общие метафоры, междометия, нецензурная лексика) того или иного общества [10. С. 12].

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ

Итак, следуя логике данной статьи, будем придерживаться термина «лингвокультурема» ввиду разнообразия иллюстративного материала, который едва ли можно свести к перечислению особенностей повседневной культуры исходного языка (т.е. к тому, что в филологической традиции принято называть *реалиями*) и их передаче с помощью языка перевода. К примеру, мы рассмотрим и фразеологические обороты, с легкостью вплетенные автором в текст — поэтому остановимся на термине «лингвокультурема» как наиболее универсальном, и при этом будем опираться на классификацию Л. Молины, рассмотренную выше. С нашей точки зрения, ее емкость позволяет осветить различные концепты культуры-от-

правителя, запечатленные с помощью единиц-культурем: от реалий естественной среды, элементов фольклора и культурного наследия до специфических форм вежливости, устойчивых выражений, ругательств и пословиц, отражающих богатство и гетерогенность словесного фонда.

В своей статье Olalla Soler и Hurtado Albir выдвигают тезис о прямом влиянии уровня компетенции переводчика на передачу культурем в тексте перевода и создание адекватного перевода в принципе. Культурема, таким образом, считается одним из самых сложных элементов для межкультурной адаптации. В одном из пунктов теоретической части лингвисты приводят подробную классификацию техник перевода («*técnicas de traducción*»). Некоторые термины совпадают частично или полностью со стратегиями перевода, известными в русском переводоведении, например: адаптация («*adaptación*»), калька («*calco*»), лингвистическая компрессия («*compresión lingüística*»), описательный перевод («*descripción*»), генерализация («*generalización*»), модуляция («*modulación*»), заимствование («*préstamo*»), сокращение («*reducción*»), замена («*sustitución*»), буквальный перевод («*traducción literal*»), транспозиция («*transposición*») [10. С. 14].

С точки зрения теории перевода, лингвокультуремы относятся к безэквивалентной лексике — таким единицам исходного языка, которые не имеют аналога в переводящем языке [8. С. 8]. Для передачи безэквивалентной лексики существует целый ряд определенных стратегий, где выбор переводчика всегда происходит *окказионально*, в зависимости от целого ряда факторов, в том числе интенций самого переводчика [11].

Согласно семантико-трансформационной модели перевода известен целый ряд стратегий, позволяющих передать с исходного языка на переводящий язык безэквивалентную лексическую единицу: это может быть транскрипция, транслитерация, калька, подбор лексического аналога, описание либо лексическая замена в широком ее понимании.

Особое внимание принято уделять способам перевода фразеологических сочетаний. Так, фразеологизмы, имеющие аналоги или полные совпадения в переводящем языке, не вызывают проблем при переводе. Ключевым из всего комплекса семантических значений для фразеологизма является переносное, или образное значение. В случае относительной ясности смысла при сохранении образного компонента словосочетание или предложение может переводиться путем калькирования. При фразеологическом сращении лучшей стратегией перевода будет раскрытие смысла фразеологизма через описание. Отметим, что особый интерес для нашего исследования представляют фразеологизмы с национально-этническим компонентом: передача этого компонента значения при переводе не имеет первостепенной важности для сохранения смысла, но для переводчика, ставящего перед собой цель сохранить эстетическое послание произведения, безусловно, это тоже будет иметь приоритет. Для сохранения национального колорита переводчик может прибегнуть к калькированию, а значение фразеологизма — точнее, отдельных его элементов — пояснить с помощью сносок [11].

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ ПОВЕСТИ «ПИТЕР ПЭН»

Сказочная повесть «Питер Пэн» написана английским писателем Дж.М. Барри в 1911 году и принадлежит викторианской эпохе (конец XIX — начало XX вв.) [13]. Среди русскоязычных переводов выделяются сокращенный вариант, предназначенный для младшего школьного возраста, выполненный И.П. Токмаковой (1981) [14] (его еще иногда называют «пересказом») и более близкий к оригиналу, полный перевод Н.М. Демуровой (1968) [15].

Сопоставление этих переводов художественного произведения, принадлежащего англоязычной лингвокультуре начала XX века, представляет особый интерес ввиду их очевидных различий в подходе переводчика к тексту и в конечной цели перевода. Блестящий перевод И.П. Токмаковой содержит немало лагун, вызванных желанием автора не перегружать произведение и при этом достичь определенного стилистического единства, сохранив важные функции художественного текста — прагматическую и эстетическую. Полный перевод Н.М. Демуровой содержит эпизоды и коннотации, сложные для детского понимания, но присутствующие в тексте оригинала [12].

Так как, согласно классификации Л. Молины, к культурам, отражающим *естественную среду*, относятся топонимы, а также климатические и атмосферные явления. Следующий пример может стать иллюстрацией перевода подобной культуры:

It was then I rushed in like a **tornado**, wasn't it? [13. С. 20];

— Как раз в этот момент я и ворвался как **ураган**, да? [14. С. 16];

— В эту минуту я и влетел к вам, как **ураган**, да? [15].

Сохранение лингвокультуры *tornado* позволило бы сохранить инокультурный колорит. Тем более, что в русском языке можно встретить данное заимствование (*торнадо*). Однако для литературной речи оба переводчика отдают предпочтение эквиваленту *ураган*.

Немалое количество лингвокультурем, обнаруженных в тексте оригинала, можно отнести к единицам, отражающим *социокультуру*. Например, видим это в следующих примерах:

Mr. Darling <...> took a **cab** [13. С. 4];

А папа нанял **извозчика** [14. С. 5];

...мистер Дарлинг крикнул **извозчика** [15].

Слово *cab* имеет в русском переводе соответствие, образованное путем транскрибирования: *кэб* (также встречается *кеб*): «наемный экипаж» [16]. Однако переводчики отказываются от заимствования в пользу более привычного для русского читателя слова.

В тексте оригинала часто встречаются денежные единицы, характерные для Великобритании времен написания повести:

“I have one **pound** seventeen here... <...> say ten **shillings** <...> with five naught naught in my **cheque-book**...” [13. С. 5];

«У меня в кармане **фунт** и семнадцать **пенсов**...» [14. С. 6];

«Значит так, один **фунт** семнадцать **шиллингов** дома... <...> скажем, десять **шиллингов**... <...> в **банке** у меня пять фунтов...» [15].

Сразу же обратим внимание, как лагуна в оригинальном тексте порождает «разноголосицу» в переводах: в первом случае переводчик выбирает пенсы, во втором — шиллинги. В целом даже данный текстовый пример иллюстрирует, насколько сокращен перевод И.П. Токмаковой. Но даже несмотря на эти сокращения, денежные единицы как особенность национального колорита, сохранены в текстах обоих переводов.

Обратим внимание на следующее словоупотребление:

...this nurse was a prim **Newfoundland** dog, called Nana [13. С. 6];

...в нянях у них была большая черная **собака-водолаз**, которую звали Нэна [14. С. 6];

...в няньки они взяли **нюфаундленда**, собаку по кличке Нэна [15].

В первом примере перевода для наименования клички собаки выбран аналог, существующий в русском языке; во втором примере переводчик выбрал соответствие-заимствование, образованное путем транскрибирования.

Приведем еще один пример единицы, отражающей социокультуру традиционного британского общества:

chocolate-pudding day [13. С. 10];

воскресный пудинг [14. С. 7];

шоколадный пудинг [15].

В оригинале наблюдается атрибутивное словосочетание: речь идет об особом дне, выделяющемся на общем фоне. Сам определяющий компонент представляет собой отдельное словосочетание (*chocolate-pudding*) и служит средством создания образности. Известно, что пудинг — традиционное английское лакомство. Оба переводчика сохранили указание на эту часть словосочетания, прибегнув при этом к конверсивному переводу (семантическому варьированию, или изменению направления субъектных отношений). Однако первый вариант перевода кажется более точным, так как содержит еще и указание на смысловой центр словосочетания: «тот самый день», когда к столу подается шоколадный пудинг.

Любопытно употребление следующего выражения:

Mrs Darling consulted Mr Darling, but he smiled **pooh-pooh** [13. С. 12];

Миссис Дарлинг решила посоветоваться с мистером Дарлингом. Но он только **сниходительно** улыбнулся [14. С. 10];

Миссис Дарлинг рассказала об этом разговоре мужу, но он только **рассмеялся** [15].

Данная культура может быть отнесена, согласно классификации Л. Молины, к *лингвокультуре* британского общества. Мы видимо, что в оригинале *pooh-pooh*, имеющее просторечную окраску, употребляется в роли наречия при глаголе *smile*. В первом варианте перевода часть речи сохранена, во втором случае переводчик предпочел выбрать глагол-синоним, который имел бы оттенок значения, позволяющий скомпенсировать отсутствующую часть речи. Однако это не единственное употребление *pooh-pooh* в тексте:

At first he **pooh-poohed** the story, but he became thoughtful when she showed him the shadow [13. С. 22];

Сначала он **не хотел и слушать**, но потом задумался, когда она показала ему тень [14. С. 17];

Сначала мистер Дарлинг только **посмеивался**, но, когда ему показали тень, он задумался [15].

В кембриджском словаре глагол *pooh-pooh* кодифицирован как элемент неформальной речи и имеет следующее определение: *to express an opinion that an idea or suggestion is silly or not worth considering* [17], то есть служит «для выражения мнения о том, что идея или предположение оппонента коммуникации являются глупыми, неприемлемыми» (пер. наш — Е.Ю.)

Отметим также, что единичные «вкрапления» элементов просторечного, сниженного стиля позволяют автору добиться особого эстетического эффекта, в частности, убрать барьеры между повествованием с явно сказочным сюжетом и читателем и сделать его непосредственным участником истории.

Неоднозначную оценку вызывает и следующая британская лингвокультура:

“My wearing **myself to the bone** trying to be funny in this house” [13. С. 26];

«Никакой возможности вас всех рассмешить! **Как я ни стараюсь!**» [14. С. 19];

«**Я из сил выбиваюсь**, чтобы всем в доме было весело!» [15].

Здесь популярное идиоматическое выражение *work oneself to the bone* имеет несколько непривычный вид: благодаря наличию глагола *wear* всю фразу можно перевести как «из кожи вон лезу» (пер. наш — Е.Ю.) В целом же возможны и другие варианты этого выражения, например: «work your fingers to the bone — to work extremely hard, especially for a long time» [17].

Очень ярко проявляет себя британская лингвокультура в сказочной повести в следующем отрывке:

Now Wendy was **every inch a woman**, though there were not very many **inches**, and she peeped out of the bedclothes [13. С. 35].

В переводе И. Токмаковой в связи с прагматическими установками переводчика этот словесный оборот опущен. В тексте находим лишь сокращенный вариант перевода:

Венди выглянула из-под одеяла [14. С. 25].

В другом переводе, напротив, находим отражении концепции переводчика следовать букве оригинального текста:

Венди, конечно, была женщиной **до самых кончиков своих пальцев**, хоть пальчики эти и были совсем невелики, и она высунула голову [15].

Этот случай требует пояснения. Анализ словарной дефиниции слова *inch* (дюйм) показывает возможность употребления данной единицы в переносном значении: «*every inch — целиком, полностью; He's every inch a soldier — он настоящий солдат*» [18. С. 200]. Согласно Cambridge Dictionary, выражение «*to be every inch a...*» означает «*to be exactly like*», «*to be similar, the same*» [17] — «*быть точь-в-точь, как...*», «*быть похожим на...*» (пер. наш — Е.Ю.). Очевидно, что во втором случае перевод осуществляется путем подбора фразеологической единицы в переводящем языке: при выборе иного предметного компонента,

сохраняются переносный, эмоциональный, стилистический компоненты значения. Слово *inch* в данном случае является национально-этническим компонентом значения фразеологизма, который утрачивается при переводе. Однако обратим внимание на игру слов в оригинале: она вызвана путем повтора лексемы *inch*, и употребления ее уже в прямом значении: *though there were not very many inches...* [13. С. 35]. Эта игра слов сохраняется и при переводе: *хоть пальчики эти и были совсем невелики* [15].

Наше исследование показало, что наименее частотной в данном художественном тексте является лингвокультурема, отражающая культурное наследие общества (см. классификацию Л. Молины выше). Показательным является следующий пример:

It was not really a happy question to ask him; it was like an examination paper that asks grammar, when you want to be asked is **Kings of England** [13. С. 36].

У него сделалось такое лицо, точно он попал на экзамен и ему достался билет про неправильные глаголы, а он хотел, чтобы его спросили про **Графальгарскую битву** [14. С. 28].

Это был не очень удачный вопрос — так порой бывает на экзамене, когда тебе предлагают грамматику, в то время как тебе хотелось бы написать, **какие короли правили в Англии** [15].

Как можно заметить, если во втором случае смысл лингвокультуремы (представленной целым словосочетанием) сохранен и присутствует лишь добавление как сугубо лексическая трансформация (*Kings of England* — **какие короли правили в Англии**); то в первом случае переводчик решается на отказ от осмысления представленного понятия и останавливает свой выбор на другой культуре. Лексический компонент *Графальгарская битва* в данном контексте реализует стилеобразующую функцию, отсылая читателя к важному историческому событию в истории Великобритании. Выбор в пользу данного варианта позволяет переводчику опустить название государства, которое входило в оригинальный вариант лингвокультуремы. И если дословный перевод Н. Демуровой потребовал добавления, привел к расширению синтаксической конструкции, то выбор И. Токмаковой, напротив, позволил представить национально окрашенный лексический компонент в тексте в сжатом виде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, лингвокультуремы — категория достаточно универсальная для лингвистического исследования текста, поскольку будучи частью языковой картины мира, она неизбежно встречается в большинстве художественных текстов. На фоне сопоставления переводов, для изучения способов перевода и факторов, влияющих на выбор языковых единиц, эта категория отражает необходимость привлечения и лингвокультурологического понятийного аппарата для подобных исследований. В то же время вопрос об уточнении определения термина «лингвокультурема» на сегодняшний момент остается открытым, так как в научном лингвистическом дискурсе успешно сосуществуют определения разной степени конкретности. Для

нашего текущего исследования удачным оказался выбор определения лингвокультуры как единицы языка, несущей в себе информацию о культурном знании и являющейся одним из множества компонентов, составляющих в совокупности языковую картину мира. Кроме того, термин «лингвокультура» был выбран в качестве гипонима по отношению к термину «реалия». Нами также было установлено, что по степени общности термин «лингвокультура» русской лингвистической традиции совпадает с термином «культура» испанской лингвокультурологической традиции — таким образом, эти термины можно назвать эквивалентными.

Как нам удалось продемонстрировать на примерах, употребленные автором художественного текста в оригинале лингвокультуры могут быть сгруппированы согласно классификации испанского исследователя Л. Молины по четырем категориям в зависимости от особенностей передаваемого знания о языковой культуре общества, к которому они принадлежат. При этом от текста к тексту количество лингвокультур той или иной категории будет отличаться в зависимости от множества факторов, стиля и интенций автора, художественных целей произведения. В целом подобная классификация позволяет упорядочить знания о лингвокультурах в рамках сопоставительного исследования переводов на предмет языковых преобразований и способов межъязыковой и межкультурной адаптации художественного текста.

© Юнкова Е.П.

Дата поступления: 8.10.2018

Дата приема в печать: 26.12.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2000.
2. *Оболенская Ю.Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. М.: Высшая школа, 2006.
3. *Чеснокова О.С.* Интерпретация художественного текста. Русско-испанский диалог: монография. М.: Инфра-М, 2018.
4. *Рянская Э.М.* Лингвокультурный компонент в переводческом пространстве // Коллективная монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014.
5. *Мамонтов А.С.* О некоторых проблемах адекватности перевода как одной из форм межкультурной коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 854—863.
6. *Сабитова З.К.* Лингвокультурология. М.: Флинта, 2013.
7. Академик: Словарь лингвистических терминов. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1319/> (дата обращения: 06.12.18).
8. *Кретов А.А., Фененко Н.А.* Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7—13.
9. *Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
10. *Olalla, C., Hurtado, A.* Estudio empírico de la traducción de los culturemas según el grado de adquisición de la competencia traductora. Un estudio exploratorio // Sendebarr, no 24, pp. 9—38.
11. *Паршин А.* Теория и практика перевода. Режим доступа: http://www.eduengl.ru/books/lingvist/parshin_teoria-i-praktika-perevoda.pdf (дата обращения: 06.12.18).

12. *Борисенко А.Л.* История Питера Пэна. Режим доступа: <https://arzamas.academy/mag/466-peter> (дата обращения: 06.12.18).
13. *Barrie, J.M.* Peter Pan. М.: Издательство «Икар», 2017.
14. *Барри Дж.* Питер Пэн. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1993.
15. *Барри Дж.* Питер и Венди. Режим доступа: http://librebook.me/piter_pen_i_vendi/ (дата обращения: 06.12.18).
16. Академик. Словари и энциклопедии. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/651537> (дата обращения 06.12.18).
17. Cambridge dictionary. Словарь. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения 06.12.18).
18. *Ахманова О.С., Уилсон Е.А.М.* Англо-русский и русско-английский словарь. М.: Русский язык, 1990.

УДК: 81'255.2:821.111-31

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-213-224

TRANSLATION OF LINGUOCULTUREMES IN THE FICTION TEXT “PETER PAN”

Evgeniya P. Yunkova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. This article presents the comparative analysis of two different Russian translations of English fiction text. The research deals with linguoculturemes. The author gives a variety of definitions of the term linguocultureme, comparing this concept's studies. The author offers to consider not only Russian-speaking but also foreign theoretical practices on a subject of basic linguoculturological concepts. Thus, through the synthesis of domestic and Spanish-language works the basic definition of a linguocultureme is offered. The four-component classification of the linguoculturemes helps to present the diversity of these components in the space of the English fiction text. The material of the research is Russian variants of translation of the English story “Peter Pan”. The purpose of this article is to compare the translations of the fiction text observing the rate of linguoculturemes in the text and classifying them, showing the variety of translation strategies. The results confirm the thesis about linguocultureme as a “zero-unit” which is a source of a translation problem. Comparative study of two Russian-language translations and its pragmatic analysis also confirms the thesis about the influence of the potential addressee of the text on the choice of language units during the translation. The attempt to study the translation as a part of the cross-cultural communication as well as the presence of the original material make this study relevant.

Key words: fiction text, reality, linguocultureme, cultureme, addressee, recipient, translation strategy, English

REFERENCES

1. Komissarov, V.N. (2000). Modern translation studies. Moscow: ETC. (In Russ.).
2. Obolenskaja, J.N. (2006). Translation studies and intercultural communication. Moscow: Publishing house Vysshaja shkola. (In Russ.).
3. Chesnokova, O.S. (2018). Interpretation of the fiction text. Russian-Spanish dialogue. Moscow: Publishing house Infra-M. (In Russ.).
4. Rjanskaja, E.M. (2014). Linguocultural component in the translation space. Collective monograph. Nizhnevartovsk: Publishing house of Nizhnevartovsk state university. (In Russ.).

5. Mamontov, A.S. (2017). About some problems of adequacy in translation as one of cross-cultural communication forms. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4), 854—863. (In Russ.).
6. Sabitova, Z.K. (2013). Linguoculturology. Moscow: Publishing House “Flinta”. (In Russ.).
7. Academic: Linguistic terms dictionary. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1319/> (accessed: 6.12.18).
8. Kretov, A.A. & Fenenko, N.A. (2013). Linguistic theory of realities. *Journal of Voronezh state university. Linguistic and Intercultural Communication*, 1, 7—13. (In Russ.).
9. Gak, V.G. (1998). Language transformations. Moscow: Publishing house “Languages of Russian culture”. (In Russ.).
10. Olalla, C. & Hurtado, A. (2013). Estudio empírico de la traducción de los culturemas según el grado de adquisición de la competencia traductora. Un estudio exploratorio. *Sendebarr*, 24, 9—38. (in Spanish).
11. Parshin, A. (1999). Theory and practice of translation. URL: http://www.eduengl.ru/books/lingvist/parshin_teoria-i-praktika-perevoda.pdf (accessed: 15.10.18). (In Russ.).
12. Borisenko, A.L. (2017). The story of Peter Pan. URL: <https://arzasmas.academy/mag/466-peter> (accessed: 6.12.18). (In Russ.).
13. Barrie, J.M. (2017). Peter Pan. Moscow: Publishing house “Ikar”. (in Eng).
14. Barrie, J.M. (1993). Peter Pan. Ekaterinburg: Sredneuralsky Publishing house (In Russ.).
15. Barrie, J.M. Peter and Wendy. URL: http://librebook.me/piter_pen_i_vendi/ (accessed: 6.12.18).
16. Academic. Dictionaries and encyclopedias. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/651537> (accessed: 6.12.18). (In Russ.).
17. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 6.12.18). (in Eng).
18. Ahmanova, O.S. & Uilson, E.A.M. (1990). English-Russian, Russian-English dictionary. Moscow: Russian Language.

Для цитирования:

Юнкова Е.П. Передача лингвокультурем в художественном переводе повести «Питер Пэн» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 1. С. 213—224. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-213-224.

For citation:

Yunkova, E.P. (2019). Translation of linguoculturemes in the fiction text “Peter Pan”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10 (1), 213—224. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-1-213-224.

Сведения об авторе:

Юнкова Евгения Петровна, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов; *научные интересы*: теория перевода, межкультурная коммуникация, сопоставительные исследования на материале русского, английского языков и языков романской группы; *e-mail*: evgeniya.yunkova@yandex.ru.

Information about the author:

Evgeniya P. Yunkova, PhD student, Department of foreign languages, faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia; *research interests*: theory of translation, intercultural communication, comparative study of Russian, English and Romance languages; *e-mail*: evgeniya.yunkova@yandex.ru.